

НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ

ЖУРНАЛ ПРАВОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ №1(21) /2005

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОКИ

А. Абакумов. СТЕПИ ЮЖНОЙ АРКТИДЫ 2

ГЕОПОЛИТИКА

И.Иванов, А. Абакумов. КРЫМСКАЯ ВОЙНА 7

ПУБЛИКАЦИИ

М. Таскаев. БЕЛАЯ АРМИЯ В КОМИ КРАЕ 12

В.Акунов. ДОБРОВОЛЬЦЫ ЛАУТБАХЕРА 18

НАШ СОВРЕМЕННОК

Ю. Кравцов. ТЕРНИСТЫМ ПУТЕМ... 21

ГЕОПОЛИТИКА

В.Акунов. БРОНЯ КРЕПКА И ТАНКИ НАШИ БЫСТРЫ ... 44

НАШИ КНИГИ 47

На обложке: Плакат Добровольческой Армии. 1920 г.

В Москве журнал можно купить на площади Революции, в музее художника К.Васильева. м.Алтуфьево, ул. Череповецкая, д.3 б. тел. 517-50-65, на книжном рынке в Олимпийском.

© НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ

Всероссийский культурно-просветительский журнал. Регистрационный номер 013415 от 21 марта 1995 Комитета РФ по печати.

Издатель: ООО «РУСПЕЧАТЬ»

Учредитель и главный редактор:

Попов Владимир Юрьевич

Цена договорная.

Почтовый адрес редакции: 111558, г.Москва, до востребования, Попову В.Ю.

E-mail: nnpr1@mail.ru

Подписной индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 34171.

Подписано в печать 11.11.2004
Тираж 500 экз Тип.

Тел.: 507-61-35

Александр АБАКУМОВ

СТЕПИ ЮЖНОЙ АРКТИДЫ

...Быть может из берлоги колдуна смотрел он в мир сквозь узкое оконце, его зачаровала вышина и властно превратила сердце в Солнце.

(Юрий Борисов)

В 3-м — 2-м тыс. до н.э. лесные и лесостепные пространства умеренного пояса Евразии, от Алтая на Востоке до Причерноморья на западе, заселяли индоевропейские народы (Андроновская культура Западной Сибири и Казахстана — распространявшаяся вплоть до Волги на западе и Минусинской котловины на востоке, родственная ей Срубная культура — от Прикарпатья до Приаралья, возможно также Катакомбная культура Причерноморья). Наши предки в своем духовном мире имели характерную черту, резко выделявшую их меж иных расовых и языковых групп, по существу не до конца преодолевших путь от человекообразной обезьяны и обезьяноподобного человека к человеку разумному (см. гл. «Нагорье Ариана» 1-я глава, также прим. (***) к ней). Не стоит это скрывать, оглядываясь на «толерантность и политкорректность», тем более, позорного нет тут ничего — учитывая, что человечеству как виду лишь 50-70 тыс. лет (позорно, будучи человеком, предпочитать себе подобным — обезьянский «интернационализм»).

Именно — реалистическое мироощущение. Позитивное отношение к внешнему миру, соответственно — убеждение в родственных отношениях с верховными божествами, их доброте и благожелательности к своему племени и земле.

Следствием было — отсутствие демонизации природных сил, внешних по отношению к человеку, соответственно — их демонологических культов («Откуда Ты, Русь?», с.с. 245-246), кровавых, мучительных обрядов оным, сопровождающих бытие — ну, как напр. мужскую инициацию, — столь красочно описанную напр. В.Я.Проплом («Исторические корни волшебной сказки»), символизирующую «новое рождение» иницируемого в земной мир, — свойственных другим народам в древности, — заменяемых ритуальным возлиянием и принесением в жертву продуктов земледельческого труда: ячменя и пива; человеческие жертвоприношения, возникающие на известном уровне

развития цивилизации, — заменялись у наших предков конским жертвоприношением (Е.Е.Кузьмина, в сб. «Средняя Азия в древности и средневековье», М., «Наука», 1977, с.39), заклинание жертвенного скота сопровождалось общей трапезой, в которой съедалось мясо жертвенных животных, лишь малая доля коего сожигалась на жертвенниках богов (С.Я.Лурье Греция) — незримо присутствующих между **родичами** (с известной долей критичности, обуславливаемой национальностью авторов, см. Г.М.Бонгард-Левин, Г.Ф. Ильин «Индия в древности», М., «Наука», 1985, гл. 7-я).

Образом жизни арийцев было земледелие, наряду с ним широко практиковалось оседлое и отгонное скотоводство. В хозяйстве появилась колесная конная повозка и ее военная версия — боевая колесница, выведены новые — упряжные конские породы. (Инсинуации об изобретении колесниц семитами Ближ. Востока, присвоенном арья, после открытия колесницы в захоронениях 3-тыс. до н.э. в Свердловской обл., как и гипотезу происхождения арьев от слова «ара», думаю, можно не комментировать. Использование и боевое применение колесниц, а впоследствии конницы (см. гл. «Точка отсчета» 2-я глава) чурками тем и отличалось, что носило хар-р неумелого подражания, см. В.Замаровский «Тайны хеттов», М., «Наука», 1968, с.с. 297-299). Надо ведь сказать, что колеса, известные до этого, изобретенные человеком еще 5000 лет назад, правильнее было б именовать катками — то были обычные обрубки древесных стволов, на которые устанавливались повозки; прирученные первыми восточноевропейские дикие лошади (тарпаны), к настоящему времени ради вкусного мяса полностью истребленные*, длительное время разводились, в т.ч. и импортированные на Ближ. Восток, лишь в качестве мясного скота, см. указ. Е.Е.Кузьмина, сб. «Средняя Азия в древности и средневековье». [По всей видимости, первыми познакомили ближневосточные народы с коневодством Хетты и Лувийцы (там же, с. 32), завоевавшие и заселившие 4000 лет назад Малую Азию, — родичи Троянцев, Римлян и Этрусков, вероятные прародичи Балто-литовских и Балто-славянских народов, — поклонявшиеся

богу грома, войны и смерти Пирве: Пяркунасу, Перуну, см. В.В.Иванов «Использование этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на индоевропейских языках», в сб. «Этимология», М., 1969.]

Что резко увеличило производительные возможности хозяйства — прежде лимитированные окрестными пастбищами, истощаемыми после 10-20 лет выпаса и вытаптывания, — обеспечив родовичей обильной и здоровой мясо-молочной пищей, жирами — важными прежде всего как медицинские средства, подобно спирту, теплыми войлоками и кожами. Облегчив перемещения и расселение на новые, плодородные земли, с благоприятным климатом — в Центральную Европу (начиная с Гальштатской культуры), Малую Азию (Хеттское царство, династии княжеств Миттани), долину Инда (эпоха Вед) и Средний Восток, оттаяв и частью истребив переживавшие серьезный культурный и идейный регресс (см. «История Ирана», Изд-во МГУ, 1977, с.с. 21, 26, Г.М.Бонгард-Левин, Г.Ф.Ильин «Индия в древности», с.с. 107-110) негроидные (дравидийские), семитские и иберийские племена, заселявшие их, чьи людоедские обычаи и демонологические культы — шокировали наших предков.

Такова вторая волна Арийского Открытия Мира. 1-й волной — был исход с высоких широт Гиберборейской прародины, с Рипейских гор — на земли Приуралья и Причерноморья, земли Аркаима, исход, принадлежащий еще Архаической эпохе.

Открытие мира — с полным правом этого наименования, ввиду сомнительности человеческой атрибутики предыдущих его обитателей той эпохи (см. В.Ю.Попов «Обезьяны Путина»).

* * *

Дешифровка одной только Бехистунской надписи дала нам по истории Персии сведения более подробные и достоверные, нежели все античные авторы, вместе взятые. (Войтех Замаровский)

В кон. 2-го — нач. 1-го тыс. до н.э. часть индоевропейских племен Центральной Евразии, имевших оседлую земледельческо-скотоводческую культуру, — овладела навыками, вознесшими жизнь и цивилизацию на ка-

чественно новый уровень. Представив возможность — обжить пространства Евразийской Степи, до того непригодные для производительного (оседлого) хозяйства, — перейдя к кочевому степному скотоводству, в суровом, резко-континентальном климате глубинных земель субтропического и умеренного пояса континента.

Оговорим понятия. В антифашистской совдеповской историографии положено ритуально отрещиваться от сколь-нибудь понятийно-широкого значения имени Арьев (смысл этнонима — Свободные): древний народ, говоривший на едином прасанскритском наречье, как и племена последующих эпох, общим для которых было лишь происхождение от него, полагалось именовать «индоевропейцами» — имя, никогда не служившее самоназванием! — а арийцами — лишь ту его часть, что после этнического дробления заняла территории нынешнего Ирана (Арианы), восточно-арийскую же группу племен, от которой произошли такие народы, как скифы, персы, индусы — звать «индо-иранской».

Одновременно, полагается всячески «разрыхлять» индоиранскую и индоевропейскую общности, подчеркивая обособленность, далёкость, древность членения и наличие этнической границы между нынешними этносами семьи индоевропейских языков, при том же — их якобы уже древнюю расовую смешанность. И.М. Дьяконов (настоящая фамилия — Канторович), например, договорился до того, что начал датировать время разделения индоевропейской общности эпохи неолита («История Древнего мира», М., 1989). Употреблять понятия «скифы», «сарматы» — никогда не бывшие самоназваниями народов, называвшихся так лишь греческими интуристами, — это, академикам — выступающим от имени того Народа, что является непосредственным потомком этих племен, стригущим купоны от его (Народа) налогообложения, — однако, ничуть не препятствует!

При том, что сами азиопские народцы, коих изучают академики жидобольшевицких наук, на сей счет не путались. Вознамерился Дарий! — учредитель клинописной письменности на «Арийском(!) языке» для трилингвы Бехистунской скалы, — после неудачи Скифского похода, установить свой статУй рядом с циклопическими истуканами Рамзеса !!, и египетские жрецы этому воспротивились (а властелин Ойкумены Дарий признал их правоту!) — заявив, что он не совершил столь великих подвигов, как Рамзес — покоривший те же народы, что и Дарий, а также скифов, которых Дарий не смог одолеть (Геродот «История», кн. 3-я, Л., 1972,

с. 112). Поскольку в XIII в. до н.э. походы скифов в Египет, как и египтян в Скифию, неизвестны, речь м.б. лишь о войне Рамзеса с Хеттами (египтянами считавшейся выигранной) — чей расовый тип к позднему времени уже был разбавлен кавказским (см. гл. «Нагорье Ариана», прим. (**)) к ней), западноиндоевропейским (!) по языку, т.е. «не арийским» народом; отождествление которых, с восточноиндоевропейским народом скифов — владыка восточноиндоевропейского народа персов, Арийский царь Дарьяш признал тем не менее справедливым! ...Политиканской «антифашистской» подмене понятий противоречит хотя бы такой факт: Влесова книга — памятник VIII-IX веков н.э., т.е. более чем поздний, сравнительно с Ведами, ведущий отсчет времени, даже мифологического, лишь с кон. 2-го — нач. 1-го тыс. до н.э., праотцем Русского — не иранского(узко)! — народа — называет Арью (в старославянской огласовке — Оря). Да и пожалуй, сами представления о мироздании и мироустройстве индоевропейских племен, связанные с ними системы ценностей, даже по расхождению языков и разработке локальных, обусловленных местной средой особенностей материальной культуры, в принципе не могли — до возникновения мировых религий — различаться так, чтобы стать диаметрально, подобно инородческим.

Потому автор не придерживается «научной» совковой терминологической номенклатуры строго, иногда допуская наименование индоевропейских народов — арийскими, равно как и индо-иранских — просто иранскими.

Трехчастное деление древнеарийских обществ, понятийно трактуемое, при описании в русскоязычных источниках обыкновенно как сословное, а нередко и с «классовых позиций» — хотя речь идет о доклассовых обществах (чего не делает антифашист, ради создания «образа врага?»), дезориентирует читателя. Свободные родовичи, занятые производительным трудом, — вайшья — смешиваются с угнетенным политически в родовом обществе — неполноправным, вневарновым населением, не принадлежащим к Роду. Жрецы — обыкновенно светские старейшины, руководящие обрядовым церемониалом, смешиваются с гадателями, принадлежащими к касте духовенства в узком смысле (браминов, авхатов), под кшатриями (паралатами), помимо царей, могут подразумеваться и аристократы — старшие в родах, и военная знать (т.е. попросту комсостав народа-войска) — князья и бояре, и принадлежащие к профессиональной воинской касте в целом — дружине, и все полноправные ро-

довичи — составляющие народ-войско, независимо от сословной принадлежности, и наконец — просто все, выведенные с оружием на поле боя, включая патриархальных рабов и наемных иноземцев; потому автор, описывая Арийское общество, где стилистически это оправдано, будет широко пользоваться древнерусскими понятиями: князей, бояр и дружинников — с одной стороны, волхвов (священников) — гадателей, с другой. Как будет показано далее, применительно к арийским общностям 1-го тыс. до н.э., это несколько не является натяжкой или передержкой.

Трудно сказать, подвигло ли наших предков к их одиссее — изменение климата, иссушение местности, сделавшее невозможным оседлое сельское хозяйство, нашествие врагов или же избыток населения, заставивший его часть уйти в засушливые районы. Так или иначе. Изыскать приемы тренинга и упряжки лошадей — на Ближнем Востоке, до эпохи контакта с индоарьями, неведомые («Средняя Азия в древности и средневековье», с.32), создав принципиально новые конские породы, способные находить корм под снегом, довольствоваться им, не требуя зимой сена и овса**, овладев навыками верховой езды и введя в широкое употребление кибитку — облегченную колесную упряжку, с разборной войлочной юртой — используемой в качестве жилья, заменившей зимнюю бревенчатую избу, предки «скифов» и «сарматов» ушли в степи, холодные зимы которых — так напоминали им зимы первородины Арийского мира — тундро-степей Гипербореи, ландшафта, существовавшего за Полярным кругом до последнего «малого оледенения». Степь, дотоль малодоступную постоянному обитанию, как недоступна в наше время, вне связи с Большой землей, для обитания Арктика и Антарктида. Освоив для производящего хозяйства сухие, морозные зимой, безлесные (малолесные) земли, донныне мало пригодные для земледелия (эпопея «целины» показала!).

Мы не знаем имен пионеров «эпохи Великих географических открытий» 2-го тыс. до н.э., в отличие от 2-го тыс. н.э., не знаем подробностей их подвигов, их гениальных прозрений и фантастических приключений — имевших место однако наяву. Это, в известной мере, неизбежно: органические носители первописьменности тех веков — истлели в земле, а драгоценный металл — переплавлен (бьющаяся глиняную керамику кочевники не употребляют). Осколки устных хроник — неотъемлемой части «местничаящего» родового общества, немислимого без генеалогий, — старательно искореняются каждой

новой религиозной системой, как варварское «нечестие», либо же «религиозные предрасудки» («Кровь объединяет, а вера — разъединяет» — А.К.Иванов-Суваревский), дошедшее же до нас, в форме «мифов» и «сказок», — не считается историческими источниками (хотя, скажем, тексты Илиады и Одиссеи, далекие от «метода социалистического реализма», помимо формализованных информационных бит несущие огромную художественную и идеологическую, не всегда приятную потомкам нагрузку, прежде чем быть записанными в У1 — У в.в. до н.э., десятки поколений бытовали только устно). Истолковывается же — в духе свидетельств о «мракобесии» наших предков (в корректной форме — «мифологичности их мышления»).

Либо же, в случае подхода к ним, как к околосторонним источникам, трактуются — вульгарно-«социологически», с «легкостью в мыслях необыкновенной», достойной не ученых-историков, а воздухоплавателей или же тибетских шаманов. Легкостью при том, заметим, **весьма и весьма направленной** — нацеленной на формирование образа врага, в лице наших великих предков: якобы живущих в мире социального угнетения, мире князей, озобоченных проблемой легитимации своих узурпаторских прерогатив, в глазах эксплуатируемых подданных, изобретения «богооткровенных истин» — формирующих «культ личности» князей, мире рабства и классовой борьбы... Хотя речь идет о доклассовых обществах, где цари лично пасут свой скот, где понятие родовой аристократии ни с какого боку не связано с «рабовладельческим способом производства» по Марксу(!), а княжеский титул — означает необходимость в бою следовать на коне или колеснице впереди войск, будучи первой мишенью для врага.

Вот что происходит, когда Историческая Наука — попадает в лапы инородцев!

* * *

Ученые, которые придерживались Горуполлона, оказались там, куда попадает всякий, кто некритично опирается на источники, на 1-й взгляд самые авторитетные, — в тупике... (Войтех Замаровский)

Лев Гумилев изобретателями кибитки и кочевого скотоводства, как способа жизни и хозяйствования, называет, с похожей временной привязкой, палеосибирский народ хуннов (Л.Н.Гумилев «Хунну», М., 1960 (и др. изд.), гл. 2-я). Подчеркивая при этом, необыкновенную скудость летописных и археологических материалов кон. 2-го — 1-й\2 1-го тыс. до н.э., которые м.б. бы привязывать к хуннской истории и культуре. Более

поздние изыскания, однако, говорят, что ряд важнейших установлений хуннского общества, помимо стилия в изобразительном искусстве, вооружения и тактики войска (признаваемых и Львом Николаевичем), например «трехярусная «физическая картина мира» (Гумилевым относимая на счет китайско-сибирского шаманизма), сложное земледельческо-скотоводческое племенное устройство Державы — при господстве кочевого народа, тройственное административное деление нации-государства и трехчастная организация армии, возможно даже сама родовая конструкция хуннской державы !!! в. до н.э. (при распадении родовых связей, отмеченном в хуннском этносе источниками, по состоянию уже на 1X в. до н.э.: Л.Н.Гумилев «Хунну», С-Пб., «Тайм-аут — компас», 1993, с. 23), имеющая параллель в скифских квази-«этнусах», названных Геродотом***, — у хуннов, соответственно, — являются поздними кальками, снятыми именно с учреждений Сакского (Скифского) народа. (См. напр. Д.С.Раевский «Очерки идеологии Скифо-сакских племен», М., «Наука», 1977, гл. 3-я). Ко времени контакта — сложившихся в законченную и совершенную систему, где они были органичными атрибутами всего целостного индо-иранского мировоззрения.

Прямо подчеркивается западное и при том позднее, как индоиранское заимствование, происхождение коневодства и кочевого способа хозяйства в Монголии и на Алтае, в указ. сб. «Средняя Азия в древности и средневековье», М., 1977, с.с. 36-37 (там же ссылки на спец. лит-ру). Так что и техносферу хуннов мы — с полным основанием можем считать по происхождению скифской, заимствованной у тех арийцев, что жили на востоке Арийского мира, в Минусинской котловине...

До последнего времени теологические, мифологические и космогонические представления Скифского народа считались безвозвратно утраченными. Как впрочем и политическая его история. Отчего еврейские «историки» позволяют себе беспардонные «гипотезы» на сей счет. Вплоть до объявления веры и знания наших предков — примитивным сибирским шаманизмом, с наркотическими камланиями, цели каковых служила якобы анаша — это про священный арийский напиток Хаума (см. напр. в кн. Г.М.Бонгард-Левин, Э.А.Грантовский «От Скифии до Индии», М., «Мысль», 1983, даю ссылку именно на нее — ради прекрасных иллюстраций арийского изобразительного искусства, неосмотрительно приведенных в этом сборнике еврейских вымыслов). Хотя, «что касается скифов, то у нас **нет фактов о бытовании у них экстатических культов**, —

несмотря на старания Мойли [К. Meuli «Scythica», 1935 г., — отечественные русофобы не отличаются оригинальностью] доказать обратное. Более того, история с царем Скилом [а еще раньше с Анахарсисом — дядей знаменитого Идантирса, победителя Дария I, мудрецом, внесенным греками в «семерку философов», предшественником школы киников и Диогена, — убитым однако соплеменниками, застигшими его во время ритуальной пляски, с бубном(!) в руках...] показывает, **как неодобительно скифы относились к вакхическому исступлению** эллинских обрядов»**** (Л.Я.Жмудь, в сб. «Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья», С-Пб., «Глаголь», 1992, с. 104). И судьба его, помимо прочего, свидетельствует — весьма высокого уровня развития мировоззрения народа Скифии; в средиземноморских и ближневосточных странах той эпохи господствовал принцип «чья земля — того и «боги»», считалось нормальным — воздавать богам той страны (в данном случае эллинских полисов Ольвии и Кизика), в которой в данное время находишься. Единственное в Европе, кто не признавал подобной универсалистской «политкорректности» — были Римляне, стершие с лица Земли семитский Карфаген и заимствовавшее его культы кельтское жречество Галлии, и Скифы, не признавшие за своими родовичами, самими знатными и властвующими, право на личную и государственную «толерантность».

Общепринято, например, считать, опираясь на некритическое прочтение и истолкование текстов греческих авторов V — I в.в. до н.э. [хотя скажем Геродот, наиб. авторитетный среди таковых, и то — не знал ни одного языка, будучи галикарнасцем — подданным карийского царя и иранского Шах-ан-шаха, помимо греческого; не знал о существовании церемониальной столицы Ирана — Персеполя (Парсастахры), не работал в архивах, в то время уже существовавших, а с аборигенами общался — через толмачей], будто скифское заселение Причерноморья — было инвазией номадов с востока, истреблением предшествующих «коренных» его обитателей — киммерийцев (оба эти «этнонима» — греческие или даже ассирийские, т.е. семитские по происхождению, самоназваний народов никак не отражающие!). Мол, их различали ассирияне, в чьи земли они последовательно вторгались — И.М.Дьяконов «История Мидии», М., 1956, с. 242, ссылка по «Культура и экономика древнего Ирана», с. 75. А ведь, скажем, в ассирийское завоевание Индии, декларируемое такими же эллинистическими источниками, кажется, не имея иных подтвер-

ждений, еще не уверовал никто из тех самых «историков»? Равно — различными, с точки зрения совдеповских и российских академиков русофобских наук, являются народы скифов — в Причерноморье и саков — в Средней Азии. Не смотря на то, что «согласно Геродоту, персы называли все скифские племена — саками. Греки же скифами называли кочевые племена степей южной России и Средней Азии» («Культура и экономика древнего Ирана», с. 75).

По умолчанию подразумевается — «вторжение скифов» было вторжением носителей некоей «азиатчины», хотя европейские соседи скифов, обитавшие тогда в лесной полосе Вост. Европы, наделены античными авторами «веселыми» прозвищами Андрофаги... При том, что даже если однозначно идентифицировать Срубную культуру — как протоскифскую, а Катакомбную как однозначно протокиммерийскую, что делают вредители исторической науки, «уже памятники 2-й\2 2-го тыс. до н.э... показывают наряду с земледелием и развитием рогатого скота успехи коневодства, впоследствии основного занятия скифов. ...Киммерийская материальная культура с трудом определяется. Судя по времени бытования киммерийцев в украинских, донских и крымских степях, к ней в какой то мере [!] должны относиться памятники первых веков 1-го и конца 2-го тыс. до н.э. ...Но тогда в этих же местах жили скифы. Оба народа т.обр. однокультурны. ...Из общей массы вещей нач. 1-го тыс. до н.э. **нельзя выделить предметы, которые бы позволили бы разделить две обособленные культуры**, первые скифские насельники по материальной культуре мало отличались или совсем не отличались от туземцев» (Б.Н. Граков «Скифы», Изд. МГУ, 1971, с.с.23-25). Данных о киммерийском языке у ученых почти нет, кроме спорных гипотез о принадлежности его к фракийским (и то, среди фракийцев — известны *Геты*, а среди саков Приаралья — *Массагеты*), столь же малоизвестным («Откуда Ты, Русь?», с. 133-134), территориально киммерийцы совпали со скифами, политически — стали известны благодаря совместным походам У11 в. до н.э. на Ближний Восток, — в век, когда в Причерноморье, на почве знакомства с художественными стилями Ассирии и Луристана, расцвела новая — единая и монолитная художественная культура, известная любителям изобразительного искусства, как «скифская».

Т.е. даже «ленинские признаки» — вообще говоря, позволяющие разделить напр. швейцарцев, британцев, индусов и даже, страшно подумать — израильтян (помимо мертвого языка иврит, применяемого как «госу-

дарственный», говорящих на идиш, староиспанском, эфиопском, русском, западноевропейских и др. языках; то же касается «единства культуры» Израиля!) — на много наций, — у скифо-киммерийцев тем не менее налицо! Не говоря об антропологическом тождестве (Граков, с. 27): «Изучение скифских костяков указывает на наличие в скифах многих черт местного типа, бытовавшего здесь еще с бронзовой эпохи. Тип лишь стал физически несколько мощнее, что заметно и в рядовых погребениях» (объяснимо повышением доли мясной и молочной пищи). Однако, вместо совершенно естественного вывода — об этническом тождестве ираноязычных скифов и киммерийцев, при **возможной политической дифференциации**, до появления в VII-VI в.в. до н.э. в Причерноморье единой Державы, созданной Саями — «Царскими скифами» («этноним» греческий, хотя возможно калька скифского), подобно Державе Ахеменидов, объединившей иранские племена Среднего Востока в эту же эпоху (только при такой трактовке текст Геродота и др. не будет противоречив!), — сочиняется «история» о скифской инвазии в Причерноморье. В то время как «родина демократии» Эллада (самой типичной формой правления в полисах которой была однако олигархия), не просто раздробленная политически, имевшая разные хозяйственные типы (традиционный пастушеский в Акарнарии и Эпире, аграрно-олигархический в Лаконике и Фивах, торгово-ремесленный в Аргосе и Коринфе, ихтиоцентричный в Афинах и на островах), разные диалекты и местные культуры, но и разное происхождение: делясь на «коренных», ионийцев — афинян и малоазийцев, этолийцев Фессалии и Беотии, пришлых с Балкан дорийцев Спарты, Коринфа и Крита, — рассматривается однако «учеными» агентами влияния, как некая культурная и этно-политическая целостность.

Так вот и создают украинские и белорусские «нации» и «государства»!..

Практически то же самое имеет место относительно Савроматов (сарматов). Кочевавших за Доном, а в IV- II в.в. до н.э. — продвинувшихся на запад, заполнив собой ТУ ЖЕ САМУЮ Державу Саков («Скифов»), вся идея об инородчестве которых, по отношению к Саям, базируется на диалектных особенностях языка сарматов («испорченный скифский»). Судя по дошедшим (в греческой передаче!) словам сарматского, он считается близким мидийскому — «западноиранскому» языку, тогда как скифский — относится к «восточноиранским» (вопрос еще, как сами мидийцы отнеслись бы к этому, узнай они, подобно Гарпагону Мольера,

что говорят оказывается на «западноиранском языке»; Дарий I вот засвидетельствовал в Бехистунской надписи, что он говорит — на **арийском языке**, см. «Культура и экономика древнего Ирана», с. 267). Можно подумать, что баварское наречие тождественно мекленбургскому, а австрийское — рейнскому!?

Позволим себе такую аналогию. Известно, что во 2-й\2 XVIII — 1-й\2 XIX века на высших государственных должностях Российской Империи появилось, наряду с немцами, много украинцев: Прокопович, Яворский, Кирилл и Алексей Разумовские, Безбородко, Дибич, Раевский, Паскевич и т.д.. Логика «ученых» оккупантов, применяемая к долетописным временам, должна применительно к имперской эпохе — сделать вывод о происшедшем завоевании Великороссии — не то германцами, не то украинцами и вхождении ее, соответственно, в состав Украинской империи. А такие «факты», как смена «культуры рубленных теремов» — «культурой кирпичных барочных дворцов» и перемещение ставки правителя, которому подчиняются Русские земли, из Москвы в Санкт-Петербург — делают такую «теорию» просто неотразимой!..

* * *

Подобная словестная эквилибристика, применяемая врагами России к мертвым (якобы) народам — нашим предкам, не столь безобидна, как может показаться. Б.Н.Граков — наш соплеменник (вроде бы), представитель русского нацменьшинства в АН СССР, его заслуги, в деле опубликования первоисточников и обобщенных материалов по истории и материальной культуре Арийских народов раннего железного века — колоссальны! Однако и он спешит заявить («Скифы», с.49), ритуально защищаясь от возможных обвинений в «восхвалении» и «приукрашении», что скифы, мол, так и не усвоили применение гончарного круга. Хотя никто из кочевников не пользуется им, поскольку предпочитает небьющуюся посуду — металлическую, кожаную, деревянную (на иллюстрациях в книге: глиняные горшки из Скифии, идеально ровная поверхность которых неотличима от изготовленной на кругу).

И подобная зараза, раз проникнув в мозги, на правах гостыи-помощницы, постепенно утверждается там, незаметно, как бледная спирохета, уже как владычица процесса мышления! Существовал обычай (Геродот), согласно ему, в вассальных скифских областях — помимо Саев, царских скифов, — Царь набирал себе слуг-товарищей, для службы в царской Ставке и конвое: дружинниками, конюшими, виночерпиями. Их

права при Царском дворе были столь широки, сравнительно с Саями, что среди этих слуг Царя, после его смерти, набирали и для похорон вместе с умершим — служить ему на Том свете. Граков, рассуждая о «рабовладельческом» скифском строе**** — хотя им же сообщено, что пленников скифы иногда продавали, но отнюдь не покупали, т.е. хозяйство не нуждалось в притоке невольников!.. — делает из сообщенного Геродотом вывод, что «кроме военного, рабство существовало и местное, с разными градациями зависимости» (с. 35)...

Еще пассаж (с. 48), кто вот тянул за язык профессора истфака МГУ, брякнувшего: «железо [скифские металлы] восстанавливали прямо из руды — крайне неэкономно, так что в шлаке оставалось от 40 до 60 % пригодного металла? Хотя знал ведь — это есть в учебниках по истории для 6-го класса средней школы — что выплавка чугуна возможна лишь с применением механического (водяного, парового) поддува, появившегося только в Средневековье, а для получения стали чугун требует вторичного передела, т.е. лишнего расхода топлива, ценного в степи дровяного угля... Не говоря о том, что сыродутное железо, содержащее менее 1 % примесей, неизмеримо качественней переплавленного из чугуна. А неполное извлечение металла из шлаков — не существенно, при объемах производства, исчисляемых тысячами тонн. В отличие от совдеповских миллионов! — сравнил бы уж лучше коэффициент выхода металла в XX в., при

получении высококачественных тигельных сталей... не говоря об отходах, выдуваемых в атмосферу затратными совдеповскими домнами и конверторами, при выплавке обычной стали.

Достижения наших предков в области металлургии — грандиозны, достаточно сказать, что греки, бившиеся стальными клинками уже в эпоху Троянской войны, изобретателями процесса получения железа,ковки и закалки железного оружия считали именно скифов. Именно скифы, а отнюдь не большевики — первыми начали разрабатывать руды Криворожского бассейна (Граков, с. 47), помимо общеупотребительных болотных руд железа. Многие ювелирные изделия, изготовленные скифскими мастерами из золота, в наше время вообще не удается воспроизвести — не только художественно, но и технологически, включая и знаменитого Фаберже, в этом потерпевшего фиаско (см. «Откуда Ты, Русь?», с. 158-159). При выплавке бронзы (Граков, с. 47), помимо стандартных меди и олова, в сплав вводился цинк (добываемый на нижнем Днепре). Медь, редкая в Восточной Европе, получалась из руд, добываемых в Приуралье — в землях Савроматов.

И не только в металлургии грандиозны их открытия, но и в экономической науке. В скифских захоронениях находят огромное количество железных изделий, боевые мечи, копья, секиры — исключительно железные. Железная руда не является редкостью, как медная и оловянная. Од-

нако большая часть лезвий наконечников скифских стрел, оригинальной формы — адаптированной к мощи и габаритам скифского лука, отливалась из бронзы: тактика конно-стрелкового боя предусматривала ведение беглого огня (см. далее), а кованые стальные наконечники — штучные изделия, трудоемкие, в отл. от массовых литых. Скотоводы, практиковавшие однако же и земледелие, на богатейших от природы, бескрайних степях Причерноморья, где и в XX в., в голодающем 200-миллионном СССР удобрения вносились не всегда, скифы тем не менее — использовали удобрения, изготовляли их искусственно, помимо навоза — пережигая кости животных, получая т.обр. фосфаты. Технология, непонятная «культурным» эллинам, как впрочем и совдеповским ученым: Геродот пишет, будто скифы, не имея дров, для костров использовали кости животных (сами по себе кости не горят, это минеральное вещество! Чтоб выжечь из них органику, требуется развести дровяной костер и долго его поддерживать), приговаривая: «Бык — сам себя варит», — Граков (в 70-е г.г. XX в.!) его цитирует, «подтверждая», мол, тем, что на Каменном городище обнаружен очаг-яма, полный только костным углем. Как мог, при всем пиетете к Геродоту, повторять подобный бред академик Б.А.Рыбаков, человек крестьянского происхождения, кавалерист — боец 1-й Конной армии в юности, тоже в 70-е уже годы («Геродотова Скифия», М., 1979), для меня загадка.

*Еще в 60-е г.г. XIX в., до эпохи капитализма, тарпаны паслись косяками в южно-русских степях, а к 80-м г.г. их уже не стало. Последний тарпан, содержавшийся в стойле в имении близ Миргорода, пойманный жеребенком, пал в 1918 г. (М.Ивин «Чтобы жить», М., «Детская литература», 1974, с.88) (здесь и далее прим. авт.)

**До этого одомашненные кони, в природе обладавшие подобным навыком, которые однако, содержась, до широкого освоения верховой езды, в качестве мясо-молочного скота лишь стойлово — пешему пастуху пасти конские табуны сложно, — его неизбежно утрачивали, и его приходилось восстанавливать.

***Подобные нормы родовой организации Державы — вообще свойственны арийским народам, ср. с «семью знатными родами» Державы Ахеменидов, отмена Камбизом родовой привилегии которых (М.А.Дандамаев «Политическая история Ахеменидской державы», М., «Наука», 1985, с.с. 76-77): царь имеет право брать жену только из круга дочерей семи знатных родов, они являются наследственными наместниками своих областей (в отл. от обычных сатрапий), их члены обладают правом беспрепятственного входа к царю, правом подавать ему советы, правом ношения прямой тиары и т.д., — рассматривалась как святотатство.

****Из этого не следует, будто бытовые нравы Скифии имели нечто общее с нормами ордена доминиканцев или же установлениями шариата. Напротив, пристрастие скифов к попойкам дружно отмечали греки — сами не мыслившие трапезы без возлияний (кумыс слабее вина, его, как прежде всего молочный продукт, бессмысленно разводить водой), возрастное ослабление потенции, случающееся у мужчин, скифами воспринималось столь серьезно, что их лекари проделывали сложную и рискованную операцию, объединившую достижения хирургии и акупунктуры, результатом которой могло быть как восстановление, так и смерть пациента, либо же полная утрата мощи (в этом случае скиф обряжался в женскую одежду, свидетельствуя, что от исполнения мужских обязанностей уклоняется не из слабости и не по противоположным наклоннос-

тям). Шокировало иранцев то, что греческие оргии — были явлением государственной и общественной жизни, что эллинами вкладывался в них мистический смысл — смысл обрядового исступления, разврата (включая противоестественный) и членовредительства — как формы почитания божества.

****Ну в самом деле, как же не порассуждать, коли сам блаженный русофоб Маркс — «выделил» эту «формацию»? И началось это не с 17-го года! М.Ростовцев жил в «военно-феодалной» Российской империи, где правящая династия не стеснялась именовать себя «казанскими помещиками» (Екатерина !!), «первыми дворянами государства» (Александр !!) и т.п., т.е. руководителями сословия душевладельцев русских холопов, он, соответственно, — предположил «феодално-сословный» строй Скифии У в. до н.э...

Тем же марксом много чего порассказано о поиске производителями «рынков сбыта» своих товаров. Т.к. один из тактовых «рынков сбыта товаров» Скифии известен — экспорт хлеба в Элладу, многократно упомянутой самими греками, подтверждаемый археологически, — «учеными» принято делить Скифию — на разные народы. Мол, скотоводческие (их существование известно от тех же греков) и земледельческие, — кто ж еще только и умеет выращивать хлеб? То, что в истории СССР хлеб «выращивали» даже пролетарии-«двадцатипятилетки» и — «тридцатипятилетки» (при Хрущеве), земли до этого вообще не нюхавшие, не знавшие, где у коня грива, а где копыто, в расчет не берется. Хотя «Насколько сейчас позволяют судить имеющиеся в распоряжении скифологов источники — материалы сотен раскопанных курганов из разных областей Степной Скифии — выделить из них те или иные племенные группировки невозможно. В целом Степная Скифия в археологическом отношении [т.е. в сфере материальной культуры — а не в области «надстроечной» филологической эквилибристики, основанной на записках иноземцев] представляется единой. У нас нет никаких оснований выделять из нее территорию, предполагаемо заселенную земледельческими племенами.» (Е.В.Черненко «Скифо-персидская война», Киев, «Наукова думка», 1984, с. 86)

Иванов И. Г., Абакумов А. В.

Крымская война

(«Позорное поражение»? Нет! Всего лишь относительный неуспех)

Ещё сравнительно тёплый южно-крымский осенний день 13-го (25-го по новому стилю) октября в пространстве между Балаклавой и Чёрной речкой оказался не таким уж ясным, как это можно было бы предполагать тогдашним бой между пороховой дым в результате выстрелов, разрывов пушечных ядер и гранат, поле битвы заволочло также и гарью от вызванных ими пожаров!

Шёл ожесточённый бой между русскими и англо-турецкими (и подходившими к последним на помощь — французскими) войсками. Бригада лёгкой английской гвардейской кавалерии во главе с генерал-майором Джеймсом Браденеллом, седьмым графом Кардиганом, понесла огромные потери, возвращалась после своей знаменитой и далеко не вполне удачной атаки на свои исходные позиции с 2-я захваченными у русских артиллеристов орудиями. Однако и этими символическими трофеями британцам не удалось тогда удовлетвориться. Их атаковали с фланга Бугский, Одесский и Новоархангельский эскадроны Сводного малороссийского уланского полка, возглавляемого подполковником Василием Михайловичем Еропкиным. Пришлось таки «британскому льву» бросить свою жалкую «добычу», едва унеся ноги под прикрытие подошедшей французской пехоты. Украинские кавалеристы вынудили «кардигановцев» бросить свои «трофейные» пушки, кои незамедлительно были нашими уланами отвезены на русские позиции. И при этом немало английских «лёгких» конногвардейцев было взято в плен.

По оценке большинства современников, именно уланы Новороссии проявили наибольшую эффективность и воинское мастерство со стороны русских войск в Балаклавском бою, который явился одним из этапов 150-летней давности малоуспешного для тогдашних «атлантистов» 2-го (после 1812 г.) военно-стратегического похода главных сил Западной Европы против Исторической Руси (в греческой интерлитеризации — России).

Вернёмся, однако, на многие месяцы назад. К событиям предшествующим и этому, и всем прочим перипетиям означенной (Крымской) войны!

В сер. XIX в. Великобритания и

Франция сумели в значительной степени вытеснить Россию из ближневосточных рынков и подчинить своему влиянию Ближневосточную Порту. Император Николай I предпринял попытку договориться с Соединённым Королевством о разделе сфер влияния на уже упомянутом Ближнем Востоке, но безуспешно. В попытке же противостоять всё более усиливающемуся (при благоприятствовании официального Стамбула) приоритету в турецких делах Лондона и Парижа перед Санкт-Петербургом, царь решил «нажать» на турок. Правящие круги «Коварного Альбиона» и только что воссозданной «Галло-Римской империи» всячески способствовали, в свою очередь, расширению и обострению данной дипломатической напряжённости. Как правящие круги, так и общественность Англии и Франции всячески рассчитывали ослабить Русского Медведя и даже забрать у него Крым, Кавказ, Царство Польское и др. территории.

Более того, у новоявленного императора французов Луи Буонапарте (Наполеона Третьего, он же Наполеон Малый) разыгралось непомерное чувство реванша за 1812 — 1814 годы. Поражение дяди (Наполеона Первого, иначе Наполеона Великого) не давало покоя амбициозному новоиспечённому монарху с карикатурной внешностью. Раскиданные вдоль Старой Смоленской дороги «благородные» галло-романские кости «вопили к полному отмщению». Император Луи был готов использовать любой (даже самый ничтожный!) повод к открытию военных действий против «жандарма Европы».

ПРЕДЛОГ ВСКОРЕ НАШЁЛСЯ

Это был спор между Православным и Католическим высшим духовенством из-за Христианских Святых в Палестине, находившейся во владении османов. В феврале 1853 г. Николай I отправляет в Константинополь светл. князя А. С. Меншикова, который потребовал от султана (титлуемого на Востоке «великим падишахом») особого покровительства Русского Императора для православных подданных османского владыки. Вскоре британское правительство заключает с Наполеоном Третьим соглашение о совместном противодействии русским претензиям к Тур-

ции. В мае того же (1853-го) года Стамбул отвергает требования Санкт-Петербурга, следует разрыв дипломатических отношений, в Дарданеллы входит Британо-Французский флот.

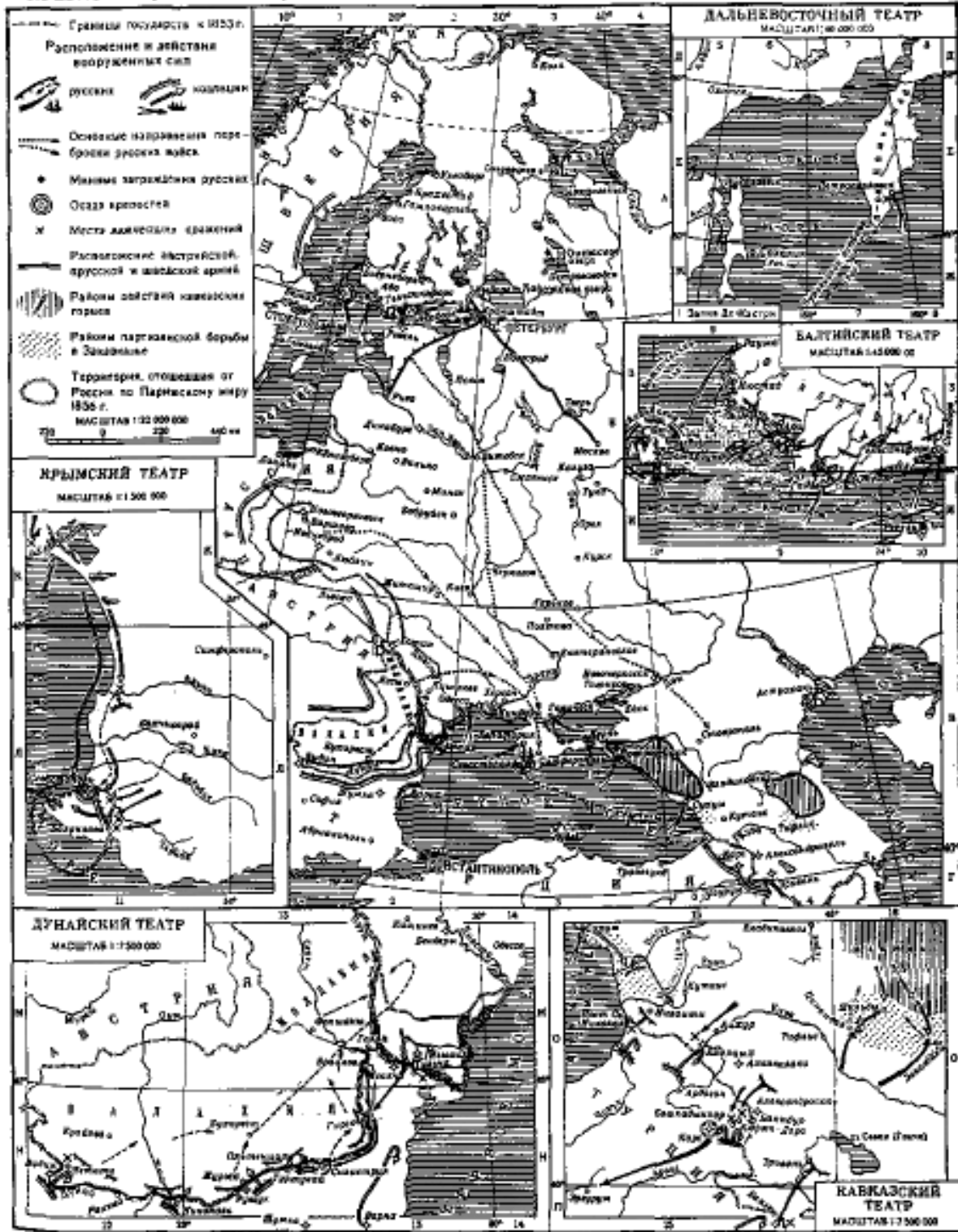
21 июня (3 июля) войска Российской Империи вступают в Зап. Молдавию и Валахию, формально находящихся под сюзеренитетом султана. Поддерживаемый западными союзниками, «великий падишах» требует немедленного вывода русской армии князя М. Д. Горчакова из Дунайских княжеств. Следует многонедельный обмен протестами и 27.09.(09.10.) 1853 г. начинается война.

На Дунайском театре военных действий против 82 тысяч штыков и сабель Горчакова турки выдвинули почти 150-тысячный контингент Омерпаши, но атаки османов у Четати — 25.12.1853 г. (06.01.1854 г.), у Журжи — 22.01. (03.02.) 1854 г. и у Кэлэраша — 20.02. (04.03.) 1854 г. были отбиты. Да ещё русская артиллерия уничтожила Дунайскую флотилию османов.

В Закавказье туркам и курдам Абди-паши (100 тыс. штыков, ружей, сабель и ятаганов) первоначально могли оказать сопротивление лишь немногочисленные (ок. 5 тыс. солдат) гарнизоны Ахалцыха, Ахалкалаха, Александрополя и Эривани, так как главные силы Кавказской Линии были заняты борьбой против адыгов и Имамата Шамиля. Русское Командование было вынуждено срочно перебросить из Крыма морем одну усиленную 16-тысячную пехотную дивизию. Кроме того, было сформировано армяно-грузинское ополчение (ок. 10.000 чел.). Эти мероприятия позволили довести численность российских войск, противостоящих Османской империи на Закавказском направлении, до 30 тыс. солдат и ополченцев. Руководство всеми этими силами было доверено армянскому князю ген. В. О. Бебутову.

Сорокатысячные главные (на данном фронте) силы турок пошли на Александрополь, а Ардаганский их отряд (18 тыс.) попытался через Боржомское ущелье прорваться к Тифлису, но был сперва отражён, а затем разбит 14 (26) ноября 1853 г. под Ахалцыхом 7-тысячным отрядом ген. кн. И. М. Андронникова. А 19.11. (01.12.) того же года основные войска князя Бебутова (11 тыс. штыков

КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА 1853–1856 гг.

и сабель) рзгромили главные (на Закавказском направлении) османские силы при Башкадыкларе.

Русский Черноморский Флот блокировал турецкие корабли в их портах. 18(30).11. 1853 г. произошло Синопское сражение, уничтожившее всю тогдашнюю турецкую военноморскую мощь на просторах «Карадениза» (Чёрного моря). Спасся бегством лишь пароход «Таир».

Все эти поражения османов ускорили вступление в войну на их сто-

роне Великобритании и Франции. 23.12.1853 г. (04.01.1854 г.) большая англо-французская эскадра вошла непосредственно в Чёрное море. Девятого (двадцать первого) февраля 1854 года Россия объявила войну Французской империи и Соединённому Королевству. 11(23) марта русские войска, форсировав Дунай у Браилова, Галаца и Измаила, сосредоточились в Северной Добрудже.

10(22).04. 1854 г. эскадра союзников бомбардировала Одессу. До-

стоин упоминания подвиг прапорщика артиллерии Щёголева, который во главе добровольцев из местных рыбаков (и с небольшим подразделением местного гарнизона) на самодельных плотках огнём из лёгких орудий отразил атаку английского корабля (прилично его повредив) «Тайгер». В июне – июле того же года союзники (гл. о. французы) высадились в Варне, а превосходящие силы их объединённого флота (34 линкора, 55 фрегатов – большинство су-

дов паровые) блокировали наш (14 парусных линкоров, 6 таковых же фрегатов и 6 пароходо-фрегатов) Черноморский флот в Севастопольских бухтах.

На Дунае русские войска осадили крепость Силистрию, но 9(21).06 фельдмаршал И. Ф. Паскевич-Эриванский отдал приказ об отходе за Дунай. Престарелый «Светлейший Князь Варшавский» вдруг возомнил из себя «нового Кутузова» и стал «заманивать» турки и французские войска в «глубину новороссийских скифских стелей». Противник не поддавался на сей «грандиозный» маневр, но совсем не потому, что разгадал «гениальные планы» николаевского фельдмаршала. В начале июля 3 французские дивизии всё-таки вышли из Варны для того, чтобы совместно с турками окружить те из русских войск, которые ещё не завершили паскевичевскую передислокацию. Однако здесь у галло-романского воинства вышла определённая неувязочка. Массовое заболевание холерой заставило этот экспедиционный корпус повернуть обратно к Варне. Вернее, в холерные бараки варненских французских полевых госпиталей!

Чистоплотность «остроумных галлов» вплоть до Новейших Времени была, как известно, отнюдь не на высоте. Что и сыграло «злую шутку» (да ещё в условиях специфичности западнобалканских субтропиков) с означенными тремя дивизиями.

Паскевич понял нецелесообразность своего «стратегического плана» и в конце июля повернул было движение своих войск обратно «на Балканы», но тут вмешалась «третья сила». Австрийцы потребовали от России (под угрозой начала военных действий) очистить Валахское и Западно-Молдавское княжества, что и было фельдмаршалом (с санкции С.-Петербурга) выполнено. К сентябрю месяцу вся Дунайская армия отошла за Прут. Зап. Молдова и большая часть Валахии в августе-сентябре 1854 г. оккупировали негативно-нейтральные (по отношению к России) австрияки.

Тем же летом на Балтике английская и французская эскадры вице-адмиралов Ч. Нейпира и А.-Ф. Парсиваля-Дешена в составе 11 винтовых и 15 парусных линкоров, а также 32 пароходо-фрегатов, заблокировала Русский Балтийский флот (26 парусных линкоров, 9 пароходо- и 9 парусных фрегатов) в Кронштадте и Свеаборге. Союзники не решились атаковать эти военно-морские базы из-за русских минных постановок, впервые применённых в боевых условиях. Тогда союзники начали блокаду побережья и подвергли бомбардировке ряд населённых пунктов в Финляндии. 26 июля (7 августа)

1854 г. 11-тысячный англо-французский десант высадился на Аландских островах и осадил Бомарзунд, который после разрушения артиллерийским огнём крепостных укреплений — сдался. Попытки же союзников десантироваться в Экенесе, Ганге, Гамлакарлябю и Або оказались неудачными. Осенью 1854 г. обе эскадры покинули Балтийское море.

Ещё менее успешными были действия союзников на Беломорском театре военных действий. Их эскадра бомбардировала Соловки, где получили отпор от монахов, и Колу. Попытка же нападения на Архангельск полностью провалилась.

На Дальнем Востоке оборону Петропавловско-Камчатского держали его гарнизон (ген.-майор В. С. Завойко), фрегат «Аврора» с приданным ему военным транспортом «Двина» (под общим началом капитан-лейтенанта И. Н. Изильметьева), 47-й флотский экипаж и местные ополченцы. Всю эту сводную полковую группу (930 чел. и 6 батарей береговой обороны — 39 орудий плюс 29 корабельных пушек) возглавил Завойко. 18 — 24. 08 (30.08 — 05.09) 1854 года защитники Петропавловска отразили нападение британо-французской эскадры (3 фрегата, 1 корвет, 1 бриг и 1 пароход — 214 орудий) под командованием контр-адмиралов Прайса и Феврие де Пуанте. Высаженный (после подавления огнём корабельной артиллерии союзников 2-х русских батарей) им южнее города десант (500 — 600 морских пехотинцев) был отброшен контратакой русского отряда (231 чел.). 24 августа англо-французы снова подавили 2 батареи под Петропавловском и высадили новый десант (970 морпехов и моряков) западнее столицы полуострова. Группа защитников города (360 чел.) сначала задержала противника на Никольской горе, а затем его остановила и сбросила в море. В ходе этих боёв потери союзников составили до 450 чел., русских же — чуть более 100 бойцов. 27.08 (08.09) 1854 г. британские и французские корабли покинули район Петропавловска.

В Закавказье, в связи с французскими подкреплениями на Балканах, Закавказская армия турок (под началом Мустафы Зариф-паши) была усилена до 120 тыс. аскеров и в мае 1854 г. перешли в наступление против 40-тысячного русского корпуса ген. кн. В. О. Бебутова. 04(16) июня 34.000 наступавших из Батума османов были разгромлены в бою на р. Чорох 13-тысячным отрядом кн. Андронникова. 17(29).07 русская усиленная бригада (3,5 тыс. штыков и сабель) во встречном бою на Чингильском перевале разбила 20-тысячный турецкий Баязетский отряд и 19(31) июля заняла собственно Бая-

зет. Главные силы кн. Бебутова были задержаны вторжением в Вост. Грузию абреков Шамиля, и смогли перейти в наступление лишь в июле. Одновременно на Александрополь двинулись главные силы османов (60 тыс. аскеров). 24.07 (05.08) 1854 г. турецкая Закавказская армия была разгромлена и перестала существовать как активный военно-стратегический элемент.

КРЫМСКИЙ ТЕАТР !

02(14).09. 1854 г. союзный флот начал высадку у Евпатории 62-тысячного франко-британского контингента сухопутных сил. Крымская армейская группировка наших войск (возглавляемая генерал-адъютантом светл. кн. А. С. Меншиковым) насчитывала всего 33,6 тыс. штыков и сабель. Она оказала упорное сопротивление явно превосходящим силам противника в сражении на р. Альма, но вынуждена была отступить сначала к Севастополю, а затем и к Бахчисараю.

На поле Альминской битвы началась военная карьера Н. Г. Столетова, в будущем активного участника завоевания Средней Азии, затем Командующего Болгарским Народным Ополчением в Русско-Турецкой войне 1877 — 1878 гг., а впоследствии генерала-от-инфантерии, курировавшего в Российском Генеральном Штабе проблемы (в коих к тому времени Николай Григорьевич станет большим специалистом) Востока, кавалера ордена Св. Георгия. Столетов в 1854 г. добровольцем поступил (в связи с анго-французским вмешательством в войну на стороне Турции против России) на военную службу сразу же после окончания Московского Университета. На Альме Николай Григорьевич (по воспоминаниям современников) встречался с артиллерийским подпоручиком Л. Н. Толстым (боевой путь которого начался несколько ранее, на Кавказе, а затем продолжился на бастионах Севастопольской Обороны), будущим гением русской и мировой литературы.

Командование союзников (в лице французского маршала А. Сент-Арно и британского генерала Ф.-Дж. Раглана) не решилось атаковать Северную сторону Севастополя. Оно предприняло обходной маневр и, разминувшись с войсками Меншикова на марше, подошли к городу с юга. Гарнизон Севастополя насчитывал ок. 18 тыс. чел. военнотружущих сухопутных сил и моряков. Возглавили оборону: талантливый военачальник вице-адмирал, генерал-адъютант Владимир Алексеевич Корнилов и вице-адмирал, Командующий Черноморским Флотом России Павел Степанович Нахимов. Во время маневрирования противостоящих

друг другу полевых армий (сил Сент-Арно — Раглана, с одной стороны и Меншикова, с другой) гарнизоном и населением Севастополя были развёрнуты новые укрепления. К сооружению оборонных объектов были привлечены даже арестанты, по отношению к которым В. А. Корнилов отдал приказ: «Кандалы прочь!». Он и выступил с зажигательной речью перед гарнизоном, моряками и горожанами.

Так началась 349-дневная защита основной базы Черноморского Флота России от войск неприятельской коалиции.

Главкомандующий в Крыму А. С. Меншиков, к которому подошли подкрепления, атаковал 13(25) октября позиции турок и англичан с тыла (под Балаклавой). «Светлейший» предполагал если не разгромить противника, то хотя бы сорвать намечавшийся им штурм города и порта. Обозначившийся, как нами было показано в самом начале этой статьи, в Балаклавском бою успех не был развит, но свою «программу-минимум» (на счёт окончательного срыва «первого» штурма Севастополя) Меншиков так выполнил.

Первая бомбардировка Черноморской Твердыни, начатая 05(17).10.1854 г. (тогда же всё-таки был объявлен и штурм!), не достигла цели. По приказу Меншикова тремя неделями ранее было затоплено (чего не обнаружил разведка союзников!) несколько старых кораблей у входа в Севастопольскую бухту, что затруднило участие в штурме города-порта англо-французского флота. Это вынудило Ф. Дж. Раглана и ген. Ф. Канробера, который заменил умершего А. Сент-Арно, отложить начавшийся было штурм на несколько дней. Балаклавская же неудача британцев и турок продлила данную «отсрочку» на неопределённое время.

Окрылённый трудностями союзников под Севастополем, Балаклавой и (в результате бури!) на Чёрном море, светлейший князь 24 октября (5 ноября) значительными силами перешёл в наступление против англичан у Инкермана. Британцам с помощью французов удалось нанести Обсервационной армии (русским крымским войскам вне Севастополя) поражение.

Тогда же при посредничестве Австрии в Вене велась переписка между воюющими сторонами. Второго (четырнадцатого) декабря 1854 года Габсбургская монархия объявила о своём союзе (хотя и без непосредственного вступления в войну!) с Великобританией и Францией. 16 дней спустя открылась конференция послов Соединённого Королевства, Российской, Французской и Австрийской империй, но никакого результата достигнуто не было и переговоры прервались в апреле 1855 г. В «процес-

се» же означенных переговоров антирусская военная коалиция пополнилась ещё одним участником — Сардино-Пьемонтским королевством, объявившим России войну 14(26).01.1855 г. В Крым был направлено 15 тыс. итальянцев.

Переговоры переговорами, а военные действия шли своим чередом. В Евпатории сосредоточилось 35.000 аскеров Омер-паши. 5 (17) февраля 1855 г. 19-тысячный отряд ген. С. А. Хрулёва попытался овладеть этим оккупированным городом, но данный штурм был турками отбит. А. С. Меншиков был отставлен от должности и заменён ген. кн. М. Д. Горчаковым. 23 марта началась 2-я бомбардировка Севастополя союзниками, выявившая их подавляющее превосходство в количестве боеприпасов. Но героическое сопротивление гарнизона и жителей города (даже детей, собиравших

Иркутский ген.-губернатор
Н. Н. Муравьев-Амурский

и подносивших ядра, доставлявших еду на передовые позиции), снова вынудило противника отложить штурм. Генерала Франсуа Канробера сменил энергичный Жан-Жак Пелисье, сторонник решительного штурма. 12(24) мая 16-тысячный французский корпус высадился в Керчи, корабли союзников опустошили азовское побережье. Однако их десанты под Арабатом, Геническом и Таганрогом были отражены. В мае — 3-я бомбардировка Севастополя, противник вытеснил защитников города из восточных передовых укреплений.

6(18) июля 1955 г., после 4-й бомбардировки Севастополя, союзные войска предприняли штурм бастионов Корабельной Стороны города. Однако и этот натиск противника был отбит. 4(16) августа произошло неудачное для нашей армии сражение на

Чёрной речке. Тогда же Пелисье и бриг. генерал Симпсон (сменивший умершего Раглана) произвели 5-ю бомбардировку Севастополя, а 27 августа (8 сентября), после 6-й бомбардировки, предприняли общий штурм города.

С падением же Малахова кургана, русские войска вечером того же дня оставили южную часть Севастополя и перешли на его Северную Сторону. Оставшиеся корабли были затоплены.

На Балтике в 1855 году британо-французский флот под командованием адмиралов Р. Дандаса и Ш. Пено ограничился блокадой побережья и бомбардировкой Свеаборга и др. городов. На Тихоокеанском театре военных действий, ввиду угрозы нападения на Камчатку ещё более мощной (по сравнению с предыдущим годом) союзной эскадры, Петропавловск по приказу Иркутского ген.-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского был в апреле эвакуирован. «Потопавшись» же перед опустевшим городом, англо-французские корабли двинулись на юг, попытались было высадить десант у бухты Де-Кастри, но потерпели неудачу. На Дунайском театре активных военных действий в 1855 — 1856 гг. не велось. Русскими — с оглядкой на постоянную угрозу вмешательства в военные действия оккупировавших Валахию и Зап. Молдову австрийских корпусов, а турками — из-за слабости своих, расположенных в данном регионе, войск. Да и «оставленный» австрияками узкий «зазор» в дельте Дуная для контакта российских и османских сухопутных сил не оставлял возможностей для широких маневренных операций.

На Чёрном море союзники, сразу же после занятия ими южной части Севастополя, высадили десант в Новороссийске, а также захватили Кинбурнскую косу.

В Закавказье корпус ген. Н. Н. Муравьева (ок. 40 тыс. чел.) весной 1855 г. оттеснил Баязетский и Ардаганский отряды турок к Эрзеруму и блокировал 33-тысячный гарнизон крепости Карс. Чтобы помочь османам, англо-французский флот высадил в Сухуме 45-тысячный корпус Омер-паши, но это самое на то время лучшее турецкое войско встретило упорное сопротивление 23 — 25 октября (4 — 6 ноября) на р. Ингури русского отряда под командованием грузинского князя ген. И. К. Багратиона-Муханского, насчитывавшего (за вычетом полков, отправленных князем на Батумское направление) 9 тыс. бойцов. Противник был остановлен на р. Цхенисцкали. В тылу корпуса Омер-паши развернулось сопротивление грузин и абхазов. 16 (28) ноября 1855 г. турецкий гарнизон Карса капитулировал. Генерал Николай Николаевич Муравьев был награждён новым императором Александром II

Орденом св. Георгия 2-й степени и пожалован почётной приставкой к своей фамилии «Карский». Омер-паша отступил назад к Сухуму, откуда в феврале 1856 г. его корпус был эвакуирован в Трапезунд.

В кон. 1855 г. возобновились переговоры в Вене, которые затем продолжились в Париже, где и был 18(30) марта 1856 г. подписан мирный договор. Севастополь обменялся на Карс, Россия утрачивала свои позиции в Валахии, Зап. Молдавии и Сербии, теряла свой берег Дельты Дуная, лишалась права держать военный флот на Чёрном море, обязывалась не восстанавливать укрепления на Аландских островах.

Причин такого неудачного окончания войны было много!

Здесь и устаревшее вооружение (Русская Армия была обеспечена, в основном, гладкоствольными ружьями против винтовок у союзников), что в значительной степени снижало дальность стрельбы. Да и скорострельность у штуцеров (пускай и однозарядных) была всё-таки выше, чем у ружей. Важным военно-морским преимуществом Великобритании и Франции перед Россией явилось незначительное число в военно-морском Флоте последней к началу Крымской войны паровых судов. У англичан же и французов «чистых» парусников среди боевых кораблей оставалось, к тому времени, значительно меньше половины. Не было ещё в Российской Империи (кроме всем известной «ровной трассы» Петербург — Москва и строящейся линии Петербург — Варшава) железных дорог, что затрудняло подвоз всего необходимого для ведения военных действий. Да и рекрутская система комплектования войск в реалиях 3-й четв. XIX столетия себя уже изжила. В т. ч. и в России.

Главная же тогдашняя язва нашей страны — крепостнический социальный строй, с каждым годом (во 2-й четверти и в середине «Века Научно-технического Прогресса») замедлявший темпы роста Русского Народного (Национального) Хозяйства, увеличивая его (обозначившееся вскоре после окончания наполеоновских войн) отставание от экономик Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Дании, северных штатов США, Пруссии и ряда др. германских государств, чешской и австрийской «составляющих» империи Габсбургов. Застойный характер тогдашнего частного феодального землевладения (производивший большую часть товарного зерна), основанного на принудительном (не только барщинном, но в значительной степени также и оброчном) труде помещичьих крестьян тормозил хозяйственное развитие России. В одних отраслях нашей тогдашней

экономики имел место незначительный рост, а в других — абсолютный застой.

Так, например, ежегодный сбор хлебов (главная из «подотраслей» нашего тогдашнего Народного Хозяйства!) в империи увеличился со 155 млн. четвертей в 1806 г. до 216 млн. в 1861 г., однако в расчёте на душу населения за 60 лет он не возрос [Сахаров А. М. Экономическое развитие России в 1-й половине 19 в. // Большая Советская Энциклопедия. 2 изд. Т. 50. — М., 1957 г.]. Площадь же посевных площадей увеличилась (гл. о. за счёт степной полосы) примерно в это же время (1802 — 1861 гг.) с 38 млн. дес. и до 58 млн. Т. е., урожайность зерновых культур даже несколько снизилась. Среднегодовой же рост Валового Внутреннего Продукта России за

Ген. Н. Н. Муравьев-Карский

1815 — 1857 гг. не превышал 1.5 — 2%. Что было гораздо ниже тогдашних темпов развития британской и французской экономик!

Крепостное состояние многих из тогдашних представителей нашей Русской Цивилизации тем более отвратительно, что иноплеменники (турок Яхья Кутайсов, негро-абиссинидид Ибрагим Ганнибал, еврей Карл Нессельроде, грузинский азнаури Давид Гурамишвили и пр., и пр.) владели «по закону» русскими полурабами, коих могли (особенно в период «крутого» крепостничества 1712 — 1797 гг.) продавать, менять на породистых собак, закладывать в ломбард, проигрывать в карты. Что же говорить о многочисленных потомках «выходцев из Золотой Орды»!

Конечно, крепостничество при Императоре Николае I было уже несколько иным, более регламентированным в духе позднего феодализма. В отличие от 2-й половины периода правления Петра I, а тем более —

от эпохи царствования «матушек-императриц»! Но и в умеренной своей форме, крепостная зависимость оставалась вопиющим фактором тогдашней Русской Жизни. Оскорблявшим самую душу нашего народа.

Никому нельзя было продавать или проигрывать в карты ни одного еврея, населявшего Российскую Империю. Он был лично свободен. А русского крестьянина (как и др. представителей коренных народов Нашей Страны), выходит, было можно. Пускай даже (как Чичикову при Николае II!) «только лишь на выезд-переселение»! Этой мерзости был положен конец через пять с половиной лет после падения южной части Севастополя.

Теперь о людских потерях противоборствующих сторон в Крымской войне!

Русские военачальники Корнилов, Нахимов, Истомина погибли на бастионах Севастополя. Лорд Раглан и маршал Франции Сент-Арно умерли в постели, хотя и на «театре военных действий». Но вовсе не от смертельных ранений! Потери французского воинского контингента были в значительной степени от кишечных инфекций.

Отмстивший (хотя всего лишь частично!) за своего великого дядю Луи Наполеон Буонапарте III будет впоследствии разбит Германией и навсегда лишится трона. Тогда же (в 1870 г.) Парижский Трактат будет денонсирован Российской Империей.

Русская Армия потеряла 522.000 человек.

Турки — до 400.000.

Французы — 95.000.

Англичане — 22.000.

Сколько было убито, ранено, заболело и попало в плен сардино-пьемонтцев остались неизвестным, но ориентировочно — пор. 2 — 4 тыс. чел.

Так что потери сторон в Крымской (именуемой в западной историографии Восточной) войне оказались «тютелька в тютельку». Так где же многотысячекратно за прошедшие 150 лет озвучиваемое западными и дем.-отечественными публицистами «позорное поражение Царской России»? Тем паче, что заключительным аккордом одного «позора» оказалось взятие (!!!) русскими крупной крепости Карс.

Имел место всего лишь общий (на фоне всего спектра вооружённого сопротивления всех задействованных в нём сил) относительный успех Русского оружия после напряжённой и упорной борьбы с коалицией противников.

Мы чтим память Русских Воинов, совершивших великие подвиги в этой войне. Их слава — Слава Русского Народа!

Об этом надо помнить.

М. В. Таскаев

БЕЛАЯ АРМИЯ В КОМИ КРАЕ

1. Начало гражданской войны на Севере

В годы 1-й Мировой войны через Русский Север (архангельский и мурманский порты) шло союзное снабжение царской армии. Для охраны морских караванов и северного побережья царское правительство в 1915 г. попросило Великобританию прислать на Север России эскадру военных кораблей. Базой эскадры стал Мурманск. В дальнейшем влияние англичан в северном регионе России усилилось. Октябрьский переворот 1917 г. и захват власти большевиками вызвали настороженность во всех союзных России государствах. Стремление большевиков к заключению сепаратного мира с Германией подтолкнуло союзников к поиску антибольшевистских сил в России, могущих, в первую очередь, продолжать политику войны. Союзники поддерживали любые местнические и сепаратистские настроения антибольшевистской ориентации, надеясь на отторжение от большевистской России отдельных территорий, где они смогли бы использовать русские ресурсы в своих целях. Английское правительство не намеревалось выводить свои морские силы из Мурманска, более того, оно рассчитывало усилить их вследствие растущей германской угрозы на Севере.

2 марта 1918 г. в Мурманске было выработано «Словесное, но дословно запротоколированное Соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского Края», согласно которому «высшая власть в пределах Мурманского края» оставалась в ведении Мурманского Совдепа, но «командование всеми вооруженными силами района» принадлежало «военному совету из трех лиц — одного по назначению Советской власти и по одному из англичан и французов» [1]. В конце марта-начале апреля 1918 г. совместные отряды советских частей, красных финнов и англо-французских десантников отразили наступление прогермански настроенных белофинов на Мурман и Карелию в нескольких направлениях [2].

После советско-германского Брест-Литовского мирного договора, подписанного в марте 1918 г., Антанта реально стала готовиться к интервенции на Севере России. 30 июня 1918 г. Мурманский краевой Совет пошел на разрыв с Москвой, установив «дружеский контакт с союзниками». Последние приступили к формированию в Мурманске «Славяно-британского легиона» — первого белогвардейского соединения на Севере России. В июле англичане высадились на Соловецких островах. Создание на Севере антибольшевистской зоны с

центром в Архангельске становилось делом времени. В июне-июле 1918 г. в ряде уездов Вологодской и Архангельской губерний вспыхнули антибольшевистские восстания. В Архангельск со всех сторон тайно стягивались отряды кадровых офицеров царской армии, готовивших в городе антибольшевистский переворот. Незадолго до переворота в Архангельск выехала группа депутатов Учредительного собрания, которая должна была образовать в городе антибольшевистское «правительство» (одним из кандидатов в министры белогвардейского «правительства» являлся П.А.Сорокин). По его воспоминаниям, одновременно с Архангельском готовились перевороты в Великом Устюге и Котласе, но они были сорваны [3].

По договоренности с союзниками антибольшевистское восстание в Архангельске вспыхнуло 2 августа 1918 г. Оно было успешным. Любопытно, что в борьбе против русских большевиков мятежники привлекли отряд красных финнов под командованием финского большевика Токоя, находившегося в это время в Архангельске. Красные финны, стремившиеся выехать из города в Финляндию, активно способствовали свержению советской власти. Исторический парадокс объясняется тем, что если немцы в это время помогали белофиннам, то Антанта в противовес им вынуждена была поддерживать красных финнов и финских большевиков [4].

Образованное в Архангельске Верховное управление Северной области (ВУСО) в составе шести эсеров (С.С.Маслов, М.А.Лихач, Я.Т.Дедусенко, Г.А.Мартюшин, А.И.Гуковский, А.А.Иванов) и двух кадетов (П.Ю.-Зубов, Н.А.Старцев) под председательством народного социалиста Н.В.Чайковского обнародовало в августе 1918 г. в ряде воззваний к населению программу своих действий. В частности, намечались «... организация местного управления в Северной области... оборона... области... от дерзких посягательств на территорию и национальную независимость населения со стороны Германии, Финляндии и других неприятельских стран... воссоединение с Россией... восстановление попраных свобод и органов истинного народоуправления: Учредительного собрания, земств и городских дум... действительное обеспечение прав трудящихся на землю... устранение голода среди населения...» [5]. Советские органы власти повсеместно упразднили, восстанавливались земства. Стремясь привлечь основную массу населения на Севере — крестьянство — на свою сторону, ВУСО, а впоследствии Временное правительство Северной Области

(ВПСО), сформированное в октябре 1918 г., выпустило в свет ряд аграрных деклараций и законов «по действительному обеспечению прав трудящихся на землю. Все категории земель, в том числе частные и монастырские передавались в управление земства. Архангельские аграрные законы предусматривали «наследственный принцип пользования» всеми категориями земли «прежними владельцами и их законными правопреемниками», что означало изъятие земель у лиц, получивших ее на основе советского Декрета о земле. В то же время частная торговля землей запрещалась [6].

В области рабочего законодательства правительство Северной области взяло курс на примирение рабочих и предпринимателей. Тем не менее основной опорой белогвардейского режима стали, как и повсеместно по России, «дворяне, буржуазия, средние слои, интеллигенция, офицерство и старое чиновничество», имевшие самые различные политические установки и «монархические, и либерально-демократические». Главной объединительной идеей их союза стал антибольшевизм [7]. Крестьянство и рабочие на Севере занимали, скорее, выжидательную позицию к белому режиму, чем поддерживали его. Союзники, высадившись в Архангельске, придерживались антигерманской причины пребывания здесь вплоть до ноября 1918 г., т.е. до завершения 1-й Мировой войны. Затем был задействован климатический фактор, дескать, в суровых северных условиях войска Антанты зимой не могут покинуть Россию. Все это время Антанта поддерживала антибольшевистское движение на Севере, вмешиваясь в гражданскую войну в России. Экономические выгоды, которые союзники извлекли из поддержки Северного Архангельского правительства, немалые. Так, по данным И.И.Минца, союзники в навигацию 1918 г. вывезли ценностей (лен, фанера, смола, марганцевая руда, сивушное масло и т.д.) из Северной области на общую сумму в 4 726 000 английских фунтов, т.е. почти 50 миллионов руб. В навигацию 1915 г. Антанта вывезла грузов на сумму до 48 242 169 руб. [8].

Много усилий потратили союзники на строительство боеспособной русской белогвардейской армии на Севере, оказав существенную помощь русским военным кадрам оружием, обмундированием, транспортом, медикаментами, продовольствием. (В некоторых работах по истории гражданской войны русские войска Северной области называются Северной Добровольческой армией [9]. В нашей монографии части Белой армии на Севере также будут условно

называться Северной Добровольческой армией). В августе 1918 г. в рядах северных белогвардейцев насчитывались около 1000 чел. под общим командованием капеланга Г.Е.Чаплина. Численность армии росла медленно. Ситуация не изменилась и при новом командующем русскими вооруженными силами на Севере полковнике Б.А.Дурове, занявшем эту должность в середине сентября 1918 г. Основную тяжесть борьбы с большевиками на фронте несли союзнические войска. Общая численность войск Антанты на Северном фронте осенью 1918 г. составляла около 16 тыс.чел., из них 5600 американцев, 6200 англичан, 1600 французам и др. [10]. В сентябре 1918г. американский экспедиционный корпус взял Шенкурск — второй по величине город в Архангельской губернии. Одновременно войска Антанты на Мурманском участке фронта совместно с красными финнами предприняли наступление на позиции белых в приграничных районах Карелии. В начале октября 1918 г. белофинны были разбиты и оставили Карелию. В это же самое время была отражена попытка белых захватить Печенгу. Тем самым осенью 1918 г. войска Антанты косвенно оправдывали свое присутствие здесь, участвуя в военных действиях с прогерманскими вооруженными силами [11].

После объявления ВПСО мобилизационной кампании медленно начался рост численности Северной Добровольческой армии. Командование над ней в ноябре 1918 г. принял генерал-майор В.В.Марушевский. К концу 1918 г. в рядах армии насчитывались 7441 чел., из них около четырех тысяч были мобилизованными. В феврале 1919 г. обща численность русских белогвардейцев на Северном фронте составляла 9775 чел. [12]. В их число входили и формирования, скомплектованные в Печорском и Мезенском уездах Архангельской губернии, т.е. на территории Коми края.

2. Формирование белогвардейских соединений на территории Коми края в 1918-1920 гг. Политические симпатии населения

9 августа 1918 г. ВУСО направило в Пинегу, Мезень и Печорский уезд ультиматум о самороспуске Советов и подчинении уездных органов власти Архангельскому правительству. 13 августа был распущен Мезенский Совет, 19 августа английский отряд занял Пинегу. 12-14 августа в Усть-Цильме работал III Чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов Печорского уезда, который, обсудив политическое положение на Севере, большинством голосов принял решение о признании ВУСО, роспуске уездного Совета и восстановлении земства [13]. В Архангельск была отправлена телеграмма от имени распущенного печорского уездисполкома: «Совет слагает свои полномочия во избежание останки жизни, разрухи и волнений. Телеграфируйте срочно, как должна быть организована уездная власть. В уезде спокойно» [14]. В Усть-Цильме возник Временный Пе-

чорский правительственный комитет во главе с правительственным комиссаром Г.Козловым. Последний позднее жаловался в Архангельск, что по уезду на местах остались у власти члены исполкомов и что «... даже в правительственном комитете Чупров и Терентьев — члены бывшего исполкома — большевики-коммунисты» [15].

10 августа 1918 г. из Архангельска с целью десоветизации Печоры выехал небольшой отряд подпоручика Можяева в 12 чел., который достиг устья Печоры в момент самороспуска Советов в Усть-Цильме. Можяев разоружил и распустил большевистскую организацию из 69 членом на лесозаводе «Стелла Полларе» в устье Печоры, арестовал активистов организации и 18 августа вернулся обратно в Архангельск [16]. Вслед за Можяевым на Печору 28 августа также с небольшим отрядом из 12 чел. (из них пять офицеров) выехал полковник П.Ф.Естифеев, назначенный командующим Печорским районом Северного фронта. В обязанности полковника входило создание на местах боевых подразделений, способных противостоять частям Красной Армии. Естифеев вез с собой два пулемета и сто винтовок. 5 сентября он прибыл в Усть-Цильму. К приезду белых усть-цилемский судья Г.Филиппов и прапорщик царской армии Е.А.Попов сформировали из местных добровольцев отряд охраны Печорского уезда (именуемый также дружиной), насчитывающий в своих рядах примерно 100 чел. 22 августа отряд уже участвовал в перестрелке с красными пароходами «Александр» и «Михаил», проплывшими мимо Усть-Цильмы с низовьев вверх по Печоре. П.Ф.Естифеев принял командование над отрядом охраны и сделал попытку создать на его базе печорский отдельный батальон.

Из-за начала уборочных сельскохозяйственных работ увеличение количества добровольцев в ряды отряда не наблюдалось, к середине сентября его численность возросла лишь на 50-60 чел. Полковник информировал Архангельск о состоянии дел на Печоре, особо отметив в рапорте «непонятное, преступное равнодушие местного населения к моим задачам» [17]. Тем не менее в середине сентября, когда стало известно, что в районе Усть-Шугора сконцентрированы красные отряды, Естифеев двинул на них все свои наличные силы под командованием поручика Пономарева. 17 сентября после короткой стычки под Усть-Шугором белые были рассеяны: прапорщик Е.А.Попов с частью отряда отступил за Урал в Ляпино (Саранпауль), другая часть скрылась в лесах. Получив известие о поражении отряда, Естифеев 21 сентября покинул Усть-Цильму, выехав в Архангельск, где предоставил правительству доклад о невозможности борьбы с большевиками на Печорском участке Северного фронта. Архангельская газета «Возрождение Севера» в номере от 16 октября 1918 г. резко раскритиковала деятельность полковника, фактически обвинив его

в трусости. 27 сентября 1918 г. красные под командованием австрийского интернационалиста Морица Мандельбаума заняли Усть-Цильму. Первая попытка создания белогвардейских соединений в Коми крае на территории Печорского уезда окончилась неудачей.

17 октября 1918г. полковник Д.Д.Шапошников получил назначение Архангельского Генерального Штаба в Мезенский уезд, где на него возлагалось общее командование, всеми местными белогвардейскими отрядами и создание Мезенского участка Северного фронта. 21 октября Д.Д.Шапошников с отрядом из 50 военных милиционеров и пятью офицерами (поручиком А.М.Стышневым, подпоручиком Д.А.Рябовым, прапорщиками М.К.Соколовым, П.И.Верещагиным, Н.И.Макаровским) прибыл в Мезень. 25 октября полковник сообщил в Архангельск, что отправляется в Усть-Вашку (Лешуконское), «которая будет центром подготовительных работ и базой предстоящих операций» [18]. В Усть-Вашке под начало Д.Д.Шапошника перешли все местные белые отряды, сформированные ранее по распоряжению Мезенского правительственного комиссара Орлова, в том числе важгорский отряд подпоручика И.Калининского из 138 чел. Д.Д.Шапошников разбил свои силы по двум направлениям: пинежское и удорское. На пинежском направлении белым противодействовал красный отряд А.П.Щенникова численностью около 1000 чел. Под их натиском белые отступили до границы Мезенского уезда, где часть отрядов (в частности, отряд псаломщика И.Попова) перешла в подчинение Д.Д.Шапошникову. На удорском направлении действовал отряд подпоручика Н.Калининского. 6 ноября 1918г. Д.Д.Шапошников сформировал Важгорский боевой участок удорского направления под общим командованием поручика А.М.Стышнева. Последний развернул в Важгорте запись добровольцев и мобилизацию в ряды белых. 13 ноября, например, в отряд Н.Калининского записались 25 добровольцев.

В Усть-Вашке была организована мобилизационная комиссия, призванная осуществлять массовый набор местного населения в ряды Северной Добровольческой армии. К сожалению, данные о ее работе отсутствуют. Известно, что 9 ноября 1918 г. в отряды Шапошника были мобилизованы 56 чел., 10 ноября — 59 чел. и т.д. Политические симпатии мобилизованных не всегда устраивали командование. Так, например, 13 ноября 1918 г. Шапошников отправил мезенскому коменданту 41 чел. из только что отобилизованных новобранцев как «нежелательный по своему настроению элемент» [19]. В ряды мобилизованных попала и небольшая часть большевистски настроенной удорской интеллигенции. Интересно, что некоторых из них поручик Стышнев, бывший эсер по партийной принадлежности, предупредил о возможности ареста в ближайшем будущем и советовал быть поосторожнее [20].

В середине ноября 1918 г. отряды Шапошникова насчитывали около 300-400 чел.

25 ноября вспыхнул антибольшевистский крестьянский мятеж в Чернугево, вызванный действиями яренского продотряда, реквизировавшего в селе до 1800 пудов хлеба. В считанные дни повстанцы под руководством бывшего подпрапорщика царской армии Л.П.Маркова захватили ряд удорских волостей по р. Мезени, в том числе 28 ноября — Кослан. Отдельные представители советской власти добровольно вступали в отряд Маркова (например, председатель Селибского комбеда В.Ф.Ванеев и селибский волвоенок-миссар и др.) [21]. К концу ноября 1918 г. марковцы вместе с отрядами Шапошникова контролировали почти всю Удору. 6 декабря 1918 г. Яренский Военно-Революционный Совет сообщал в Великий Устюг, что «...население Кослана под давлением кулаков определенно стоит на платформе белых, население Разгорта, Буткана, Глотова колеблется, не проявля активной борьбы» [22]. В начале декабря 1918г. красные на Удорском участке Северного фронта перешли в наступление, тесня «марковцев» и белых на Север. В конечном итоге, крестьянское восстание на Удоре было подавлено. В удорских волостях развернулись жестокие репрессии против участников восстания (так, по воспоминаниям участника событий тех лет К.И.Попова, в дер. Разгорт были убиты 17 «марковцев», в с. Кослан расстреляны четверых) [23]. Активный участник антибольшевистского движения на Севере П.А.Сорокин, осенью 1918 г. сдавшийся большевикам и содержащийся в велико-устюжской тюрьме, так вспоминал впоследствии о своем пребывании в тюрьме и восстании на Удоре: «... Только что привели шестьдесят семь новых заключенных, среди них пять женщин и четверо детей. Это крестьяне, которые осмелились сопротивляться, когда коммунисты явились «национализировать» все их зерно, скот и другое имущество. На подавление бунта в селах были посланы пушки и пулеметы. Три населенных пункта разрушены до основания и сожжены, много крестьян убито, сотня арестованных. Те шестьдесят семь человек в ужасном состоянии — руки переломаны, на теле рваные раны и кровоподтеки... Сегодня нас стало меньше. Большинство крестьян казнены» [24].

Между тем Д.Д.Шапошников в это время был вынужден рассредоточить свои отряды уже по трем направлениям (к пинежскому и удорскому добавилось печорское). 30 ноября 1918 г. отряд штабс-капитана Г.П.Алашева в 40 штыков из устьвашской группировки войск прошел по Койнасскому тракту, связывающему Мезень с Усть-Цильмой, и с боем овладел уездным центром Печорского уезда. Часть красного гарнизона села погибла в перестрелке. Большинство населения положительно восприняло приход белых. Вот

как описывает захват Усть-Цильмы очевидец событий, явно симпатизирующий большевикам: «Утром 30 ноября 1918 г. около 10 часов утра вблизи старообрядческой церкви раздались выстрелы, произведшие на крестьян суматоху, не понимая, что происходит. Немного погодя послышались выстрелы и в верхнем конце села. Паника усилилась. На улицах появилась цепь вооруженных винтовками мужиков в малицах и совиках и тужурках, беспорядочно стрелявших. Вооруженным никто не сопротивлялся. Налетчики торжествовали. Во главе отряда бежали усть-цилемы... На улицах валялось уже несколько трупов наших товарищей... Перед белыми на коленях стоял мужик лет 40, крестился на церковь и кричал: «Слава богу, законная долгожданная приехала, батюшка — офицеры там приехали!» Действительно, появились несколько золотопогонников. Один из них направился к арестному дому, другой — к почте. Остальные пошли с несколькими усть-цилемами ловить большевиков. Настроение большинства усть-цилем было торжествующее. На убитых и раненых смотрели с нескрываемым злорадством, оказывая белым помощь в розысках большевиков с криками «Теперь власть наша, а не ваша!» [25]. Позднее генерал-майор В.В.Марушевский в своих мемуарах оценил действия Д.Д.Шапошникова по захвату части Печорского уезда как «блестящие» [26].

Архангельские газеты, в частности, «Северное утро» в номере от 9 февраля (27 января) 1919 г. так писали об освобождении Печорского уезда от красных: «До освобождения от большевиков в конце ноября минувшего года Печорский край нашей губернии переживал дни сплошного ужаса. В крае неистовствовали красноармейские банды. В конце ноября партизаны из с. Усть-Вашка Мезенского уезда заняли Усть-Цильму. К ним присоединились для общей борьбы крестьяне из деревень с реки Цильмы. Эти действия добровольцев под руководством героев-офицеров принесли несчастным жителям Усть-Цильмы невыразимую радость: открылись двери тюрьмы, выпущены были на свободу 40 или более узников, которые плакали от неожиданной радости освобождения, ибо все они были перед этим приговорены большевиками к смерти. Большая часть спасенных были люди пожилые. Многие из этих несчастных людей перед тюремным заключением были подвергнуты унижительным для человеческого достоинства истязаниям: захваченных граждан пороли плетью, затем раны их посыпали солью, смачивая водой и снова пороли. Очевидец этих ранений, рассказывавший нам о зверствах большевиков, говорит, что он пришел в ужас, когда увидел исплосованные спины, представлявшие одну сплошную, кровавую рану... у некоторых оказались сломанные ребра, у иных оставались еще в теле пули... Уже уходя из Усть-Цильмы большевики успели утопить двоих

граждан в проруби. После Усть-Цильмы было освобождено с. Краснорборск. Здесь происходили те же ужасы, что и в Усть-Цильме. Всего подвергшихся истязаниям, о которых сказано выше, было свыше 100 человек. Очень характерным является истязание большевиками Георгиевского кавалера Конона Филиппова, имевшего несколько медалей и четыре Георгиевских креста. Большевики требовали от него, чтобы он отдал им боевые награды. Герой отказался. Тогда его начали пытать: били, драли, топтали и совершенно искалечили... Убитые, изувеченные и искалеченные ограблены были дотла. У всех забрали имущество, угнан скот, отняты денежные сбережения... В дер. Галовской большевики ограбили местных жителей примерно на полтора миллиона... Издевательства и насилие соединялись с кощунством... В Галовском было запрещено звонить в колокола и на них был наложен арест, и только после освобождения села народ выразил свою радость по случаю свержения ненавистного ига торжественным колокольным звоном... Ряд зверств большевиков испытали и селах Ижма и Мохча...»

Белые развернули в Печорском уезде мобилизацию, проходившую на основе приказа Г.П.Алашева от 16 февраля 1919 г.: «...Составить списки всех подлежащих мобилизации от 20 до 35 лет на следующих основаниях: 1. Мобилизованными не должны быть одинокими работниками в семье. 2. По состоянию здоровья годны к строевой службе. 3. Не участвовавших в Советах и подобных организациях» [27]. Официально мобилизация осуществлялась согласно постановлению ВПСО от 5 марта (призывных возрастов 1893-1898 гг.) и 25 августа 1919 г. (призывных возрастов 1874-1877 гг. и 1901 г. рождений). На Печоре началось создание так называемой Народной Армии Печорского уезда. В начале декабря 1918г. состав «армии» насчитывал всего около 160 чел., но благодаря мобилизации и записи добровольцев численность ее к концу декабря выросла до 500 чел., а к марту 1919 г. составляла 749 чел. Дислокация белых в марте 1919 г. на Печоре была следующей. На Ижемском участке располагались две роты (1 и 2) и 1 взвод 4 роты в 420 штыков и пять пулеметов. В районе Няшабожа находилась застава в 30 штыков с одним пулеметом, у Кычкара стояли 100 чел. при трех пулеметах. На дороге Кычкара — Ижма находилась застава в 45 чел. при двух пулеметах. Кроме того, имелся резервный отряд численностью в 154 штыка при двух пулеметах [28].

Директивной командования от 3 марта 1919 г. полковник Д.Д.Шапошников официально был назначен командующим Мезенско-Печорским районом Северного фронта. Постановлением ВПСО от 17 марта 1919 г. он был произведен в генерал-майоры (став единственным белогвардейским генералом, воевавшим на территории Коми края) и награжден

британским орденом «За выдающиеся заслуги» за успешное строительство армейских подразделений на Удоре и Печоре. Приказом от 4 апреля 1919 г. генерал-майор Шапошников произвел структурные изменения в своих частях, призванные улучшить боеспособность армии. Мезенский район был разбит на три боевых участка (Чубласский, Вашский и Койнаасский). Начальникам этих участков (Чубласским командовал подпоручик Семушин, Вашским — поручик Стышнев, Койнаасским — подпоручик Маньков) были присвоены права командиров неотдельных батальонов. Действующие в Мезенском районе силы были разбиты на шесть рот. Командиром Чубласской роты являлся прапорщик Соколов, Лешу-конской — подпоручик Семушин, 1 Вашской — мичман Надгрывозский, 2 Вашской — прапорщик Труфанов, 1 Койнаасской — подпоручик Калининский, 2 Койнаасской — прапорщик Петров. Кроме того, имелись вашская и койнаасская команды разведчиков и артиллерийская полубатарея из четырех орудий (командир лейтенант Михайлов). Действующие в Печорском районе силы были разбиты на четыре роты и пулеметную команду. 1 ротой командовал подпоручик Рочев, 2 — штабс-капитан Новиков, 3 — прапорщик Терентьев, 4 — поручик Мельников, пулеметную команду возглавлял подпоручик Пономарев. Во главе района был поставлен капитан Г.П.Алашев на правах командира отдельного батальона. В его подчинении имелась также артиллерийская полубатарея из двух орудий (командир капитан Андреев). Численность всех войск, находящихся в ведении Д.Д.Шапошникова на апрель 1919 г., оценивается, по меньшей мере, в полторы тысячи человек, из них 34 старших и младших офицеров [29].

В марте 1919 г. штаб Д.Д.Шапошникова пережил кризис в настроениях солдат на Удоре, вызванный победоносным наступлением красных. В вашских подразделениях был раскрыт заговор с целью сдачи фронта и ареста всех офицеров. 40 солдат были обезоружены, двоих расстреляли [30]. Иное дело было на Печоре, где под влиянием политики красного террора, осуществлявшейся командиром ижмо-печорских отрядов красных Морицем Мандельбаумом, крестьяне поддерживали белых. 24 марта 1919 г. Шапошников доносил из Усть-Цильмы в Архангельск: «Жители охотно идут партизанами» [31].

В феврале 1919 г. в верхнепечорских волостях, контролируемых красными, вспыхнуло крестьянское восстание, вызванное советской продовольственной политикой. Вывозимый красными из-за Урала через Печору хлеб переправлялся сразу на Вычегду (45% вывозимого хлеба предназначалось для нужд VI Красной армии), в итоге голодающее печорское население оставалось без хлеба. Советский командующий Печорским краем Мандельбаум категорически отказался давать хлеб Печоре, заявив, что она «слишком кон-

треволюционна, чтобы есть хлеб» [32]. Хлеб складировался в Троицко-Печорске, откуда планировалась дальнейшая вывозка.

Военная ситуация на верхней Печоре в начале 1919 г. для красных была весьма кризисной. После падения Перми Красная Армия безостановочно отступала на запад. «Это не было, строго говоря, отходом, тем более это нельзя назвать организованным отводом частей на позиции, — это было форменное беспорядочное бегство наголову разбитой и совершенно деморализованной армии со штабом, неспособным осознать происходящее и сколько-нибудь учесть заранее неизбежную катастрофу...» — писали в ЦК РКП(б) И.В. Сталин и Ф.Э.Дзержинский, побывавшие с инспекцией на Восточном фронте в начале января 1919 г. [33]. 8 января 1919 г. В.И. Ленин получил письмо от члена РВС VI Красной Армии А.Орехова, в котором содержалась следующая информация: «Положение фронта нашей VI армии сугубо неприятное, отступление III армии еще больше ухудшает. В северо-восточной части нашей армии, т.е. в Печорском крае уже за последнее время (как Вы уже, вероятно, знаете из сводки) появились чехословаки под командованием князя Вяземского, стремящегося к воссоединению Урала с Архангельском. Помешать же этому воссоединению мы абсолютно не можем. Несмотря на целый ряд предупреждений и Севфронта и Реввоенсовета Республики на эту опасность мы до сих пор ничего не получили. И ежели нам своевременно не дадут сил, то через несколько времени мы будем иметь перед собой сплошной фронт противника — Архангельск — Пермь — Урал...» [34].

Колчаковцы наступали на Печору с двух направлений: ляпинского и чердынского (см. карту). На первом действовал батальон князя Вяземского примерно в 600 штыков из Северной группы войск Сибирской армии, в рядах которого находилась разведрота чехословаков (134 чел.). Основной состав батальона был сформирован в Тюмени из местных добровольцев под началом подпоручика Лушников. В январе 1919 г. Вяземский с боем выбил красных из Ляпино, а в конце января — начале февраля 1919 г. разъезды белых из-за Урала появились на средней Печоре у Усть-Щугора. В конце января 1919 г. 18 Сибирский Иркутский и 25 Сибирский Тобольский полки из Северной группы войск колчаковцев усилили нажим на красных на чердынском направлении. Благодаря поддержке местной интеллигенции и бывших офицеров царской армии, организовавших в ряде мест антибольшевистские восстания, колчаковцы заняли Чердынский уезд Пермской губернии, а 31 января появились в верховьях Печоры. 4 февраля 1919 г. в Троицко-Печорске, где красные планировали создать укрепленный оборонительный пункт для обороны от колчаковцев, вспыхнуло уже упоминавшееся выше антибольшевистское крестьянское вос-

стание, возглавляемое комендантом села и председателем местной ячейки РКП(б) И.Ф.Мельниковым, лесничим Н.С.Скорородовым, зам.предволисполкома М.П.Поповым, служащим печорского пароходства П.А.Юдиным, священником В.Поповым и др. Красный гарнизон в селе почти в полном составе перешел на сторону повстанцев, начальник гарнизона Н.Н.Суворов (бывший председатель Усть-Сысольского уездного комитета ПЛСР) был убит. 6 февраля восстание перекинулось в Покчу, 12 февраля — в Савинобор, а 18 февраля — в Подчерье. 8 февраля в Троицко-Печорск вступили передовые подразделения 25 Сибирского Тобольского полка под командованием поручика Орлова, назначенного командующим Печорским боевым участком Северной группы войск Сибирской армии. Еще до подхода колчаковцев в Троицко-Печорске был устроен самосуд жителей над большевиками и активистами советской власти — беженцами из Чердынского уезда. Организованная в селе Судебная коллегия в составе 12 чел. под председательством П.А.Юдина казнила на льду Печоры около 100 чел. После прихода колчаковцев комендантура села во главе с прапорщиком Т.Пашковским расстреляла еще около 30-50 чел. В числе казненных была комиссия VI Красной Армии под началом П.П.Олунина, направленная на Печору для инспекции ижмо-печорских советских отрядов (по личному указанию И.В.Сталина комиссия везла большой запас оружия и боеприпасов для отрядов Мандельбаума). К концу февраля 1919 г. верхняя Печора полностью контролировалась повстанцами и подразделениями Сибирской армии. 21 марта 1919 г. в районе Усть-Кожвы на средней Печоре произошла встреча архангельских и сибирских белых войск. Стороны обменялись приветствиями. Генерал-майор Д.Д.Шапошников доносил в Архангельск, что «...вооружение сибиряков слабое, ибо есть часть берданок, пулеметов мало» и просил выслать для печорских частей колчаковцев 20 пулеметов, 500 винтовок, 300 тыс. патронов и две портативные радиостанции для связи [35].

Колчаковцы развернули на верхней и средней Печоре мобилизацию среди местного населения в ряды формируемого в Троицко-Печорске Отдельного Сибирского Печорского стрелкового полка. Он формировался на базе батальона 25 Сибирского Тобольского полка под командованием капитана Атавина, расквартированного в Троицко-Печорске и удерживавшего фронт на помоздинском направлении. Точное число мобилизованных в ряды колчаковской армии на Печоре неизвестно (можно предположить, что их было несколько сотен человек). Когда летом 1919 г. архангельские мобилизационные пункты разместились на верхней и средней Печоре, оказалось, что призывники здесь уже все мобилизованы сибиряками. 13 июня 1919 г. из Усть-Цильмы в Архангельск со-

общали, что «Болбан, Колва, Усть-Кожва, подлежащие призыву граждане уезда не прибыли... Последние мобилизованы сибиряками» [36].

Весной 1919 г. колчаковцы планировали развернуть наступление на Котлас, в связи с чем их командование запросило союзников усилить снабжение Сибирской армии. К лету 1919 г. англичане сосредоточили в Архангельске оружие, боеприпасы, снаряжение и обмундирование на 100 тыс. чел., чтобы при соединении архангельских белых частей с колчаковцами у Котласа передать это последним [37]. Командир 25 Тобольского полка полковник Бордзиловский запросил штаб Шапошникова о присылке в Троицко-Печорск «винтовок, орудий, пулеметов, бомбометов, 50 дюжин фотографических пластинок...». Колчаковцы просили также автомобили и даже танки, высылка которых на Печору морским путем была вполне реальной. В случае быстрого получения требуемого Бордзиловский гарантировал «взять Усть-Сысольск и Котлас в кратчайшие сроки» [38]. При штабе генерал-майора Шапошникова находилась для связи группа колчаковских офицеров во главе с подпоручиком Жалковским. Рота подпоручика А.Г.Иванова из печорского батальона Г.П.Алашева по просьбе колчаковцев воевала с противником на Восточном фронте в апреле — мае 1919 г. (по всей видимости, она участвовала в попытках колчаковцев прорваться на Вычегду через Екатеринбургский канал). 19 апреля 1919 г. передовые казачьи части Сибирской армии появились недалеко от Кажима на юге Коми края, заняв там дер.Монастырскую. Красные спешно строили укрепрайон на Сысоле у Объячево, куда первоначально планировалось перебросить эвакуируемый с Печоры Ижмо-Печорский советский полк Мандельбаума (в дальнейшем он был переброшен на Северную Двину) [39]. Большевицкое руководство Усть-Сысольского уезда обратилось к рабочим Кажимского железодельного завода с просьбой о записи добровольцев в отряды по оброне края от наступающих колчаковцев, но получило отказ. Из рабочих в Красную Армию записались только три добровольца [40]. Остальные ждали прихода белых.

М.Мандельбаум, характеризуя отношение местного населения к враждующим сторонам, в своем донесении от 23 января 1919 г. в штаб VI Красной Армии отмечал: «Население здесь на Севере темное, никакой надежды на него нет, большинство шкурники, сегодня красноармейцы, а завтра белогвардейцы, вся надежда на Усть-Сысольск...» [41]. В свою очередь, командующий Пинево-Печорским краем Н.В.Лисовский и военный политический комиссар Г.И.Самодед писали из Усть-Сысольска в штаб VI Красной Армии 7 марта 1919 г.: «За короткий срок пребывания здесь мы выяснили, что население Усть-Сысольска пропитано обывательщиной и относится несочувственно к представителям советской

власти. Население деревень терроризировано лицами, являющимися руководителями власти, но власть понимающими как произвол. Поэтому на сочувствие населения в данное время рассчитывать не приходится и завоевать его доверие труднее теперь, чем было раньше, ибо они к представителям власти относятся уже с предубеждением...» [42]. Стремясь восстановить доверие населения к Красной Армии, комкроя Н.В.Лисовский в приказе № 02 по войскам Пинево-Печорского края от 8 марта 1919 г. заявил: «До моего сведения дошло, что командиры частей и отдельные лица, служащие в Красной Армии, производят насилие над местным населением, выразившееся в ряде самочинных расстрелов, в неоднократных побоях крестьян, работающих при перевозке частей и военных грузов. Приказываю немедленно всем командирам красноармейских частей обратиться под их личную ответственность самое серьезное внимание на указанные выше поступки и в корне прекратить всякие безобразия и издевательства, недостойные красного солдата... Мордобитию и самочинным расстрелам без суда не может быть места» [43].

Оценку классового самосознания населения в Коми крае, в частности на Печоре, давали и белые. В.В.Марушевский в своих мемуарах писал: «В этих глухих местах между Усть-Цильмой и, примерно, Чардынью (Чердынью — М.Т.) — революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов между отдельными деревнями и поселками. На почве одичалости и грубых нравов местного населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Участники экспедиции (имеется в виду посланный из Архангельска в Омск экспедиционный отряд есаула Мензелинцев — М.Т.) видели проруби на глубокой Печоре, заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды... Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый — было почти невозможно. Отравленные ядом безначалия, группы этих людей дрались каждая против каждой, являя картины полной анархии в богатом и спокойном когда-то крае» [44].

Негативное отношение населения к советской власти, вызванное красным террором и жесткой продовольственной политикой большевиков в деревне, позволили белым одержать в первой половине 1919 г. значительные успехи на Восточном фронте. В начале июня части Сибирской армии под командованием генерал-лейтенанта А.Н.Пепеляева заняли г. Глазов Вятской губернии. Одновременно союзники и Северная Добровольческая армия предприняли наступление на пинежском, важном и железнодорожном направлениях Северного фронта. Планировалось, что после соединения с колчаковцами в районе Котласа специальная британская

бригада, действуя в союзе с частями генерал-майора Д.Д.Шапошникова, завершит разгром красных в Коми крае по Вычегде. 14 мая 1919 г. Шапошников подготовил директиву о наступлении на Яренск. Однако провал наступления на пинежском направлении в июне 1919 г. вынудил белых отказаться от дальнейших попыток овладения Котласом [45].

Средняя Печора являлась связующим звеном между Северным и Восточным фронтами белых. Усть-Цильма стала важной перевалочной базой для различных правительственных и военных делегаций из Омска и Архангельска. Весной 1919 г. здесь побывали, в частности, делегации князя И.А.Куракина, английский отряд лейтенанта Диксона, французский отряд капрала Бессу, делегация генерал-майора Кислицына — все направлявшиеся из Архангельска в Омск. Оттуда в Архангельск через уездный центр Печорского уезда проследовал уполномоченный Ставки А.В.Колчака штабс-капитан Бекшин, взвод шотландских стрелков Гэмпширского полка полковника Джонса и др. Усть-Цилемский телеграф являлся передаточным звеном в переговорах Омского правительства с Архангельском, Финляндией и армией Н.Н.Юденича.

Для снабжения частей Шапошникова и колчаковцев союзники запланировали разместить в устье Печоры базу. Об этом Шапошников был предупрежден телеграммой В.В.Марушевского 3 апреля 1919 г.: «Небольшие союзные миссии будут посланы по рекам Мезени и Печоре, как только они вскроются, с необходимым обмундированием, вооружением и продовольствием. Выдача предполагается большими партиями русскому командованию...» [46]. Однако организация Британской миссии (или Английской базы, как ее еще называли) на Печоре была осуществлена только в конце июля 1919 г., уже после отхода колчаковцев за Урал.

Общей причиной поражения колчаковцев на Восточном фронте является их стратегический просчет в выборе направления главного удара. Пытаясь соединиться с союзниками и Северной Добровольческой армией, сибирские войска основной удар по красным наносили на северном (пермском) направлении, что позволило противнику сосредоточить усилия и начать контрудар на центральных участках Восточного фронта. В начале июля 1919 г. Северная группа войск колчаковцев из-за массового отступления своих на центральных участках Восточного фронта вынуждена была также отойти на восток [47]. 8 июля 1919 г. Шапошников проинформировал Архангельск об уходе колчаковцев с Печоры согласно донесению капитана Атавина. Последний писал: «Вследствие создающейся обстановки на фронте мне с полком приказано выступить из Троицкого через Ляпино... 3 июля я с отрядом выступил. Начальник Северного отряда приказал вам продолжать получение боевых запасов в Архангельске, организовав достав-

ку грузов морским путем через Обь, Печору и Усу из Болбана на оленях в Обдорск» [48]. Отход колчаковцев поставил Шапошникова в трудное положение, поскольку на Печоре из состава архангельских войск был расквартирован только батальон Г.П.Алашева. Если раньше он занимал позиции по Ижме и нижней Печоре, то после ухода сибиряков Шапошников был вынужден рассредоточить его по всей Печоре, вплоть до Троицко-Печорска. Была объявлена новая мобилизация призывных возрастов от 19 до 29 лет. Батальон пополнился также дезертирами из колчаковского Отдельного Печорского полка — уроженцами Печорского уезда, не желавшими уходить с сибиряками.

В июле 1919 г. новый Главнокомандующий Северным фронтом генерал-лейтенант Е.К.Миллер предпринял перегруппировку своих сил в Мезенско-Печорском районе. 7 июля Архангельск информировал генерала Шапошникова, что «в отношении ведения операций в Мезенском районе Вы подчинены генералу Петренко». В этот же день вышла директива Генштаба белых о формировании на Печоре 10-го Северного Печорского полка в двухбатальонном составе. 11 июля Шапошников получил телеграмму от Марушевского, что «3 июля на Печору из Архангельска вышел пароход «Савватий» с военным и продовольственным грузом. 16 июля выходит из Архангельска пароход «Зосима», на котором следуют офицеры во главе с полковником Ахаткиным, назначенным командовать войсками Печорского района. Ввиду отхода правого фланга сибирской армии, Печорский и Ижемский районы вновь приобретают боевое значение» [49]. Одновременно с началом формирования полка на Печоре началась переброска в Усть-Вашку 1-го Северного стрелкового полка из Архангельска, в дальнейшем именуемого Мезенским. Командиром этого полка являлся полковник П.А.Троянов. В начале августа 1919 г. генерал-майор Д.Д.Шапошников был отозван в Архангельск, куда он выехал вместе со своим начальником штаба подполковником Литвиновым (в дальнейшем генерал Шапошников являлся заместителем начальника архангельского гарнизона). Мезенско-Печорский район Северного фронта был разбит на два района. Командование Мезенским районом принял от Шапошникова полковник Троянов, Печорским районом стал командовать полковник В.Ахаткин с правами начальника дивизии.

На Печоре началось формирование 10-го Северного Печорского стрелкового полка. Первоначально планировалось, что это будет запасный полк. Печорский батальон Г.П.Алашева полностью вошел в состав формируемого полка, причем Ахаткин сразу обратил внимание на внешний вид солдат батальона: «вместо ботинок с обмотками носят то опорки с цветными шерстяными чулками, то олени туфли при длинных

брюках, то черные шаровары вместо защитных, на голове вместо фуражек шапки всевозможных покровов». Полковник приказал «немедленно устранить этот маскарад» [50]. С целью экипировки формируемого полка в устье Печоры 22 июля разместилась уже упоминаемая Британская миссия в составе капитана Киттинга, лейтенанта Найта (Уайта) и врача Халдена. Позднее к ним присоединились лейтенант Дэвис и инспектор Бланд. Миссия предоставила командованию Печорского района обмундирование, а также медицинское оборудование, медикаменты, продовольствие, оружие и боеприпасы [51]. Союзники тоже оказали небольшую продовольственную помощь голодающему населению верхней Печоры. 30 июля Бланд сообщил в Архангельск: «Необходимо срочно доставить муки в Троицко-Печорск, население голодает, падает духом» [52]. В конце августа 1919 г. Британская миссия покинула Коми край (с целью эвакуации имущества миссии на Печору приезжал британский бригадный генерал Грэхэм).

В сентябре 1919 г. В.Ахаткин информировал Архангельск о формировании 10-го Северного Печорского полка. Кадровый состав полка был следующим. Командиром полка являлся Ахаткин, начальником штаба — подполковник С.И.Кобелев, 1 батальоном командовал капитан Покровский, 2 — капитан Новиков, интендантом был капитан Ляпин, артиллерийской полубатареей командовал штабс-капитан Чапурин. В числе офицеров полка находились штабс-капитан В.Шульгин, штабс-капитан Мельников (комроты-4), поручик Клинго (адъютант штаба района), поручик И.Вяткин (комроты-2), поручик А.А.Рочев (комроты-4), поручик Пономарев (начальник пулкоманды-2), подпоручик В.П.Алашев (начальник пулкоманды-1), подпоручик Иванов (комроты-3), подпоручик Попов (комроты-5), подпоручик В.М.Цикин (комроты-6), прапорщик Терентьев (начальник пулкоманды-3), прапорщик А.Варзухин (комроты-1), прапорщик И.Г.Силин (начальник команды разведчиков), прапорщик Боголепов (начальник связи), прапорщик Бурков (квартирмейстер полка) и др. [53]. 1 батальон полка в составе трех рот и пулеметной команды численностью 543 штыка размещался на верхней Печоре в районе Троицко-Печорска [54]. 2 батальон примерно такой же численности занимал позиции на средней Печоре и Ижме. В октябре 1919 г. началось формирование 3 батальона. Общая численность полка выросла до 2700 чел., размещавшихся гарнизонами в Троицко-Печорске, Усть-Шугоре, Усть-Ухте, Красноре, Ижме, Мохче и Усть-Цильме [55].

При создании армейских формирований на Печоре белые встретили неожиданные трудности — местное население желало воевать только на родной территории. В октябре 1919 г. в 10-м полку началось брожение среди солдат, отказывавшихся воевать за пределами Печорского уез-

да. Поводом послужил приказ о переброске большого контингента солдат (около 300 чел.) в Архангельск. Солдаты, доставленные в устье р. Печоры, отказались покидать пределы родного уезда и заставили команду парохода поворачивать обратно в Усть-Цильму. Неизвестно, что хотели солдаты сделать потом. В Усть-Цильме мятежный пароход был задержан. За неподчинение приказу и организацию массового дезертирства 11 солдат были расстреляны. Потом на месте их расстрела уже после войны поставили памятник, как борцам за власть Советов [56].

В октябре 1919 г. В.Ахаткин получил директиву командования наступать на противника в трех направлениях: зауральском (на Березов), пермском (на Чердынь), вычегодском (на Усть-Сысольск). С целью взятия Чердыни и Усть-Сысольска в районе Троицко-Печорска была сконцентрирована группировка печорских войск в два батальона под общим командованием штабс-капитана В.Шульгина, усиленная арбатареей, командой конных разведчиков и пулеметами. В ноябре части 10-го полка развернули наступление. В Зауралье военные действия вел специальный отряд связи штаба Печорского района под командованием штабс-ротмистра Червинского. В его отряде насчитывались около 200 чел. В ноябре 1919 г. Червинский фактически полностью стал контролировать зауральский Березовский уезд Тобольской губернии, его отряд вошел в г.Березов.

Летом 1919 г. в Мезенский район Северного фронта был переброшен 1 Северный стрелковый полк (в дальнейшем именуемый Мезенским) численностью около 1000 чел. Усть-вашская группировка войск вошла в состав полка. Штаб его разместился в Усть-Вашке. Командиром полка был полковник П.А.Троянов, в числе офицеров находились подполковник Е.Н.Ксенофонтов, капитан С.М.Правдин, штабс-капитан Я.И.Кузнецов, поручики Г.Чумаковский и Г.Старостенко, подпоручик В.Г.Негодяев, прапорщики Г.П.Колосов, С.П.Гуськов и др. [57]. Пока шла перегруппировка сил на Удоре создавалось странное положение: красные эвакуировались, а белые не пришли. По донесению бывшего комиссара усть-вашского уездного продовольственного комитета А.Попова местное население учредило здесь самоуправление — так называемое Верховное Временное правительство — своеобразный орган власти «зеленых», пытавшихся занять промежуточное положение между красными и белыми. Советы были распущены. Временно Удора объявлялась «нейтральной зоной», однако в продовольственном отношении зависящей от Усть-Вашки, откуда доставляли муку (в том числе для Ертомской волости, считавшейся здесь «полотом советской власти»). В октябре 1919 г. Троянов разместил на Удоре гарнизоны: в Важгорте 100 штыков и Кослане — 80 штыков, поставив край под контроль ВПСО [58].

(Продолжение следует)

Вольфганг Акунов

ДОБРОВОЛЬЦЫ ЛАУТЕРБАХЕРА

Анализируя причины катастрофы, приведшей к крушению Российской Империи в 1917 г. и к установлению большевицкой диктатуры над Россией, всякий вдумчивый исследователь не сможет не обратить внимания на тот столь же парадоксальный, сколь и очевидный факт, что, невзирая на провозглашенный еще в правление Императора Николая I и особенно активно проводившийся в жизнь при его внуке, Императоре Александре III лозунг «Самодержавие, Православие и **Народность**», носителем патриотической идеи во Всероссийской империи (как официально именовалась Императорская Россия до февраля 1917 г.), оставались исключительно ее Императорские Армия и Флот, что находило свое самое краткое и в то же время емкое выражение в словах известной солдатской песни «Взвейтесь, соколы, орлами»:

Слава матушке-России, слава
батюшке-Царю!

Слава Вере Православной и
солдату-молодцу!

Пока авторитет русских Императорских армии и флота, овеянный громкими победами XVIII и первой половины XIX вв., в народе был высок, положение еще нельзя было считать особенно тревожным. Когда же, после несчастной Крымской войны, впервые вошло в моду открытое (и безнаказанное, в условиях наступившей эпохи либеральных реформ) третирование отечественных Вооруженных сил, ситуация стала резко меняться к худшему. Как подчеркивал ком. Гренадерским корпусом 4-й армии Западного фронта генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин в своем письме начальнику штаба Верховного Главнокомандования генералу М.В. Алексееву от 22 ноября (5 декабря) 1915 г.:

«Мы в России долго преследовали военных (с 1856 года), считали их дармоедами, боялись милитаризации деревни, отдались в руки западных, убивших русский патриотизм.

Даже вполне определенное Высочайшее повеление — дать детям начальных школ военную выправку назначением учителями гимнастики запасных унтер-офицеров — не было выполнено.

Народная масса земледельческого населения России...оставалась без должного руководства и попечения. Фабричное же и...городское население развращалось нравственно (пьянство, сифилис) и...растворялось революционной пропагандой».

Одним словом, **общегосударственный патриотизм** во Всероссийской Империи, к сожалению, развит не был. После незаконного, с точки зрения законов Российской Империи, отречения Государя Императора Николая II, падения Временного Правительства (столь же незаконно объявившего Россию республикой, не дожидаясь решения на этот счет Учредительного собрания), захвата власти большевиками в союзе с левыми эсерами (опять-таки незаконного) и разгона ими Учредительного собрания, противникам большевиков из Белого стана не пришло на ум никакого другого лозунга, кроме борьбы за **«Единую, Великую и Неделимую Россию»** — лозунга, подозрительно напоминавшего лозунг французских **якобинцев** — **«Республика Единая, Великая, Неделимая — или смерть»** — и не говорившего народным массам ничего — именно в силу неразвитости в населении России общегосударственного патриотизма. Естественно, русские люди сопротивлялись, в том числе и силой оружия (а как иначе?) большевицким грабегам и разбою, но только в местах своего проживания — в своем уезде, в своей волости, в своей губернии, в своем крае, но дальше этого не шли («не наше дело», **«мы — скопские, калуцкие, тверские»** и т.д.). Так говорили представители «необразованных классов общества». Но и с образованными дело, при ближайшем рассмотрении, обстояло не лучше. **Русское студенчество на протяжении нескольких поколений по-**

ставляло едва ли не основные кадры для подрывной, антигосударственной и, по сути дела, антинациональной деятельности так называемых «революционеров». Одиозная фигура «скубента-бонбиста» стала в России притчей во языцех. Мало того! «Прогрессивная демократическая» российская общественность буквально «на руках носила», как «героя», студента Карповича, застрелившего министра народного просвещения Боголепова (прозванного левыми «Чертонелеповым») за то, что тот **велел «сдать в солдаты» студентов-бездельников, проводивших время, вместо учебы, на политических митингах и сходках под лозунгом «Долой самодержавие!» И суд присяжных оправдал убийцу, как в свое время — Веру Засулич!**

Как же обстояло дело с патриотизмом вообще и среди студентов, в частности, в другой великой Империи — недавней противнице России в войне — Германии, оказавшейся поздней осенью 1918 г., после падения Империи и отречения Императора Вильгельма II в сходной ситуации?

Прочитав еще раз упомянутое выше письмо А.Н. Куропаткина М.В. Алексееву:

«Главное преимущество немцев в борьбе с нами было...до последнего времени в следующем: немцы воевали против нас, мобилизовав **не только армию, но и весь народ, воевали «вооруженным народом»**, мы же мобилизовали лишь армию и ею только и воевали.

Перевес не только материальных, но и **духовных сил** оказался на стороне наших противников...

Немцы начали мобилизацию духовных сил с сороковых годов прошлого (XIX — В.А.) столетия. **Школа и жизнь учили немца стать горячим патриотом, верить в великое будущее своей родины, учили упорному, точному труду, приучали к дисциплине, сообщали ему воинственность, развивали со школьной скамьи его физические силы, давали ему военные**

навыки».

Будущий главный военный священник белых Вооруженных Сил Юга России, а затем — Русской армии генерала барона П.Н. Врангеля, протопресвитер о. Г. Шавельский, вспоминал о своем участии, по повелению Государя Императора, в юбилейных торжествах по поводу столетия Битвы народов под Лейпцигом, вместе с Синодальным хором в освящении русского православного храма-памятника:

«Рано утром 5/18 октября началось Лейпцигское торжество... Приехав в церковь незадолго до начала служб, я с высокой паперти... наблюдал бесконечно тянущуюся мимо церкви к немецкому памятнику, пеструю, как разноцветный ковер, меняющуюся, как в кинематографе, ленту войск, процессий и разных организаций. Прошли войска: пехота, кавалерия, артиллерия. **Пошли студенты. Они шли по корпорациям, со знаменами и значками, каждая корпорация — в своих костюмах, красивых, иногда вычурных. Студенты шли стройными рядами, как хорошо выученные полки. Порядок не нарушался нигде и ни в чем.** Народ чинно следовал по бокам дороги, как бы окаймляя красивую, пышную ленту **войск и студенческих корпораций.**

У меня замерло сердце: **вот она, Германия! Стройная, сплоченная, дисциплинированная, патриотическая! Когда национальный праздник, тут все — как солдаты; у всех одна идея, одна мысль, одна цель и всюду стройность и порядок.** А у нас все говорят о борьбе с нею... **Трудно нам, разрозненным, распропагандированным, тягаться с нею...** Эта мысль все росла у меня по мере того, как я вглядывался в дальнейший ход торжества... (о. Г. Шавельский, Воспоминания, т. I, с. 111, Нью-Йорк, 1954).

В гогенцоллерновской Германии (как, впрочем, и в габсбургской Австрии), пользовавшейся в довоенном мире репутацией «главного оплота милитаризма» (репутацией, усиленно раздувавшейся ее недругами и не преодоленной в сознании многих людей и по сей день), в отличие от Всероссийской империи, не существовало школьной, студенческой и гимназической формы. Единственным отличительным знаком гимназистов и студентов (и предметом их гордости) являлись разноцветные форменные фуражки. Но по торжественным дням немецкие студенты — члены университетских корпораций — на-

девали свое праздничное облачение — расшитые по-гусарски шнурами венгерки, лосины, сапоги-ботфорты, белые перчатки с раструбами, шапочки и шарфы цветов своих корпораций, опоясывались шпагами, поднимали корпорантские знамена — и чувствовали себя сродни офицерам (а не бандитам с большой дороги, сиречь «борцам за народное счастье» — в отличие от — увы! — столь многих своих сверстников, обучавшихся, или, вернее, числившихся студентами высших учебных заведений Всероссийской империи!). Они никогда не забывали о своих предшественниках-патриотах — ведь именно немецкие студенты первыми записывались в добровольческие корпуса, поднявшиеся в 1813 г. на борьбу с наполеоновской тиранией. От цветов униформы первого из них — добровольческого корпуса «черных егерей» барона фон Лютцова (перекрашенных в черный цвет студенческих сюртук с красными воротниками и золотистыми латунными пуговицами) — пошел черно-красно-золотой флаг единой Германии. В рядах «черных егерей» фон Лютцова погиб в бою с французскими захватчиками поэт-партизан Теодор Кернер, прозванный «немецким Денисом Давыдовым». А в 1817 г. тысячи студентов собрались на грандиозный праздник, посвященный 4-летней годовщине «битвы народов» под Лейпцигом, в тюрингском замке Вартбург, открыто призвав к объединению Германии. На этой встрече студенты впервые подняли черно-красно-золотой общегерманский флаг. Правда, флаг, поднятый студентами на этой встрече, отличался от современного флага единой Германии. Он был шит из 3 горизонтальных полос (красной, черной и красной), с золотой дубовой ветвью на центральной, черной полосе. Тем не менее, именно благодаря энтузиазму студентов черно-красно-золотой флаг стал зримым символом стремления молодых немцев к свободе, единству и национальной независимости. Среди немецких корпорантов чувство чести было развито не меньше, чем в германском офицерском корпусе. Закон давал им право и даже требовал восстанавливать свою честь в сабельном единоборстве. Не случайно лица столь многих бывших студентов-корпорантов украшали так называемые «шмиссы» — шрамы от сабельных ударов. Левые, вроде Максимилиана Гардена и Генриха Манна, издевались над всем этим (последний на-

рисовал наиболее одиозную карикатуру на немецкого патриота-националиста в своем романе-пастиче «Верноподданный», излив на него особенно много яда в главах, посвященных жизни студентов-корпорантов). Однако подавляющее большинство немцев — и в тылу, и на фронте мировой войны — действительно оказались верноподданными своего монарха, несмотря на злостную клевету, на целые ушаты грязи, выливаемые на кайзера Вильгельма II его явными и тайными врагами — как внешними, так и внутренними! А надо сказать, что этот монарх был глубоко верующим христианином. Вильгельм II даже распорядился изготовить в 2-х экземплярах копию «лабарума» (украшенного монограммой Христа знамени Императора Константина Великого); один экземпляр лабарума был им подарен папе римскому, а второй хранился в Потсдамской гарнизонной церкви, откуда был похищен в первые дни революции, разразившейся в Германии 9 ноября 1918 г... Словом, когда разразилась мировая война, германское студенчество было в первых рядах. Особенно много бывших студентов сражалось на самых опасных участках фронта, в составе штурмовых и ударных батальонов. Как писал Эрнст Юнгер в своем военном дневнике «В стальных грозах»: «Наши чувства диктовались яростью, опьянением и жаждой крови. По мере нашего упорного, неуклонного продвижения к вражеским линиям, я весь кипел от ярости, непостижимым образом охватывавшей меня и всех нас. Непреодолимое желание убивать придавало мне силы. Ярость выжимала слезы из моих глаз. Оставался лишь первобытный инстинкт».

Но и после проигрыша Германией и Австрией войны едва ли не главную ударную силу белых немецких «добровольческих корпусов», в жестоких боях не допустивших установления большевицкой диктатуры над опутанной цепями Версаля Германией составляло как раз германское студенчество, прошедшее сперва школу корпораций и «буршеншафтов», а затем и горнило Великой войны. Одним из наиболее известных «академических» (студенческих) добровольческих корпусов была «Добровольческая ватага (Фрайшар) Лаутербахера», сформированная в апреле 1919 г. в охваченной большевицкой революцией Баварии из студентов под командованием бывшего студента-право-

веда, награжденного за выдающуюся храбрость Железными Крестами II и I степени и дослужившегося до обер-лейтенанта пехоты Людвиг Лаутербахера вступившая в середине мая того же 1919 г. в 21-ю Баварскую стрелковую бригаду в качестве 20-й маршевой роты. Столица Баварии Мюнхен была во власти революционного диктатора Курта Айснера-Космановского, бывшего кумира левой мюнхенской богемы (без ложной скромности именовавшего себя «Куртом I»), правившего с помощью засланных из красной Москвы агентов мировой революции Левина, Левине и Аксельрода, а также писателя-анархиста Эриха Мюзама — издателя журнала с характерным названием «Каин» (видно, ему не давали покоя «лавры» российских большевиков, вознамерившихся летом 1918 г. поставить в г. Свияжске на Волге памятник...Люциферу, но затем передумавших и «ограничившихся» установкой памятника «всего лишь» Иуде Искариоту; другой памятник Иуде был поставлен большевиками в г. Козлове в присутствии наркомвоенмора тов. Троцкого лично!). 21 февраля 1919 г. Курт Айснер был застрелен офицером-фронтовиком графом Антоном фон Арко цу Валлей, в свою очередь, раненым на месте покушения охраной Айснера и брошенным в тюрьму. В ответ на убийство Айснера в баварский парламент-ландтаг ворвались мясники и кельнеры из мюнхенских пивных во главе с леваком Алоизом Линднером, и открыли дикую пальбу, застрелив министра Ауэра и двух депутатов ландтага. В Баварии было объявлено чрезвычайное положение и был распространен призыв к всеобщей забастовке. Когда мюнхенское студенчество выступило в поддержку графа фон Арко цу Валлей, сочтя его поступок патриотическим, Мюнхенский университет был по распоряжению красных властей закрыт и начались многочисленные аресты. Баварские большевики брали заложников, в том числе из числа непокорных студентов. Была введена беспощадная цензура, начались конфискации, «буржуазия» была объявлена «пораженной в правах», банки и общественные здания были захвачены отрядами спешно сформированной баварской Красной армии, на улицах появились бронеавтомобили и грузовики с красными солдатами, грозившими через громкоговорители «отомстить буржуазии и ее наемникам за товарища Айснера!». В

течение месяца вся исполнительная власть оказалась сосредоточенной в руках самопровозглашенного революционного Центрального совета во главе с национал-большевиком Эрнстом Никишем, и лишь затем был сформирован кабинет министров, состоявший из представителей левых партий. Когда же в начале апреля из Венгрии пришло известие о захвате там власти большевиком Белой Куном и провозглашении «диктатуры пролетариата», что свидетельствовало о распространении советской системы уже и за пределы захваченной большевиками России, только что несколько стабилизировавшаяся ситуация в Баварии снова заколе-

Описание знака «За заслуги»:

Черный, с бело-голубой каймой, ромб со стилизованной белой прописной заглавной латинской литерой «L» (Lauterbacher) в центре ромба.

балась. Под лозунгом: «Германия идет вслед (за Россией и Венгрией — к мировой революции — В.А.)!» парламентское меньшинство, состоявшее из леворадикальных утопистов, провозгласило в Баварии, вопреки очевидной воли большинства баварцев, их традициям и чувствам, «Баварскую Советскую республику». Вскоре Мюзам и другой поэт-анархист — Эрнст Толлер — выгнали большинство министров из Мюнхена в Бамберг (Эрнст Никиш вышел из состава правительства), Бавария вообще оказалась «без руля и без ветрил», рказавшись в руках группы беспощадных профессиональных революционеров — вождей советского эксперимента во главе с Куртом Эгльгофером, Густавом Ландауэром и прибывшим из Совдепии Евгением Леви-

не. Против их-то кровавого режима и повел своих вчерашних студентов, вновь надевших солдатские шинели добровольцев, обер-лейтенант Людвиг Лаутербахер. К 3 мая 1919 г. Мюнхен был очищен от большевиков совместными усилиями северогерманских, вюртембергских и баварских белых добровольцев. В этом была и заслуга «Добровольческой ватаги Лаутербахера». После своего участия в «путче Каппа-фон Лютвица», направленного против республиканского правительства Эберта-Носке-Шейдеманна, маршевая рота была распущена. Вскоре на ее базе был сформирован «Штурмовой батальон Лаутербахера» (800 штыков, в том числе пулеметный взвод с 6 пулеметами, 4 миномета, огнеметный взвод с 6 огнеметами и 1 батарею пехотных артиллерийских орудий 7,6 cm Infanteriegeschuetz L/16 Krupp, способных вести огонь фугасными снарядами с взрывателями как мгновенного, так и замедленного действия на дальность до 1600 м — 6 орудий, 3 офицера, 76 нижних чинов), принявший активное участие в боях против «Красной армии Рура» и польских инсургентов в Восточной Силезии. После окончательного расформирования этой части в 1923 г. ее бойцы перешли частью в Союз «Оберланд», частью — в «Стальной Шлем», частью — в СА. Отличительным знаком чинов «Добровольческой ватаги (а затем — и штурмового батальона — Лаутербахера) служила черная нарукавная повязка из шерстяной ткани, окаймленная по верхнему и нижнему краю бело-голубой ленточкой (цветов ленты баварской медали «За храбрость»), с заглавной прописной латинской литерой «L» (Lauterbacher). Таких повязок было выдано 750 штук, по числу бойцов «ватаги». В 1920 г. по распоряжению обер-лейтенанта Лаутербахера для его студенческой части было изготовлено черное знамя с белой заглавной прописной литерой «L» в голубом овале. После подавления Капповского путча эта литера была заменена на знамени изображением льва — геральдического символа Баварии. В 1923 г. Людвиг Лаутербахер учредил для награждения своих бойцов корпусной знак «За заслуги» (Bewahrungsabzeichen) в форме ромба, для ношения на булавке на правой стороне груди (по другим сведениям, мог носиться также на левой стороне головного убора).

ЮРИЙ КРАВЦОВ

ТЕРНИСТЫМ ПУТЕМ...

(записки урядника)

ЧАСТЬ I. ВОЙНА

6. С ТОГО СВЕТА

Сколько времени пришлось мне побывать на том свете, не знаю. Не догадался на часы посмотреть ни до, ни после. Но, видимо, недолго, иначе мне бы оттуда не вернуться... И скажу точно, что не видел я никакого длинного тоннеля с неким туманным сиянием вдали, как описывают это некоторые люди, побывавшие на грани жизни и смерти. Просто меня в это время не было, не существовало.

И вот я возник и открыл глаза, но сразу же их закрыл, так как прямо в лицо мне был направлен луч электрического фонарика. Я лежал на спине на груде битого, кирпича, кто-то поддерживал меня за плечи, а другой обматывал мою голову бинтом.

«Зачем? — тупо подумал я. Никакой боли в подбородке я не ощущал, боль, сильнейшая, невыносимая была во всем остальном теле, как будто все оно было разорвано на мелкие кусочки, которые как раз и нужно было как-то собирать вместе, а не мотать что-то на голову.

Люди, которые занимались мной и которых я не видел, тихо переговаривались между собой, но говорили они не по-русски и не по-немецки. Тогда я особого внимания на это не обратил, но впоследствии мне пришлось немало об этом поразмышлять. И не только мне.

Меня подняли под руки с обеих сторон, и я сделал несколько шагов, но на этом мое путешествие и закончилось: сильнейшая боль в груди молнией пронзила меня, почему-то справа налево, в глазах взметнулось красное пламя, и я снова полностью отключился.

Мне кажется, что во время этого скорбного пути, когда меня вели (несли? тащили?), я несколько раз приходил в сознание и снова терял его, но категорически утверждать это не буду — уж больно память моя в тот момент была ненадежной.

А вот уже нечто более определенное. Я нахожусь в полулежащем положении на каком-то старом равном диване и пытаюсь осмотреться. Помещение небольшое, похожее на блиндаж. В дальнем углу на грубо сколоченном из досок столике горят две немецкие свечки-плоски. В блиндаже несколько человек. Ближе всех ко мне стоит высокий человек в шинели и высокой фураж-

ке. Я сразу решаю, что это офицер. На рукаве шинели читаю надпись на черном фоне «Вестланд». Против нас в последнее время действует немецкая дивизия СС «Викинг», а она состоит из трех полков: «Нордланд», «Вестланд» и «Дейчланд».

Значит, я у НЕМЦЕВ.

Дальше, у противоположной стены, стоит человек, хотя и плохо мной видимый, но он в военной форме. У входа я вижу две трудно различимые фигуры, но они явно не немцы. И все ведут какой-то разговор, которого я не понимаю, да я его и не слушаю.

И снова красное пламя, и я потихоньку начинаю сползать с дивана. Офицер резко поворачивается, хватая за плечо и не дает мне упасть на пол, а дальше я уже ничего не вижу и не слышу.

Потом просвет в несколько минут, меня укладывают на носилки, выносят наружу и вместе с носилками устанавливают в санитарный автомобиль во второй ряд. Внизу кто-то стонет.

Автомобиль трогается с места, и на первой же ухабине я снова ухожу в небытие.

Когда я окончательно прихожу в сознание, я лежу на полу на мягкой подстилке в большой, ярко освещенной комнате, а два седобородых осетина в папах и черкесах раздевают меня. Они уже все сняли с нижней половины моего бедного тела, и в момент, когда я открыл глаза, я вижу в руках одного из них мою гимнастерку, вся грудь которой залита кровью. Моей кровью.

Они заканчивают свою работу и, негромко переговариваясь, уходят, а возле меня сразу же появляется пожилая женщина с тазом теплой воды.

Она мокрым полотенцем вытирает все мое тело за исключением, конечно, спины, ибо перевернуть она меня не в силах, а сам я и вовсе ни на что не способен.

Затем два санитары в белых халатах и с зелеными немецкими пилотками (или кеги). Как их правильно назвать, я не знаю) на головах надевают на меня длинную, ниже колен, белую рубаху, укладывают на носилки и несут в операционную.

Операционную описывать не буду, я ее плохо рассмотрел, да и

все ее много раз видели в многочисленных кинофильмах о войне. Я лежу на столе в этой длинной рубахе, без кальсон и без трусов, вокруг меня, как мне показалось, суетится много людей, но я их почти не вижу, потому что не могу повернуть голову и гляжу только вверх.

Подходит сестра, разрезает ножницами возле ушей намотанную на голову груды бинтов и начинает потихоньку снимать ее. Кровь уже во многих местах засохла, отдирание бинтов от кожи причиняет мне боль, но эта боль ничто по сравнению с той, которая сейчас во всем моем теле. И только когда сестра добирается до подбородка, я начинаю понимать, что и с бородой у меня что-то не в порядке.

Бинты сняты, надо мной наклоняется несколько голов с марлевыми повязками на лицах, короткие команды, другая сестра с огромным шприцем, наполненным какой-то желтой жидкостью, начинает обмывать мой подбородок, а другая влажным тампоном оттирает щеки, шею, нос.

Потом уколы, много уколов, в щеки, в шею, в скулы.

Последнее, что я видел, это склонившееся надо мной лицо, пожилой мужчина в очках с тонкой золотой оправой, внимательные глаза. Он поднял вверх руки в перчатках, и в них каким-то чудесным образом (я не заметил, чтобы их кто-то подал) вдруг очутились предметы: в одной — маленькие остроконечные ножницы, а в другой — пинцет.

Потом мне положили на глаза сложенную в несколько слоев марлю, и я больше ничего не видел. Но чувствовал и слышал все. В моем подбородке долго копались, что-то разрезая, что-то вытаскивая; иногда слышался скрежет металла о кость. Боли, можно сказать, не было, а я все время думал, сколько же это осколков влетело в мою несчастную бороду. Это я тогда так считал. И только уже через несколько месяцев, когда один из еще не полностью заживших шрамов вдруг воспалился, и я собственными ногтями вытащил из вскрывшегося и загноившегося шрама маленький кусочек кости, я понял, что выискивали и вытаскивали не осколки металла, а кусочки моей собственной раздробленной кости.

Потом, конечно, зашивали, потом отнесли в палату и уложили на койку.

И вот я лежу на койке и сообщая. Должен заметить, что когда я в течение всего этого рассказа много раз говорил, что я терял сознание и снова приходил в себя, я выражался, по-видимому, не совсем точно. Слово «очнулся» в русском языке означает переход от бессознательного состояния в сознательное, а я все это время не мог утверждать, что я хоть какой-то миг был в полном сознании, то есть мог сообщать, размышлять и как-то анализировать ситуацию, а находился в каком-то сумеречном, затуманенном даже от внешней жизни состоянии и плохо понимал, что же такое со мной делается. И вот только теперь, лежа на койке, я в состоянии применить свои мыслительные способности, то есть находиться в полном сознании.

Начинаю размышлять. Я нахожусь в немецком госпитале, и я тяжело ранен. Первое обстоятельство меня не обеспокоило, и только через пару лет я начал задумываться о том, как я туда попал. Сейчас же меня интересовало только мое физическое состояние: что же у меня повреждено и в какой степени. Или я действительно разорван на мелкие куски, и все чувства, сообщавшие мне о целостности отдельных частей моего тела, просто-напросто врут? Я ведь где-то, читал, что у человека, потерявшего ногу лет двадцать назад вдруг начинает чесаться большой палец этой самой, давно оторванной ноги. Так же может быть и у меня. Начинаю генеральную проверку. Ощупываю руки и даже подсчитываю пальцы — все в порядке, с ногами гораздо хуже: нужно как-то изгибаться, а это причиняет такую боль, которую я вынести не в силах. Но нужно — значит нужно. Справляюсь и с ногами, хотя пальцы пересчитывать не стал, Бог с ними, а ноги целые.

Мне бы порадоваться, но все-таки сильнейший психологический удар я получил. Ощупывая левой рукой свою грудь, я вдруг понял, что не слышу биения сердца. Еще раз — то же самое. Сердце у меня остановилось, а я опять же в какой-то брошюре читал, что через полторы минуты после остановки сердца человек умирает. Надо звать врача, а говорить я не могу, весь низ головы окаменел, рот не открывается, и единственные звуки, которые я могу издавать — это мычание. Я и мычу. Подходит сестра, бормочет что-то утешительное, поправляет одеяло и удаляется. Я снова мычу, хотя это причиняет мне дополнительные мучения. Она приходит снова, и снова то же самое,

глядит меня по плечу и уходит. Я хочу сказать: «Что ты, дура, меня гладишь? Я ведь умираю или даже уже умер!», но удел немого — мычать, а мычание здесь, видимо, не средство общения.

Я решил умирать, и это меня не очень огорчило, как будто умирает какой-то далекий неизвестный мне дядя. Видно, человек может находиться в таком состоянии, что его собственная смерть уже не является для него чем-то важным. Стало быть, в таком состоянии был и я.

Умирать, так умирать, но как раз в это мгновение у меня мелькнула некая мысль, а через минуту она превратилась почти в уверенность. Ведь после того, как я обнаружил у себя остановку сердца, прошло уже не полторы минуты, а по меньшей мере минут двадцать, а я все еще жив. Я еще раз пощупал грудь, ничего не услышал, попытался нащупать пульс на руках — не нашел. Ну и ладно, буду жить и без пульса. Позже я сообразил, что грудь у меня была сильно распухшей, и я не мог услышать то, что мне так сильно хотелось. Что касается рук, то я просто не знал, где этот самый пульс искать.

Несмотря на такие утешительные умозаключения, состояние мое было очень плохим. Я лежал на правом боку и когда захотел перевернуться на спину, мне это не удалось: сильнейшая, невыносимая боль пронзила грудь, и где-то в груди, поближе к горлу, послышалось явственное бульканье. Я еще раз ощупал встревожившее меня место и не нашел никаких наружных повреждений, но при очередной попытке хоть немного повернуться, проклятое бульканье повторилось. Что это было, я не знаю до сих пор. Скорее всего, разладились какие-то нервные коммуникации и стали передавать какую-то неверную информацию, но мне от этого легче не было.

Обнаружились неполадки с головой. Я хотел повернуть голову, а она не повернулась. Я тщательно обследовал шею, но никаких повреждений не нашел, болезненных мест не было, шея нормально реагировала на нажимы и щипки, но моих команд не слушала и голову не поворачивала. Выход я нашел простой: когда мне надо было повернуть голову, я подсовывал левую руку под кокон головы, немного приподымал его и укладывал его в нужном положении. Без боли и приключений.

Вскоре выявилось еще одно обстоятельство. Оказывается, я все время издаю стоны, при каждом выдохе: «О-о-о, о-о-о». Я сразу же вспомнил, как герои-большевики по свидетельству многих художествен-

ных и нехудожественных произведений под страшными пытками царских сатрапов и белогвардейских палачей терпели невыносимые муки, не произнося ни звука, ни стоны.

Попробовал и я, и мне это удалось. Но ненадолго. Я сразу же уразумел, что это состояние очень трудно удерживать, нужно все время как-то сосредотачиваться и держаться в напряжении, мобилизовав всю свою волю. К тому же, издавая стоны, хоть немного легче переносить боль.

И я пустил свои стоны в свободное плавание, тем более, что в нашей палате стоны раздавались со всех сторон, палата была для тяжелых, врачи и сестры часто появлялись между коек, а пару раз из нашей палаты вынесли кого-то на носилках.

Первая попытка судьбы отправить меня на тот свет не удалась. Хотя и с немалыми трудностями и муками, но я оттуда возвратился. Я решил жить!

7. ОТ ТЕРЕКА ДО ДНЕПРА

Легко сказать — жить. Что-то мое существование никак нельзя было назвать жизнью. Это было сплошной непрерывной мукой, и не где-то, в отдельном месте моего несчастного тела, а болело все, каждый кусочек, каждая клетка, а все нервные волокна работали в непрерывной режиме, посылая горестные сигналы в измученный мозг. Но, жить все равно, надо.

Пробыл я в таком полуживом состоянии в этой палате приблизительно суток двое; ко мне подошли врачи и сестры, что-то потихоньку обсуждали, но никаких процедур не выполняли. Подносили какую-то еду, но есть я не мог, и все это уносилось обратно, только всякие сладости, вроде конфет или печенья, оставались в тумбочке, а потом было сложено в бумажный мешок, который все время так и путешествовал со мною.

Был декабрь месяц, немцы после катастрофы под Сталинградом начали отвод своих войск с Северного Кавказа. Настала очередь и нашего госпиталя. Нас грузили в санитарные автомобили и везли куда-то. Путешествие было недолгим — так мне показалось, или же я опять проехал этот путь в бессознательном состоянии.

В новом госпитале за мной ухаживала русская санитарка, пожилая женщина с добрым русским лицом. Она и рассказала мне, что я нахожусь в Георгиевске, а привезли меня из Прохладного. Откуда она узнала, что я русский, не знаю, но она подолгу сидела возле меня, горестно вздыхая. Возможно, вздыхала она не столько обо мне,

сколько о себе. Яков Айзенштат в своей книге «Записки секретаря военного трибунала», изданной в 1991 году в Лондоне, писал об одном случае в поселке Артемовскуголь на Украине: «Медицинские сестры местной больницы остались в поселке. Выяснились все обстоятельства, связанные с организацией медсестрами госпиталя для немцев. Было проведено расследование, и десять медицинских сестер предстали перед Военным трибуналом 12-й армии... Был оглашен приговор, по которому все медицинские сестры приговаривались к расстрелу». Конечно, утверждение, что русские медицинские сестры могли «организовать» немецкий военный госпиталь, было чистой водой в духе тогдашней советской юстиции, но людей расстреливали и по менее значительным обвинениям. 12-я армия действовала на Северном Кавказе. Возможно, и эта добрая женщина попала под этот кровавый сталинский каток.

Движение на запад продолжалось. Теперь наш железнодорожный эшелон состоял в основном из обыкновенных товарных вагонов, пол которых был устлан соломой, на которой мы и располагались, человек по пятнадцать на вагон, с одним солдатом-санитаром, который и кормил всех (кроме меня), и перевязывал, при необходимости, опять же кроме меня. Подойдет, посмотрит, покачает головой и отходит — не решается. Гной уже выступал у меня из-под повязки, запах — отвратительный, тем более, что отвернуться, чтобы его избежать или ослабить, возможности у меня не было; я так и лежал все время на правом боку.

Подъехали к Ростову, вроде бы эшелон наш начали разгружать, но скоро прекратили, и эшелон двинулся дальше.

Окончательно выгружены мы были в Таганроге. Меня на носилках внесли на 2-й этаж и уложили на койку. Палата — большая светлая комната, в ней больше десятка коек, моя — первая от двери, у широкого окна. В палате все раненые — челюстники, разной степени тяжести и разной степени выздоровления, кто-то уже бегают по всему госпиталю, а кто, как и я, еще не может встать с постели. На одного просто страшно смотреть, у него полностью нет нижней челюсти, как-то там натянута кожа, а в рот вставлена трубка, через которую он и питается. Кстати, некоторое время спустя, когда я уже начал помаленьку, невнятно и шепеляво, что-то произносить, один врач сказал мне, что, если бы «мой» осколок прошел на один сантиметр выше, у меня бы челюсти не было

совсем. Бог миловал.

Я не успел еще как-то отойти от мучительной боли, вызванной укладкой-перекладкой моего тела на носилки и с носилок, как меня снова на носилки и в операционную на перевязку, долго обмывали из большого шприца гной, перевязали, отнесли в палату и оставили в покое. Но не совсем. Здесь меня в первый раз покормили — напоили горячим молоком с сахаром. Даже эта процедура была для меня нелегкой, рот у меня не открывался, нужно было это молоко процеживать как-то через стиснутые зубы. Было это 24 декабря 1942 года, я хорошо это заметил, потому что на следующий день было католическое рождество, и в госпитале происходила соответствующая суматоха. Значит, я не ел одиннадцать суток.

Моя неторопливая и несладкая госпитальная жизнь продолжалась. Каждый раз день начинался с одного события: в палату вривалось юное узколицее конопатое создание с тазом теплой воды и с восклицанием: «Начнем умываться», сразу подсаживалось ко мне, потому что я первый от двери палаты. Собственно, умывать у меня по большому счету было нечего: я был забинтован сверху до бровей, а снизу — включая нижнюю губу. И она мне только протирали влажным теплым тампоном нос и немножко вокруг носа, и при этом что-то щебечет-щебечет, блестя зелеными глазами и встряхивая своей огненной копной. Затем то же проделывала с моими руками и отбивала к другим раненым.

Кормили меня молоком с сахаром и какими-то бульонами, к концу была попытка попробовать какую-то кашу, но из этого, ничего не получилось.

Сначала меня носили на перевязку каждый день, потом через день. Однажды сестра, сняв с меня бинты, дала мне зеркальце и я, посмотрев в него, увидел свою развороченную бороду, но в ужас меня ввело другое — мои глаза. То, что в глазах нормального человека было белым, у меня было густо красным, прямо цвета знамени победившего социализма. Уловив, видимо, мое огорчение, врач сказал мне что-то утешительное, а сестра похлопала по плечу и, в свою очередь, произнесла несколько слов по части любви и девушек. К этому времени я уже начал кое-что понимать из немецкой речи, если, конечно, говорить медленно и короткими фразами. Но обычная немецкая речь быстрая, а в отношении немецких длинных слов и таких же длинных фраз еще ехидничал сам Марк Твен.

Сильно смущало меня примене-

ние таких знаменитых больничных предметов, как судно и утка. Оно и понятно: как еще чувствовать себя семнадцатилетнему мальчишке стационарного воспитания, которому молодая девушка подсовывает под голую задницу указанный неприличный предмет. Краснел я, видимо, наверное, хотя и краснеть у меня было нечему, а носы, как известно, краснеют совсем от других причин. Я никогда сам не просил ничего при нужде, но санитарки догадывались сами. А так — терпел.

Однажды я решился, при возникшей необходимости, сам отправиться в далекое тогда для меня путешествие в туалет, выбрался в коридор, прошел шагов десять, держась за стенку и... упал. Меня быстро водворили на место, и старшая медсестра, высокая строгая немка, долго, сидя на краю моей койки, выговаривала мне, а я лежал и понимал, что мне надо улыбнуться и сказать ей, что я больше не буду, но ни того, ни другого я сделать не мог: что это за улыбка одной верхней губой? Наконец, она поняла по моим красным глазам, что раскаиваюсь, помахала у меня перед носом своим аристократическим пальцем и ушла. Больше я таких попыток не предпринимал.

Недели через две моего пребывания в Таганроге я начал производить какие-то звуки, и ко мне подсел Фриц, солдат из нашей палаты, уже, по-моему совершенно здоровый, так как он обычно с утра одевался в мундир и целый день болтался по госпиталю, любезничая с сестрами. Это только в сочинениях соцреализма советский солдат, попав в госпиталь по ранению, днем и ночью мечтает о том, как бы скорей сбежать из госпиталя на фронт, чтобы биться за Родину. По-моему, любой солдат любой армии никогда не торопится покинуть медицинское учреждение. Так и Фриц. Возможно, его придерживали еще и потому, что он неплохо говорил по-русски.

А подошел он ко мне, чтобы заполнить мои больничные документы, которые ведь до сих пор были без никаких моих данных, и был я Иваном Беспровзванным, а возможно, и Беспровзванным Гельмутом.

Имя и фамилию он записал быстро, а вот в отношении воинского звания (а в анкете военного госпиталя такая графа присутствует обязательно) вышла заминка.

— Воинское звание? — спрашивает Фриц.

— Легионер, да?

Я знал еще из советской прессы, что в вермахте уже имеются национальные формирования из граждан СССР: грузинские, татарские и др. Видимо, Фриц так и по-

думал.

— Нет, — говорю я, — я военнопленный.

— Так писать нельзя, это же военный госпиталь.

— Но я же военнопленный!

Что он написал в моих документах, я не знаю, но с тех пор врачи и сестра называли меня «кляйне большевист», то есть «маленький большевик». Но отношение ко мне не изменилось.

Тем временем фронт не стоял на месте, и наш госпиталь тоже пришел в движение. Нас погрузили в эшелон и перебросили в г. Макеевку, где не произошло никаких запомнившихся событий, а через несколько дней я снова в эшелоне, который направляется в г. Сталино, ныне Донецк. А вот в городе имени великого вождя хватил я беды свыше всякой меры.

Наш санитарный эшелон прибыл в Сталино ночью и был поставлен на четвертом или пятом пути от платформы, куда подходили автобусы для перевозки в госпиталь. Открыли двери вагона, в него сразу хлынул жуткий мороз. Январь все-таки.

В любом медицинском учреждении больных подразделяют на «лежащих» и «ходячих», причем граница между ними во всех аспектах больничной жизни достаточно резкая. В событиях этой морозной ночи граница между этими категориями раненых была чуть ли не границей между жизнью и смертью. Как только дверь вагона открылась, и стали видны стоявшие на платформе санитарные автобусы, «ходячие» сами или с небольшой помощью санитара выбрались из вагона и через пару минут уже были в автобусах. С нашим же «лежащим» братом дело затягивалось, а он тем временем замерзал на соломе. Сама технология выгрузки не позволяла осуществить ее в приемлемом темпе. Для этого нужно было двум санитарам взобраться с носилками с земли в вагон, уложить раненого на носилки, более или менее укутать его, подтащить носилки к двери вагона, стащить носилки вниз, перенести метров на двадцать к платформе, поднять наверх, самим влезть на платформу и отнести носилки к автобусу.

Вот и вопрос: сколько же нужно было санитаров, чтобы проделать все описанные процедуры с несколькими сотнями раненых? Сразу же стало ясно, что такого количества санитаров в наличии нет, и руководящие выгрузкой врачи стали ходить вдоль эшелона, призывая раненных, если кто хоть чуть в состоянии двигаться, пусть продвигается своим ходом до платформ. И

многие решились на это. Я тоже решил не замерзать под тонким одеялом и шиней-

-71 -лью, считая, что смогу «хоть чуть». Санитар быстро поднял меня с соломы, одел на меня мою ефрейторскую шинель и больничные тапочки, помог спуститься на землю и пустил в свободное плаванье.

И я пошел. И не я один. Это был адски страшный путь. Если бы я, будучи кинорежиссером, захотел бы показать массовые страдания людей, я бы выбрал именно этот наш путь. Кто идет ногами, кто пытается передвигаться на всех четырех, кто ползет и для кого каждый очередной рельс является почти непреодолимой преградой. Стоны, крики, плач, даже какой-то вой. В нескольких шагах впереди меня движется пара обнявшихся солдат, укрытых одним одеялом. Два шага сделают, потом стоят, шатаясь и крепко держась друг за друга, потом опять два-три шага. Я двигаюсь в таком же режиме, только один. На половине пути мне полностью отказало зрение. Ничего, не вижу, кроме красного пламени, передвигаю ноги, вытянув вперед руки, в голове — одна мысль: «Дойду-не дойду! Дойду — не дойду?» Споткнулся о рельс, закачался, закружился, даже коснулся одной рукой чего-то, ледяного, но не упал.

Дошел и упал, уже совершенно неживой, грудью на оледенелый бетон, а буквально через несколько секунд меня выдернули вверх, как редису из грядки и посадили в автобус.

Но на этом мои злоключения не закончились. Уже в здании госпиталя, оказывается, регистрировали прибывших раненых. Когда подошла моя очередь, регистратор обер-ефрейтор записал мои имя-фамилию, спросил о воинском звании, увидел на моей шинели ефрейторский угол, произнес: «А, ефрейтор» и собрался так записать, черт меня дернул возразить, что я, мол, никакой не ефрейтор, а военнопленный, то он заорал на меня что-то вроде: «Вон из госпиталя!» Слава Богу, что он не начал самолично выталкивать меня из здания, наверное, по причине занятости.

Я вышел в коридор, остановился у стены, опираясь на нее, и чувствую, что вот-вот упаду. Но не успел: бежавший мимо меня санитарный унтер-офицер пожилой, можно сказать, дедок, с усиками а ля Гитлер, остановился напротив меня, спросил, не из сегодняшнего ли я эшелона и в ответ на мой утвердительный кивок остановил двух санитаров, сам почти бегом направился по коридору, за ним эти два бугая, а я между ними, когда

достаю ногами до пола, а когда и нет.

Забегали в палату, унтер укал на койку, санитары быстро сняли с меня шинель и тапочки, уложили на койку и исчезли.

Вот и спрашивается, много ли человеку нужно для счастья. Господи, какое это было блаженство: лежать в теплой комнате, на мягкой постели, укрытым приятным, даже каким-то нежным одеялом. Правда, я несколько беспокоился относительно криков того обер-ефрейтора, но никто меня больше не беспокоил. А через полчаса мне принесли для полного моего счастья и мой бумажный мешок, который я оставил в вагоне.

В госпитале города Сталино, я пробыл всего три дня, и ничего запомнившегося за это время не произошло. А вот «сталинская» встреча на железнодорожной станции настолько врезалась в мою память и, наверное, по Фрейду, в подсознание, что и по сей день я четко представляю в мыслях эту картину, которая и снилась мне за всю мою жизнь не один раз.

Во время переезда в Днепропетровск со мной опять произошло что-то нехорошее: я несколько раз терял сознание, и меня снова поместили в палату для тяжелых, каждые два часа меряли температуру, а я лежал полумертвый и с тоской смотрел на диаграмму, где линии: красная — температура и синяя — пульс (так, кажется) все время поднимались все выше и выше. Красная уже перебралась через 40°, я просто горел. В одном рассказе О.Генри больная девушка смотрела осенью в окно, где с дерева опала листва и была уверена: когда с дерева упадет последний лист, она умрет. Я тоже был уверен, что когда красная линия дойдет до отметки 41°, я умру, и уже был готов к этому, меня безжалостно кололи ночью и днем. Я ночью почти не спал, и по своему состоянию, да еще в соседней комнате, куда ходил через нашу палату, постоянно кричал диким голосом какой-то раненый. Как-то раз ночью его вынесли оттуда накрытым простыней, стало быть, в морг. Отмучился, бедняга.

Я не дождался намеченного мной рубежа. Красная линия оказалась более милосердной: не дотянув пары миллиметров до прощания с жизнью, она двинулась по горизонтали, а затем потихоньку потихоньку пошла вниз, а суток через три я уже был как огурчик. Что со мной было, мне не объяснили; скорее всего это были последствия той самой «сталинской» выгрузки.

Общая палата, куда меня перевели, была огромной, в ней разме-

щалося может сто, а может двести раненых. Это был зал заседаний Днепропетровского облисполкома, и все многоэтажное здание было превращено в крупнейший госпиталь.

Меня перенесли вечером, а в первое же утро произошел интересный эпизод.

Утро, почти все раненые уже проснулись, я тоже. В зал вкатывается большая железная тележка, на ней два молочных бидона, из которых идет пар. Раздают утренний кофе. И руководят этой процедурой две молодых девушки, и как будто по правилам романтической завязки: одна блондинка, другая — брюнетка; обе хорошенькие. Брюнетка наливает кофе в жестяные кружки и катит тележку, блондинка разносит их по тумбочкам, забирает использованные.

Прислушиваюсь и обнаруживаю мелкое хулиганство. Если раненый просит налить ему кофе второй раз, а это происходит довольно часто, эта самая блондинка говорит ему по-русски: «Ну куда тебе столько? Усышься ведь». Но наливает еще. Немцы улыбаются, считают, что девушка мило шутит. Видимо в этом зале никто по-русски не понимает.

Доходит очередь до меня. Выпиваю я свою кружку, моя милая блондинка так ласково спрашивает: «Нох?» Я киваю головой, а она кричит во весь голос (извините, дорогие читатели): «Люда, смотри, вот совсем сопляк, видно, только что от мамкиной сиськи. Ведь, точно усытятся!»

А я тоже ласково, своим шепелявым голосом отвечаю: «А ты чего-нибудь поумнее не могла придумать?»

Что тут произошло? Она раскрыла рот, быстро-быстро захлопала ресницами, уронила на пол кружку, к счастью пустую, и дрожащим голосом произнесла: «Ты что, русский?» Подошла и Люда, но поговорить нам не дали возмущенные крики раненых, ожидавших свой кофе. Так что обе они подошли ко мне снова уже после того, как закончили свои дела и увезли из зала телегу.

Говорить много было мне еще трудно, но я рассказал, что я пленный, попал раненым на далеком отсюда Северном Кавказе. Они удивились, что я, пленный, находился в немецком госпитале и сообщили, что вообще в госпитале русские есть, но в обслуживаемом ими зале я был первым.

Вот и сейчас я думаю, не попали ли эти молоденькие девушки под топор Якова Айзенштата и его приятелей-трибунальчиков. Ну, как же, поили горячим кофе извергов-фашистов, повышая тем самым их бо-

еспособность.

Потекли больничные дни-близнецы. Конечно, они не были абсолютно одинаковыми, но ведь и близнецы это не всегда точные копии.

Состояние мое тем временем понемножку улучшалось. Я уже мог на спине не только полежать немножко, но и спать целую ночь; лежать же на левом боку все еще не получалось, не позволяла все та же боль в груди. Начал и ходить не только по необходимости, но и просто для удовольствия, хотя мало-мальски продолжительные прогулки мне еще не удавались. Хуже было дело с питанием; хотя рот у меня на несколько миллиметров открывался, кормили меня по-прежнему кашами и всякими протертыми блюдами, большей частью очень сладкими. Это понятно, сахар — очень калорийный продукт и быстро усваивается. Я помню, как однажды медсестра минут двадцать уговаривала меня съесть ломтик хлеба толщиной с бумажный лист и помазанный маслом. Я мог пропихнуть его между зубами, но съесть никак не мог, потому что его надо было жевать, а те лицевые мышцы, которые должны были обеспечивать жевательный процесс, трудиться категорически отказывались: они мне просто не подчинялись. Мне самому все это сладкое до того осточертело, что я просто с завистью вдыхал запах колбасы, которую в завтрак уплетали мои соседи.

Вообще питание в госпитале, если судить по нашим красноармейским меркам, было очень хорошее; давали и конфеты, и шоколад, и прочие вкусности. То, что приносили в этом роде мне, санитары складывали в тот же мой бумажный мешок, который постоянно увеличивался в объеме. Особенно способствовали его росту продовольственные подарки, которые выдавались каждому раненому раз в неделю. Подарок представлял собой картонную коробку, в которой были конфеты, печенье, шоколад, вафли, сигареты и прочее. На коробках типографская надпись немецки «Привет с Родины», а водка — киевская, конфеты — одесские, печенье — днепропетровское и прочее в таком же духе. Только прессованные пластинки из сухофруктов были подлинно немецкими.

Все это добро тоже шло в мешок, который уже не помещался в тумбочке и лежал под койкой. Мой сосед-солдат, обнаружив, что я не употребляю спиртное, предложил мне обоюдовыгодный обмен, и я не возражал. С тех пор, как только нам раздавали «Приветы с Родины», у нас с ним происходил такой диалог: он изображает вопросительный кивок, я в ответ даю утвердитель-

ный, после чего он распаковывает оба «Привета», обе бутылки забирает себе, а все остальное высыпает в мой мешок. И оба довольны.

Развлечений в госпитале не было никаких. Я начал помаленьку читать немецкие газеты и военные сводки, а также статьи на военные и политические темы и понимал почти полностью. А с разговорной речью было по-прежнему плохо по причине особенностей произношения. Я, например, слушал по радио речь Геббельса по случаю гибели 6-й армии в Сталинграде, но не понял ни единого слова. Во-первых, он говорил очень быстро, а во-вторых — в какой-то истерической манере, с криком и даже, по моему с завыванием. Сам я ни с кем по-немецки не говорил, хотя уже считал, что словарный запас для простого бытового разговора у меня уже имелся еще со школы.

А так развлекались кто как мог. Кто читал (таких было мало), кто играл в карты, шашки, шахматы. Я тоже включился в шахматную игру. Начиналось это так. Каждое утро после завтрака крепкий высокий немец, унтер-офицер зенитчик (это я узнал позже, когда начал различать немецкие знаки различия) с шахматной доской под мышкой расхаживал по палате, разыскивая себе партнеров среди лежащих раненых. Я это заметил, но долго не решался предложить ему свое участие, а только стоял (когда уже мог) рядом и наблюдал за игрой. Я определил, что играл он слабо по моим понятиям, но уж энтузиаст был невероятный.

Как-то раз, не найдя себе партнера, он снизошел и до меня. Мы сыграли, и с тех пор стали постоянными партнерами, а скоро это стало прямо-таки неким шоу и развлечением для всех присутствующих. Хотя он, как я уже оказал, играл слабо, но долго обдумывал ходы, рассуждал вслух, повторяя: «Их дагин, эр дагин. Их дагин, эр дагин» (то есть: я туда, он туда), представлял все свои пальцы на доске, и иногда пальцев ему даже не доставало, все смеялись. Такая манера очень веселила присутствующих, все наперебой предлагали ему свои пальцы и прочее в таком же духе. Это повторялось каждый день, но выиграть у меня он так и не смог.

Этот унтер-офицер ходил по этажам, искал шахматистов и приводил к нам, но сильных игроков так и не попадалось. Это меня порядком удивляло, ведь первые два чемпиона мира по шахматам, Стейниц и Ласкер, были немцами.

Он даже пытался организовать шахматный турнир всего нашего госпиталя, всех его этажей; турнир начался, но закончен не был по

обыкновенной причине: все время убывают, прибывают, часто это пришествие-убытие неожиданное и непредсказуемое. Так я и остался непобежденным чемпионом.

Начались ночные бомбардировки Днепропетровска советской авиацией. В сквере против здания нашего госпиталя была установлена батарея тяжелых зенитных орудий, при налете они так грохотали, что наше огромное здание вздрагивало. Когда объявлялась воздушная тревога, все ходячие спускались вниз, в подвал, а лежащие оставались на койках. Хотя я уже более или менее ходил, путешествие по лестницам мне еще было не под силу, и я оставался на своем этаже, наблюдая картину налета из окна.

Однажды зенитным огнем был сбит самолет, и раненый летчик был помещен в наш госпиталь. Я ходил к нему, он страшно обрадовался, узнав, что я тоже пленный. У него были перебиты обе ноги. Дальнейшей его судьбы я не знаю.

Ничего унижающего или оскорбительного по отношению ко мне со стороны немцев я не замечал, хотя уже знал из советской печати, что я славянин и «кунтерменш». Еще во время начальной стадии моих шахматных подвигов, во время одной из партий, я, и сам того не замечая, по-мальчишески шмыгал носом, и услышал, как один немец сказал другому: «У него нет носового платка». Когда я после игры пошел к своей койке отлежаться, я увидел на моей тумбочке два аккуратно свернутых носовых платочка. Потом у меня этих платочков было вполне достаточно, так как кроме продуктовых подарков раненым выдавали и вещевые: игральные карты, расчески, конверты, платочки, всякие бритвенные принадлежности, которые мне еще были ни к чему, и все такое прочее. Выдавали один подарок на двоих, и я делюшку этого «Привета с Родины» полностью передоверил тому же соседу, хотя шнапса в этом подарке не было.

Состояние мое продолжало улучшаться, и меня перевели в другую палату, небольшую, коек на десять, где были только русские. Здесь в шахматы никто не играл, зато отчаянно сражались в карты. Некоторые из жителей этой палаты регулярно получали жалованье, я же, конечно, ничего не получал, зато у меня была валюта — шнапс, и я активно включился в игорный процесс. Картежником я всегда, с детства, был хорошим, и у меня уже завелись денежки в увиденных мной впервые «карбованцах». Вообще, на Украине находились в обращении три вида денег: карбованцы, оккупационные марки и рейхс-

марки.

Только здесь, в этой палате, впервые возник вопрос, что же со мной будет дальше. Причем первым об этом заговорил не я, а мои более старшие и более опытные по жизни соседи. Все они не очень откровенничали о своей жизни, зато горячо обсуждали мою, о которой я ни капельки ничего не скрывал. Большинство сошлось на том, что из немецкого госпиталя в лагерь военнопленных меня не отправят, а скорее всего просто отправят в гражданскую жизнь. А вот это уже меня серьезно беспокоило: я из интеллигентов, закончил десять классов с аттестатом отличника, то есть по тем временам человек очень грамотный, но никакой специальности, никакого ремесла у меня не было. Писать и считать я мог здорово, а вот сделать что-либо руками не умел, да и до нормального физического состояния, пригодного для работы, мне еще было далеко.

В первых числах марта 1943 года в госпитале началась большая суматоха: советские войска уже в который раз начали наступление на Харьков, и уже в который раз неудачное. Эвакуацию всего огромного госпиталя не производили, но энергично разгружали: тяжело раненных эшелонами отправляли на запад, многих, не вполне вылеченных (вроде меня) выписывали. К этому времени я уже был почти человеком: повязку с меня сняли, хотя шрамы еще не зарубцевались полностью и были покрыты гнойными корочками, разговаривал я нормально, а вот с едой было плохо: рот у меня уже открывался, и я мог положить туда любую пищу, но жевать по-человечески еще не мог. Пробовал размоченный в горячем кофе хлебный мякиш, но больше трех-четырех жевательных движений исполнить был не в состоянии, наступала просто непреодолимая усталость, вроде того как устают руки после непрерывной суточной тяжелой физической работы.

Нас отправили в каптерку, расположенную в подвальной части здания, для обмундирования. Приоделся и я в полную вермахтовскую форму, надел пилотку с козырьком (правильно назвать ее «кепи», но это слово непривычно для русского языка) и застегнул ремень с «Готт мит унс» (С нами Бог). Прихватил и котелок, очень он мне вскоре пригодился.

Предстояла дорога и какая-то большая перемена в моей жизни.

8. ЛАГЕРЬ

Из нас, русских, скомплектовали группу в тринадцать человек и назначили старшего, хмурого мужи-

ка. Я сразу решил, что он полицей, хотя никаких аргументов для такого решения у меня не было. Скорее всего, мне не понравилась его угрюмая рожа.

Этот старшой получил направление, по-немецки «маршефель», на Кременчуг, и мы двинулись в путь, железнодорожным транспортом. Ехали мы, не торопясь; куда нам была спешить? На станциях болталось много румынских солдат: после разгрома румынских армий под Сталинградом их никак, видимо, не могли как-то организовать. На одной станции вижу такую картину: возле стоящего товарного состава кучка румынских солдат, собравшись в кружок, угощаются; один солдат вешает свою винтовку на вагон, все весело хохочут, наблюдая за уезжающим оружием.

Едем без всяких приключений, у меня только одно огорчение: эта прожорливая орда в один день уничтожила весь мой бумажный мешок, а ведь многое из него я так и не попробовал. На целых два дня мы задержались на станции города Пятихатки, ходили по базару, что-то покупали.

Наблюдая все окружающее, я немного удивляюсь: воспитанный на сообщениях советской печати, я ожидал увидеть всяческие зверства и даже горы изувеченных трупов на каждой улице любого города. А я вижу обыкновенный порядок, обыкновенных жителей, живущих какой-то своей жизнью: магазины, базары, станции железной дороги, то есть самая обычная жизнь: не видно никакой борьбы, никакого сопротивления, никаких репрессий. Немного действуют на нервы полицейские, те самые, которых сейчас часто показывают в кинофильмах, в черных мундирах с серыми обшлагами и клапанами карманов. Не знаю, как они там зверствовали с другими, но нас они не задевали: мы ведь в униформе вермахта.

Приезжаем в Кременчуг без потерь, заявляемся в военную комендатуру. И тут нас сразу разделили на три категории. Первая — кто имел какие-нибудь документы о прохождении службы, того сразу же направляли в его часть. Это общий порядок в немецкой армии: после излечения от ранения, военнослужащий обязательно возвращается в свою часть. Вторая категория — если человек заявляет, что где-то служил, но документов не имел, его все равно направляли в названную им часть. Третья категория — люди, заявлявшие, что они военнопленные. Среди нас таких оказалось шестеро, в том числе я. Нас, эту шестерку, посадили на машину и повезли в лагерь. Подвезли к воротам, выгрузили, отобрали

ремни, сняли погоны и дали британские лезвия, чтобы спорить с карды с пилоток. Отбирать что-либо из обмундирования не стали, хотя одеты мы были очень хорошо.

И отвели в один из барачков. Бараки представляли собой длинные низкие кирпичные здания с бетонными полами, на которых была постелена солома, вернее то, что от нее осталось — грязная вонючая труха, на которой спали и вообще жили военнопленные. Говорили, что это были бывшие артиллерийские склады Красной Армии.

Когда мы, одетые в мундиры вермахта, вошли в барак, нас встретили настороженно, но после наших объяснений, что мы обыкновенные пленные, но прошедшие лечение в немецком госпитале, отношение к нам стало нормальным. Даже наоборот. Мы, были «свежие» пленные, и всем было интересно знать, что и как там происходит, за фронтом. Многие из тех, что находились в бараке, попали в плен еще в начале войны, и я вдоволь наслушался рассказов о том, что они претерпели от зверского отношения немцев в то проклятое время. Теперь же положение пленных было совсем другое. От райского оно, конечно, отличалось сильно, но в сравнение с теми временами никак не шло.

Я нашел себе место на этой бывшей соломе, и моя жизнь советского военнопленного началась. Разнообразием особым она не отличалась: можно было только лежать на полу или прогуливаться возле барака, а каждый барак был отделен еще колючей проволокой от соседних барачков и от центрального «проспекта», так его называли. Не знаю, что это был за лагерь, но на работу каждый день не гоняли, что для меня, например, хотя и было странным, но в какой-то степени и радовало, так как я знал, что для нормальной работы я еще не был пригоден.

Кормили два раза в день вареной пшеницей. Советские власти, отступая, облили элеватор с пшеницей керосином и подожгли. Сам ли элеватор погас или его потушили, мне неизвестно, но именно этой горелой и пропахшей керосином пшеницей нас и кормили. После госпитальных вкусовостей я никак не мог взять в рот эту гадость, и три дня ничего не ел (конечно, желающие из соседей сразу нашлись), но потом голод убедительно доказал мне, что он не тетка, и я начал есть эту пшеницу, сначала с отвращением, а потомки с удовольствием.

Кормление происходило так: к барачку через проволочные ворота въезжала телега с деревянными

бочками, староста блока пытался построить пленных в очередь, что никогда не удавалось, ибо никто не хотел быть последним. Вот тут и наступало время действовать лагерным полицаям, которые с помощью палок кое-как все-таки раздавали привезенную пищу. Много написано о жестокостях немцев в лагерях военнопленных. Я этого не видел, потому что в этой нашей кремчугской жизни мы немцев вообще не видели; всю внутри-лагерную службу исполняли полицейские, хорошо одетые, с белыми повязками на рукавах. Вот они были действительно безмерно жестокими, бесчеловечно жестокими. Я человек не мстительный, но если бы меня спросили, кто в истории второй мировой войны заслуживает самого страшного наказания, я бы без колебаний ответил: внутрилагерные полицейские.

Несколько раз я видел через проволоку, как трое или четверо полицая ведут кого-то, судя по одежде, пленного, и ведут уж очень грубо: толкают, бьют, пинают. Я поинтересовался, кого это и за что его так; мне ответили, что это полицай выискивают евреев, за то и бьют.

Почти каждый день из нашего барака освобождали украинцев, то есть не по национальности, а по месту жительства. Процедура освобождения была максимально простой. Приезжал какой-либо родственник: жена, мать, сестра, а с ней, если из сельской местности, то староста, а если из городской, то начальник полиции. Если, например, жена заявляла, что вот этот оборванный гражданин есть мой муж Микола Голопупенко, а староста это подтверждал, то его освобождали и выдавали нужную бумагу. Случалось, этой простотой пользовались и неукраинцы, предварительно договорившись и найдя подходящую бабу — солдатку.

Я уже писал, что в этом лагере на постоянную работу не водили. Но иногда это случалось. Наш блоковой староста заходит в барак, командует: «От сих до сих, выходи!», и мы выходим. Нас выводят из лагеря, ведут (здесь уже под охраной немецких солдат) в большой двор, а задачей нашей является заготовка дров и доставка их в квартиры немецких офицеров.

Сразу же в нашей команде обнаруживается руководитель, по всему, из командиров Красной Армии, распределяет нас по группам: кому пилить, кому колотить, кому возить по домам и разносить по квартирам. Меня назначают в развозчики и, понимая мою слабосильность, поручают просто держаться за подводу, которую мы с готовыми дровами без всяких лошадей тянем и

толкаем по улице. Я сразу подумал, что разделение по работам не очень справедливое: самая тяжелая часть работы — пилить и колотить, а вся добыча достанется тем, кто разносит по квартирам, те есть тем, труд которых куда легче. Но мне, новичку, сразу разъяснили, что все полученное собирается вместе и делится потом поровну, а за какой-то утаенный окурочок могут убить, и такие случаи были. Что ж, порядок жестокий, но ничего не скажешь, справедливый.

Итак, мы поехали, вернее, повезли. Поселок из двухэтажных кирпичных домов, почти во всех квартируют немецкие офицеры, а прислуга — везде русские женщины. Вот они и выносят нам и куски хлеба, и вареную картошку, и разное вареное, и тщательно собираемые заранее окурочки сигарет. Все вареное без разбора содержимого, сливается в большие железные посуды, для последующей дележки.

Мы заканчиваем работу, возвращаемся в тот двор, объединяем всю добычу от двух подводов, и начинается дележка. Немцы-солдаты нас не торопят. Самое трудное — разделить табак из окурочков и горсточку махорки, но и с этой задачей наш командир справляется. Мне за неучастие в дележке табака выдается компенсация — две вареные картофелины. Все довольны работой, но такое, как мне сказали, бывает редко.

Дни идут, ничего не происходит, только все чаще идут разговоры о скорой отправке в Германию на военный завод. Слесари, токари, сварщики и прочие металлургические спецы этому радуются, хлебобобы и конюхи старательно расспрашивают спецов об особенностях их профессий, чтобы при случае назваться каким-либо спецом. Все ожидают.

Я не дождался. Однажды наш блоковой вошел в барак с приказом: «Уроженцы Дона, Кубани и Терека, с вещами на построение!» Сразу по барачку шорох: «Выпускают». Ко мне подскочил один такой плюгавенький, в изорванной гимнастерке.

— Ты из какого села?

— Я не из села.

— А откуда?

— Из станицы.

— А что такое станица? Станица, что ли?

Я начал объяснять ему, что такое станица, но он не дослушал, махнул рукой и отошел.

Нас, с Дона, Кубани и Терека, в бараке оказалось трое, выходим, стали шеренгой. Я уже говорил, что каждый барак отделялся от другого проволокой, но если стоять возле ворот, то видно, что делается

возле соседнего барака. Мы и смотрим. Там стоят четверо таких, как мы, с ними разговаривает офицер, видимо, с переводчиком. Потом один из четверых выходит вперед, полицаи выводят оставшихся троих за ворота, а того, что выходил, трое полицеев начинают избивать кулаками и палками, а затем, поваливши на землю -бьют ногами. Что-то на освобождение не похоже.

Офицер с переводчиком заходят к нам, начинается разговор. Переводчик, явно русский, переводит. Нам говорят, что мы, казаки, всю свою историю боролись за свободу, теперь нам будет предоставлена такая возможность. Кто не хочет бороться за свободу, три шага вперед!

Мы все не очень поняли, за какую свободу мы должны бороться и каким образом, но то, что ждет человека, вышедшего из строя, мы хорошо видим, так как избивание того, вышедшего, продолжается. Поэтому мы стоим и молчим, офицер удовлетворенно кивает, отдает распоряжение полицеем и выходит. Нас отводят к воротам лагеря, где уже собрана порядочная толпа «борцов» за свободу и постоянно подводят еще. Переговариваемся, никто ничего не понимает, предположений всяких много.

Нас собрали человек шестьдесят, погрузили в автомашины. Переезжаем Днепр по Деревянному, построенному немцами мосту имени генерал-фельдмаршала фон Рундштедта; на другом берегу городок Крюков, хотя это, возможно, просто часть Кременчуга. Выгружаемся на самом конце городка, строимся, и нам объявляют, что мы включаемся в состав казачьего эскадрона. В этом эскадроне уже есть тоже человек шестьдесят. Старослужащие они или тоже только что объявленные «борцы за свободу», мы не знаем.

Размещаемся на частных квартирах. На следующий день всем выдают обмундирование, мне не дают ничего — я и так одет прилично. Выдают всем ремни и погоны, приказывают заменить петлицы, вместо немецких пришиваем какие-то красные с перекрещенными белыми стрелами. Казачий эскадрон готов, командир эскадрона немец, заместитель — казак, называем «господин сотник».

Начинаются занятия, распорядок дня — чисто военный: подъем в шесть часов, до завтрака гимнастика и пробежка километра три-четыре. С гимнастикой у меня все в порядке, а с пробежкой — никак, я еле-еле бегу, всегда последний. Немец-фельдфебель начал мне объяснять, но я сумел ему объяснить, что я был тяжело ранен, толь-

ко из госпиталя, еще мне далеко до полного здоровья, особенно в смысле бега, и он разрешил мне не бегать по всему маршруту, а просто идти кратчайшим путем к его концу.

Мне было легко в смысле понимания строевых команд. В десятом классе, уже во время войны, преподавание немецкого языка у нас проводилось только по военной тематике: строевые команды, допрос пленного, ознакомление с немецкими военными документами и прочее в таком же духе. И фактические немецкие команды почти полностью совпадали с теми, что мы учили.

Примерно через неделю нам выдали шашки, обыкновенные советские шашки со звездочкой на латунном эфесе. Это сразу повысило нашу боеспособность. Зачем нам боеспособность? Дело в том, что с первых же дней пребывания нашего эскадрона в Крюкове у нас сложились очень недружественные отношения с местной полицией, той самой, которая в черных шинелях с серыми воротниками. Не знаю, с чего это началось, но постоянно проявлялось не только в ругани, но и частенько доходило до рукоприкладства. Хотя полицейские постоянно ходили с пистолетами, а у нас огнестрельного оружия не было, но стрелять, конечно, они в нас боялись: мы все-таки в форме вермахта, хотя и в непонятными петлицами. А уж, вооруженные шашками, мы вообще были непобедимыми, хотя я знаю, применялись шашки только ударами плашмя, до рубки дело не доходило.

По части драк я, конечно, особенно не отличался по причине своей слабосильности, хотя пару раз стукнуть шашкой плашмя мне пришлось. Зато в отношении языка я безусловно был одним из первых, если не самый первый. Герберт Уэллс в «Человеке-невидимке» говорит, что по ругани сразу можно отличить человека образованного. Вот и я был таким образованным в смысле умения подбирать наиболее обидные и оскорбительные слова.

Наиболее часто стычки, а порой и драки, происходили на базаре, где полицейские иногда устраивали облавы на бабок-самогонщиц. Не знаю, было это по тогдашнему закону или просто грабежом, но бабки быстро сообразили, что могут иметь защиту в лице казаков, и как только появлялись полицейские, они тотчас снаряжали мальчишку за казаками. И если те оказывались поблизости, то у бабок появлялась возможность спасти свой самогон, а у казаков — возможность получить искреннюю благодарность в виде стаканчика-другого. И было

всем хорошо. Если же казакам приходилось туго (допустим, с большим численным перевесом у полицейских), тогда раздавался громкий крик: «Казаков бьют!», и тогда уже, где бы ни был казак, он обязан был бежать в опасное место.

Кончилось это веселое времяпровождение плохо. В Крюкове был кинотеатр, в котором каждый вечер крутили немецкие фильмы, без дублирования, но все равно зал всегда был полным. Я тоже туда частенько ходил, постепенно привыкая к звукам немецкой речи, и уже понимал где-то около четвертой части говоренных слов, что позволяло понимать смысл происходящего на экране и пояснять другим казакам.

Вот здесь все и произошло. Мы вдвоем из одной квартиры сидим, смотрим фильм. Места наши недалеко от экрана. Прошло уже больше половины фильма, как вдруг где-то сзади послышалась шумная возня, затем крики и ругань, затем один за другим два выстрела. Фильм прекратился, стало темно, только изредка вспыхивают лучи карманных фонариков. Слышим: «Казаков бьют!» Вскликаем, пытаемся пробиться туда, откуда крик. Толпа мечется, крики, стоны, женский визг. Я обнажил шашку, и как только в свете фонарика покажется черный мундир или черная пилотка, я по ней шашкой, плашмя, конечно. Потихоньку, так и держась друг за друга, пробиваемся к дверям, но слышим тараканье мотоциклов и чей-то истощный крик: «Жандармерия!» Меняем направление, теперь уже стараемся пробиться к окнам, которые выходят не на улицу, а во двор. Добираемся до окон, уже выбитых вместе с рамами, выбираемся во двор и всякими темными переулками добираемся до своей квартиры. Никто нас не видел.

На следующий день узнаем, что в кинотеатре убит один полицейский, причем убит из пистолета. Напоминаю, что у казаков пистолетов не было. Что и как произошло, так мы и не знаем.

А еще через день во время построения зачитывают пятнадцать фамилий, в том числе мою. Остальная часть эскадрона отправляется на занятия, а нас разоружают и раздают. У меня отбирают шашку и ремень, снимают погоны, заставляют отпороть кокарду и петлицы, но из обмундирования ничего не отбирают. У тех же, у которых было новое обмундирование, его отбирают. Выдают взамен, правда, уже не ту красноармейскую рвань, которая была у них раньше, а немецкое, но очень старое и изношенное.

Никто нас не допрашивал, ник-

то ничего не спрашивал. Однако, когда я уже в лагере опросил нескольких пострадавших, оказалось, что все они были тогда в кинотеатре.

Затем на машину и через фельдмаршала фон Рунштедта назад в Кременчуг, в тот же родимый лагерь. Всех привезенных, а они все были из свежелагерных казаков, разместили в первый от ворот барак, который, когда мы осмотрелись, оказался в некотором роде привилегированным, хотя и огорожен, как и все, проволокой. Он был разделен на две части, которые имели собственные входы: в правой размещались пленные командиры (или уже офицеры) Красной Армии, а в левой — мы, непонятный народ, человек 60. В бараке были двухэтажные железные койки, на них матрацы, набитые соломой, вернее, бывшей соломой. Все-таки не бетонный пол. Кормили так же, два раза вареной пшеницей, но уже почти не горелой и совсем без керосина. Значит, кто-то эту проклятую пшеницу все же предварительно сортировал.

И обращение с нами лагерных полицаяв было совсем другим, никаких жестокостей, никаких мордобоев... Контингент, стало быть, другой.

Ход времени был абсолютно монотонный, никаких событий. Только в общении с офицерами хоть что-то было интересное, так как к ним часто небольшими группами прибывали свежие пленные, которые хоть что-то могли поведать новое и интересное.

— Я подружился с лежавшим на соседней койке парнем. Звали его Иваном, фамилию не называю, был он родом из Винницы, 1921 года рождения, был в кадровой армии, попал в плен в первые дни войны, и претерпел столько ужасов, что и рассказать невозможно. Почему он до сих пор не выпущен из лагеря как сирий украинец, он мне не рассказывал, хотя это было мне очень интересно. Был он парнем битым-пербитым, тертым-перетертым, но неразговорчивым. Расспрашивать его напрямую я стеснялся, а мои тонкие намеки он не понимал, то ли по своей хохлацкой тупости, то ли по той же хохлацкой хитрости. И дружба наша была для меня непонятной: для меня, пацана, было понятно желание иметь такого бывалого, серьезного товарища, а вот зачем ему я, этого я уразуметь не мог. Но мы крепко подружились.

Изменение в нашей судьбе все-таки произошло.

9. ОРГАНИЗАЦИЯ ТОДТ

Вбегает в барак наш староста, командует: «Всем во двор, стро-

иться! С вещами!» Выходим, строимся.

Заходят к нам через ворота трое, в какой-то доселе невиданной мной табачного цвета форме, на рукавах повязка со свастикой. По строю шепот, никто не знает, кто это такие, один говорит — железнодорожники, другой — гестаповцы, их эти повязки смущают.

Двое из вошедших — явно офицеры, один — из рядовых. Старший из них, высокий офицер, идет вдоль строя и одним пальцем показывает, кому выходить. Все это молча. Я стою рядом с Иваном. Доходит этот длинный до нас, Ивана пальцем тычет, а меня нет.

И я заговариваю по-немецки.

— Возьмите и меня, это мой друг.

— Ты говоришь по-немецки? — снисходит он да разговора со мной.

— Немного.

Он счел разговор со мной достаточным и пальцем определил мою судьбу: я вышел и стал рядом с Иваном.

Нас отобрали двадцать человек, на автомашине подвезли на железнодорожную станцию, погрузили в товарный вагон и закрыли. Через пару часов состав тронулся, мы ехали всю ночь и приехали в город Лубны, где нас переправили снова в лагерь военнопленных, кучку фанерных барак. Этот лагерь был обыкновенным рабочим лагерем, в нем было человек триста, каждый день их всех выводили куда-то на работу. Кормили здесь тоже два раза в день какой-то баландой из капусты, картошки и брюквы с небольшим количеством крупы, кажется, перловой. Давали и хлеб, граммов по 300. Из чего был этот хлеб, мы так и не поняли: то ли из отрубей, то ли из опилок.

Мы пробыли в этом лагере двое суток, всю нашу одежду прожарили, хотя, по-моему, ни у кого из нас вещей не замечалось.

И только после всего этого, нас повезли в город, на место постоянного жительства. Что, чего, куда, зачем — мы все это узнавали постепенно, но я для понятности расскажу все сразу. Мы попали в Организацию ТОДТ, это учреждение наподобие советского Министерства строительства. С началом войны, а может быть и раньше, его сделали военизированным, то есть вооружили древними винтовками, присвоили чины, которые все оканчивались на «фюрер» и ввели воинскую дисциплину. Конечно, все эти ОТ-маны были или старичками или инвалидами, непригодными для военной службы и, я думаю, что из этих своих винтовок эпохи франко-прусской войны ни один из них так ни разу и не выстрелил.

Строила эта организация много (например, знаменитые автобаны строила именно она), а в условиях войны, конечно, больше всего сил и средств направлялось на строительство укреплений и всяких других сооружений военного назначения.

Конечно, своей рабочей силой в необходимых количествах ОТ не располагала и пользовалась трудом военнопленных, заключенных различных типов лагерей (у немцев было много различных лагерей) и мобилизованного, местного населения.

Нас привезли на базу автомобильной роты, которая обслуживала объекты ОТ. База представляла огромный двор в форме зеркальной буквы «Г», окруженный кирпичным забором, со стороны улицы высотой метра в полтора, а со стороны прилегающих дворов повыше, метра в два.

Торец длинной части буквы «Г», от забора до забора занимала ремонтная мастерская, где работали вольные местные жители, только начальником был немец, ОТ-мастер. Был такой чин.

Нас поместили в здании, находящемся в торце короткой части буквы «Г»; здание — кирпичное, с зарешеченными окнами, на полу — солома, на этот раз, не бывшая. Как стало сразу же известно, мы должны были обеспечивать погрузо-разгрузочные работы этой автороты. Режим жизни нашей был определен следующим образом: мы должны быть готовы к работе в любое время суток по необходимости; в дневное время, если работы нет, мы можем свободно ходить по двору, но не пересекая условной линии, которая является границей короткой части буквы «Г» (это нам объясняет переводчица, молодая симпатичная украинка), за пересечение линии днем мы будем наказаны, хотя не объяснили как. А в ночное время нас запирают в нашем помещении. Если же кому ночью понадобится в уборную, он должен звать часового, который в это время находится во дворе.

Все это страшно не понравилось всем: и нам, и этим пожилым ОТ-манам. Нам, потому что, если кому одному приспичит ночью, то он должен орать во все горло и стучать в дверь, что остальным девятнадцати понравиться никак не могло. ОТ-манам тоже стало несладко; пока нас не было, находящийся на посту часовой, обняв свою древнюю винтовку, спокойно спал в кабине грузовика, вставая только по необходимости открывать или закрывать ворота приезжающим или уезжающим автомобилям. А теперь слушать, не орет ли кто благим матом,

а потом вылезать из кабины, идти отпирать дверь, выпускать страждущего, ожидать, пока тот не управится со своим делом, запирает, и только тогда идти досматривать свой сладкий сон.

Это не могло продолжаться долго, и примерно через неделю, возвратившись с железнодорожной станции, мы увидели, что высокая часть забора украшена сверху спиралями из колючей проволоки, и нам было объявлено, что на ночь нас запирают больше не будут, нам позволено самостоятельно пользоваться уборной, но пересекать ночью ту самую условную границу строжайше запрещается — стрелять часовой будет без предупреждения (если, конечно, проснется, а это было не всегда, в чем позже многократно убеждались).

Нам назначили старшего из нас же. Его звали Николаем, был он высок, голубоглаз и белобрыс, по физиономии типичный тевтон. Видимо, по этим признакам его и сделали старшим. Нас он не тиранил, главной его обязанностью было соблюдение очередности при назначении на работы, так как работы эти были разнообразными, неравномерными и неодинаковыми по числу рабочих.

С питанием дело обстояло так: дней десять нам возили уже упоминаемую мной пищу из лагеря, а потом стали готовить тут же и те же поварики, что и для немцев. Хотя немцами их было назвать трудно, так как большинство из персонала роты было голландцами, бельгийцами, чехами и прочими жителями Европы. Даже командиром роты был голландец.

Впрочем, голодными мы здесь не были. Сама специфика работы автотранспорта требует постоянного убытия-прибытия, часто автомобили уходили в дальние рейсы или водители отсутствовали по другим причинам. Все, что оставалось из приготовленной пищи, доставалось нам. Хлеба тоже перепадало.

Мы понемногу обустроивались. Среди нас были и подобные мне мальчишки, но были и взрослые люди, имеющие специальность и способные что-то изготовить. Так, у нас обнаружилось два автослесаря, которые часто в свободное время ходили потрудиться в мастерскую, надеясь, что их там могут оставить на постоянную работу. Это не вышло: у нас был разный статус, те были свободными людьми, мы — военнопленными.

По нашему благоустройству мы немало преуспели. Строительных материалов у нас было завались, умельцы наши сделали нары из хороших строганных досок, затем стол и скамейки. Рабочие из мастерской изготовили нам из консер-

вных банок различные бачки, кружки; все это как-то улучшало наш быт.

Труднее было многим устраиваться с одеждой, но и тут были кое-какие возможности. Когда машины возвращались из дальних рейсов, особенно с фронта, иногда можно было обнаружить в кузовах полезные для нас вещи: то старую шинель, то какие-нибудь тряпки, которые можно было привести в лучшее состояние и использовать с пользой, то рваные ботинки, которые поддавались починке и т.д. Из одежды нам ничего не выдавали, и выкручивался кто как мог. Однажды у нас осмотрели обувь и тем, у кого она пришла в негодность, выдали башмаки из искусственной кожи на деревянной подошве. При хождении по асфальту одновременно нескольких людей гремели эти башмаки как пулеметные очереди.

Не могу сказать, что нас сильно изнуряли работой. Большой частью работа заключалась в разгрузке строительных материалов и оборудования с железнодорожных вагонов и погрузке их на автомашины. Это могло быть и днем, и ночью. На станции мы понесли и первую потерю. С платформы разгружали толстые бревна, они никак не хотели катиться, один из нас взобрался на платформу и ломом пытался сдвинуть их с места. Бревна рухнули сразу, он попал между ними и был просто раздавлен. Нас осталось девятнадцать.

Два раза, работая на станции, мы видели, как отправляли молодежь в Германию. Первый раз ничего особенного не произошло. Конечно, объятия прощания, слезы, обещания писать. Поезд тронулся, все разошлись. Второй раз было по-другому. Вначале вроде бы ничего особенного не предполагалось. Все как в прошлый раз. Но когда вагоны закрыли и состав потихоньку тронулся, в одном из вагонов ребята запели знаменитое шевченковское: «Думы мои, думы мои, лихо мэни з вамаы». Что тут началось! Толпу провожающих как будто током ударило: крики, истерика, некоторые женщины падают на бетон перрона, другие бросаются на вагоны, хватают их руками, срываются, падают. И какой-то по всей станции звериный вой. Полицейские пытаются отталкивать рыдающих женщин, ничего не получается, тогда они пускают в ход приклады. Картина просто ужасающая.

Было лето. Наша база находилась на окраине города, кругом были частные дома, сады и огороды, от них доносились запахи, весьма и весьма нас соблазняющие. Родились планы. Выбраться из двора, заставленного многими больши-

ми автомобилями и штабелями разных материалов, не обнаружив себя спящему ОТ-ману, и перебраться через низкий забор, труда не составляло. Единственная опасность состояла в том, что мы могли понадобиться для каких-либо ночных работ. Конечно, если бы оставался наш Николай-тевтон, то опасности совсем бы не было, он бы просто вышел и послал нужное количество людей, и это никого бы не удивило. Но Николай нужен был для разработанного мной сценария.

Пришлось рискнуть. Хотя мы предполагали, что если и попадемся, особенно строгого наказания не будет. Совсем недавно мы разгружали лес на станции, и охранявший или, вернее наблюдавший за нами ОТ-ман позвал меня и показал на забор, за которым виднелась вся увешанная румяными плодами яблоня. Я выбрал еще одного парня помоложе, мы быстренько перемахнули забор, набрали побольше яблок, возвратились и, выделив справедливую долю немцу, вдоволь полакомились.

Приступили к действиям. Заметив днем при проезде подходящие огороды, отправились мы четвером: три пирата и тевтон, которому собрали от всех нас наиболее приличное немецкое обмундирование и которому слесари из мастерской изготовили из консервных банок орла на цепи — опознавательный знак полевой жандармерии, самой устрашающей структуры немецкой военной власти. За старшего временно оставили Ивана, он тоже был и у нас, и у немцев в достаточном авторитете.

Пробрались через скопление автомобилей, перелезли через забор, нашли нужные огороды, набрали полные пазухи огурцов и благополучно вернулись. Трудились трое, а Николай был в засаде. Точно так же закончилась вторая операция, и отдельные оппозиционеры стали поговаривать, что Николая брать не нужно, чтобы зря не рисковать. Я возражал и оказался прав.

Третий поход имел целью добытие яблок. Начало было благополучным, мы набрали яблок с земли, но тут появилась хозяйка, и с ходу — в крик. Мы, конечно, могли просто уйти, помешать она нам не смогла бы, но была опасность, что где-нибудь близко окажется полицейский патруль, и будет большая суматоха, а нам большая беда.

Вот тут и очень вовремя появился Николай во всей своей тевтонской красе и с бляхой на груди. Он энергично взялся за нас и, сопровождая свои действия немецкими ругательствами (я его несколько дней тренировал по этой части),

толчками и пинками выпроваживал нас из двора крикливой хозяйки.

— Пан офицер, — твердила она, — а яблоки?

— Я, я, matka! Я, я, — отвечал наш тевтон и буквально за несколько секунд вытолкал нас за калитку. С яблоками, само собой.

Мы и на этот раз возвратились с добычей, но я долго думал об этой хозяйке. Чего она раскричалась? Ведь она отлично видела, что мы пленные, а на Украине к пленным женщины относились очень жалостливо. В немецком плену погибло миллион или два советских военнопленных, а спасению уцелевших во многом способствовало вот это истинно заботливое и человеческое отношение женщин. Огромное им спасибо!

Все-таки подобные походы были делом опасным, и мы их прекратили.

Жизнь в Лубнах была спокойной, никаких взрывов, никаких перестрелок и нападения, то есть никаких партизан и подпольщиков и никакой борьбы замученного населения против ненавистных оккупантов и угнетателей. Немножко не так, как рисовала обстановку на Украине советская печать и радио.

И жизнь, и время, и фронт не стояли на месте. Уже в сентябре подразделения ОТ в Лубнах настало время двигаться на запад. Под их имущество было предоставлено пятнадцать вагонов, частью закрытых, частью открытых платформ, мы мотались по городу, собирая это имущества и погружая его в вагоны. Для нас предназначался один вагон, который мы сами постарались обустроить как можно комфортнее: нары, стол, скамейку, посуда.

Исправные автомобили отправились своим ходом, а неисправные: три грузовых и две легковых мы погрузили на платформы.

Эшелон был огромный, наши вагоны — первые от паровоза. О составе эшелона мы узнали позже, а пока — нас заперли в нашем вагоне, и состав тронулся. Ночью проехали Киев, и я почти ничего не увидел, хотя Киев посмотреть хотелось. Проехали Коростень, направились на Житомир (это мы узнавали по названиям станций) и... остановились в чистом поле.

Вскоре выяснилось, что застряли мы надолго. Причину этой остановки мы доподлинно не знали, шли разговоры, что впереди мост то ли взорван, то ли разбит авиацией. Распорядок жизни нам был установлен такой: днем мы были вроде чем-то заняты, перекладывали-переставляли кое-что в вагонах, но скоро стало ясно, что все это только для вида, и немцам самим надоело этим

заниматься. И стало так: днем мы болтались вдоль эшелона, немцы нас не охраняли, а возможно и поглядывали потихоньку, а на ночь запирали в вагоне и несли охрану вдоль эшелона.

Начались знакомства. Следом за нашими вагонами находились вагоны санитарной части, штук двадцать, и среди персонала этой части оказался мой земляк-кубанец. Услышав наш с ним разговор, подошел Иван и сразу поинтересовался, есть ли среди разнообразного санитарного груза спирт. Тот ответил утвердительно, но сказал, что для того, чтобы открыть бочку, нужен специальный ключ, а такой есть только у какого-то их начальника. Он, этот земляк, не знал, с кем разговаривает. У нас, в наших вагонах, был любой инструмент для любой работы в мире. Разговор сразу стал интересным, но закончился он ничем. Днем открыть бочку бышо невозможно, а ночью, шгда земляк находился на посту, охраняя свои вагоны, мы были заперты. Хотя в конце нашего здесь стояния Иван все-таки передал земляку-кубанцу ключ, и тот набрал Ивану (и, конечно, что-то себе) пару фляжек спирта.

Подходили ехавшие в конце эшелона кавказцы: чеченцы, ингуши, дагестанцы, до зубов вооруженные, с ленточками наград на мундирах. Какой-то особый разводотряд. Узнав, что я с Кубани, то есть почти земляк, начали уговаривать меня перебраться к ним. Среди них не было ни одного русского, да и парашютист из меня никакой. Да и кто бы меня отпустил.

Через несколько дней возле эшелона образовался постоянный базар. Чем торговали? Как говорится, что охраняешь, то и имеешь. Эшелон был очень разнообразный, и торговать было чем. Нам, правда, торговать было нечем, так как не мы охраняли, а нас охраняли. Но это только на первый взгляд. Шансы у нас были.

Перед нашим эшелоном, метрах в трехстах от паровоза, находился хвост другого эшелона, из полувагонов, наполненных пшеницей. Посреди эшелона находилась платформа, а на ней танк и три танкиста. Видимо, этот танк направлялся для ремонта, а танкистам заодно была поручена и охрана груза, но эти три танкиста, три веселых друга, не очень-то старались скрупулезно исполнять обязанности сторожей, и мы неоднократно видели, как они все втроем уходили в близлежащую деревню, и по целому дню их не было ни возле танка, ни вообще в эшелоне.

Это все жители нашего эшелона видели и знали, и пшеница в больших количествах ходила в виде то-

вара на нашем базаре.

Решились и мы с Иваном. Полтора часа я просидел на паровозе и когда окончательно убедился, что черные фигурки танкистов полностью исчезли из поля зрения по дороге в дальнюю деревню, мы с двумя мешками и вооруженные совковой лопатой с укороченной для удобства рукояткой двинулись к пшеничному эшелону. В крайнем вагоне пшеницы уже было не более половины — люди трудятся. Мы нагрузили мешки, Ивану килограммов семьдесят, мне килограммов тридцать, благополучно добрались до нашего базара и немедленно включились в коммерческий процесс.

По отсутствию торговых навыков и даже с жизненным опытом Ивана первый блин оказался комом. За всю принесенную нами пшеницу один хитрый дедок выдал нам литровую бутылку самогона, шмат сала килограмма в полтора, немного картошки и пачку листового табака. Только мы собрались отправиться на избранную в качестве базы легковую машину, как к нам подошел один из наших начальников, по чину ОТ-мастер. Он ничего не требовал, ничего не просил, но и без этого было ясно, ради чего он к нам подошел. Иван, чертыхнувшись в сторону, предложил ему стаканчик, но тот отрица-

тельно покачал головой и достал фляжку (приготовил уже, гад). Пришлось делиться по-настоящему, по-русски, то есть на троих. Иван отлил ему треть самогона, отрезал примерно треть часть сала. От остатального ОТ-мастер отказался, слава Богу.

Два дня мы с Иваном парили-жарили, пили-ели, гуляли по буфету. То, что добыча наша была в некотором роде не совсем пропорциональна по назначению, так как я — непьющий и некурящий, меня ничуть не обижало; ведь Иван тащил в два раза больше меня, да к тому же на следующий день променял половину добытого табака на сахар, а это уже мне в угоду.

На третий день мы уже превратились в организованную преступную группу: к нам сам подошел упоминавшийся ОТ-мастер и сам предложил повторить акцию, пообещав в случае необходимости помощь и защиту. Теперь, уже он сидел на паровозе главным наблюдателем, а мы ожидали сигнала. Операция и на этот раз была успешной, так же успешной была и коммерция, а раздел добычи был по предыдущему образцу.

Из приключений была одна перестрелка, ночью, мы были заперты в вагоне, а стреляли из того села в полукilометре от путей, а с на-

шей стороны -из-под вагонов. Кто стрелял с той стороны, так и осталось неизвестным. Кто-то считал, что из села стреляли партизаны, а большинство — что это были просто перепившиеся пассажиры из нашего же эшелона.

Время шло, а наш эшелон не двигался, и уже никто не верил, что он вообще когда-нибудь тронется. Становилось все холоднее, как-никак середина октября, а в вагонах, ни у нас, ни у немцев, печек не было.

Наконец это дошло до какого-то неизвестного нам начальства, и наши вагоны начали освобождать от груза. Работа была тяжелая, так как автомашины не могли подойти вплотную к вагонам; приходилось все перетаскивать вручную. Загружали одновременно пять-шесть машин, и с ними уезжало три-четыре человека из наших.

Нас оставалось все меньше и меньше. Наконец, нас осталось последними шесть человек, в том числе мы с Иваном.

Вот и последний рейс. Грузим из оставшегося, что можно погрузить, бросаем неисправные машины и еще много чего разного, нас сажают на машины, и мы прибываем в город Житомир.

Здесь, в Житомире, мы так и остались группой в шесть человек; куда делись остальные, мы так и не узнали. Занимались мы одной работой: пилили на электрическом циркуляре дрова, кололи их и складывали. А потом их развозили, уже без нас, куда-то по всему Житомиру.

В первой половине ноября советские войска стремительным и неожиданным ударом захватили Житомир. Немцы бежали из города с такой поспешностью, что даже Организация ТОДТ, никогда не бросавшая на произвол судьбы свое имущество, на этот раз отступила от правила: весь персонал за полчаса уселся в автомашины (погрузили и нас) и рванул по направлению наНовоград-Волынский, оставив все.

Отъехали мы недалеко, а через несколько, дней, когда немцы выбили советские войска из Житомира, возвратились в город, несколько дней лихорадочно метались по Житомиру, собирая, что осталось и что можно было погрузить. На этот раз ОТ не мешкала, и мы тронулись в путь. Собирая всякое разнородное имущество, мы при погрузке из одного склада обнаружили двухсотлитровую деревянную бочку с топленным коровьим маслом и тайком погрузили ее на одну из машин.

Считалось, что мы остановимся на постоянное пребывание в г. Ров-

но, но наша колонна простояла в городе около часа, а затем двинулась дальше. В городе Дубно мы наконец разместились в старинном католическом монастыре с толстыми кирпичными стенами. Мы ухитрились перетащить в нашу келью упомянутую бочку и активно занялись истреблением ее содержимого, пока чей-то бдительный глаз обнаружил ее, и она была от нас отобрана. Содержимое ее мы все-таки на добрую треть сократили.

Здесь мы шестеро тоже пилили дрова, на этот раз вручную, и разносили по занятым помещениям монастыря. Нас особенно не охраняли; правда, на воротах всегда круглосуточно стоял часовой, но если нам приходилось выходить, то часовой мог спросить, куда мы идем, а мог и не спросить.

В городе мы были раза три; тут я впервые видел повешенного человека. Повешен он был в парке на дереве, и не на веревке, а на проволоке, на груди висела табличка с надписью: «Партизан. Он убивал немецких солдат».

Вот здесь судьба моя и изменилась неожиданно и круто. 5 декабря 1943 года нам двоим: мне и еще одному, Николаю (это был не тот Николай, который командовал нами в Лубнах, а другой, родом из Ростовской области), было приказано собраться с вещами и приготовиться к поездке. Мы попрощались с Иваном, друг он был честный и надежный, и двинулись в путь.

В Луцке, уже ночью, нас двоих доставили в расположение какой-то воинской части, где нам предоставили место для ночлега, а утром все выяснилось. Нас передали в казачий эскадрон, который находился в составе Организации ТОДТ и занимался охраной строящихся объектов, складов материалов и прочее в таком духе. Со мной беседовали командир эскадрона Кайзер (чин его по классификации ОТ я не помню) и заместитель командира сотник-казак. После беседы мне объявили, что мне присвоен чин ефрейтора, чем я в душе порядком повеселился. Еще мальчишкой после героических фильмов типа «Чапаев» все мы мечтали о военной карьере. В мечтах я видел себя кем угодно, но только никак не ефрейтором. Но так получилось.

Как я уже сказал, наш эскадрон был подразделением ОТ, задачей которого и была охрана объектов ОТ в Луцке. Я попал в группу, которая по ночам выставляла посты на территории большого лесозавода, расположенного недалеко от нашей казармы, и патрулировала прилегающие улицы.

Никаких происшествий или нападений на наши объекты не было. Только один раз весь наш эскадрон был двое суток под ружьем: невдалеке от Луцка все эти двое суток шел непрерывный бой: стрельба, грохот разрывов, ракеты и рои трассирующих пуль были всем нам хорошо видны. Говорили, что это было столкновение крупных отрядов советских партизан с бандеровцами. Кто кого одолел, мы так и не узнали.

Наш эскадрон представлял собой отряд из 120 казаков или людей, проживающих в традиционных казачьих областях. Было несколько кавказцев: адыгейцев и карачаевцев. Немцев в эскадроне было четыре человека: командир эскадрона Кайзер, снабженец Фриц Крамер, один немец непонятной должности, возможно, в качестве переводчика, бывший ваффен-эсэсовец, чем он очень гордился, но после тяжелого ранения попавший в ОТ, и четвертый — простой конюх, пожилой, хилый и унылый.

Несколько казаков были с женами. Женщины работали на кухне и в прачечной и тоже считались служащими по выдаче пайков. Из командного состава, кроме сотника, были: один хорунжий, три вахмистра и сколько-то урядников.

Вооружен эскадрон был плохо: одни винтовки и несколько ручных пулеметов. Видно, считалось, что в настоящих боях эскадрону принимать участие не придется. Что же, не очень и хотелось.

10. О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Итак, с 6 декабря 1943 года я стал военнотружущим казачьего эскадрона, который хотя и не сражался на фронте и не собирался этого делать и в будущем, был все-таки антисоветским и антикоммунистическим формированием, находившимся под полным идеологическим влиянием белогвардейцев, тех самых, которые сражались против большевиков еще в сравнительно недавнее время, в годы гражданской войны. При этом никто меня не спрашивал о моем желании или нежелании стать в ряды борцов против большевизма, против сталинского режима, за что-то более приемлемое для всего советского народа (это в тогдашней формулировке). Просто меня привезли, сгрузили с автомашины, дали винтовку и лычку на погоны и сказали: «Становись в строй!»

Как я отнесся к этому событию? Коротко не ответишь, поэтому я и хочу рассказать так, как указано в заголовке этой главы, по Владимиру Маяковскому.

Родился и вырос я в коммунистической семье. Мой отец Георгий

Варфоломеевич вернулся в начале 1918 года с Кавказского фронта полностью оболыпевиченным, активно включился в пропаганду большевизма, а когда на Северном Кавказе развернулись боевые действия, вошел в состав красного партизанского отряда. Отряд был крупным, человек в 700, но было очень мало оружия и совсем не было толковых командиров. Поэтому отряд где-то возле Армавира был разгромлен в течение нескольких дней, а оставшиеся 300 человек были захвачены в плен. Здесь отцу довелось видеть своими глазами самого Деникина, которого отец почему-то называл Денекиным и считал его своим спасителем.

Экзекуция, или правильное сказать, расправа, происходила следующим образом. Руководивший ею офицер приказал коммунистам, евреям и матросам выйти из строя. Вышло человек десять; их отвели шагов на тридцать и расстреляли. Офицера это не удовлетворило, он заявил, что в отряде, где все добровольцы, не может быть так мало коммунистов, и потребовал или выйти добровольно, или указать на таких скрывающихся. Никто не вышел, никого не выдали. Тогда офицер приказал рассчитаться по порядку номеров; каждого десятого, а эта человек тридцать, также отвели и расстреляли. Теперь тот приказал рассчитаться на первый-второй-третий. Рассчитались, отец — второй, но кого из них тому офицеру вздумается уничтожить на этот раз, никто не знает.

Вдруг показывается, пыля по степи, легковая машина, сопровождаемая конным конвоем всадников в двадцать. Оказывается, сам Антон Иванович Деникин со штабными чинами. Подъезжают; офицер лихо докладывает: так, мол, и так, выявляю красную сволочь. Что-то они негромко разговаривают, потом Деникин подходит к строю.

— Здорово, братцы!

— Здравия желаем, ваше превосходительство!

— Ну, что, еще будете воевать с нами?

— Никак нет, ваше превосходительство!

— Расходитесь по домам, да смотрите у меня!

И уехал. Все пленные не сразу поверили в происходящее, но расправа была прекращена, их увели в какую-то станицу и загнали в большую загородку с кирпичной стеной. Там они пробыли всю ночь, опасаясь, что это все-таки какая-то ловушка, но ранним утром, убедившись, что их никто не охраняет, разбежались по своим селам и станицам. Отец, вернувшись в станицу через несколько дней, узнал, что

станичные старики решили его убить, ушел из дома со своим другом; они перешли фронт и вступили в Красную Армию.

Так рассказывал отец. Он много чего рассказывал нам: мне и моему среднему брату Виктору. Ведь отец принимал участие во всех сколько-нибудь значительных событиях на Северном Кавказе, был в известной 11 армии, командующими которой были Сорокин, Федько и другие знаменитые командиры, видел в боях Кочубея, Книгу, а с Жлобой и Апанасенко были хорошими друзьями. Когда красные войска на Северном Кавказе были разгромлены, он с уцелевшими остатками проделал тот самый смертельный поход через калмыцкие степи на Астрахань, в котором до Астрахани дошла едва ли четверть бойцов, а затем участвовал в обороне Астрахани и Царицына. Когда Кавказская армия генерала Врангеля захватила Царицын, а толпы дезорганизованных и деморализованных красноармейцев бежали на север, к Камышину, их задержал только знаменитый поезд Льва Троцкого, на котором все были в кожаном. Троцкий все-таки остановил бегущие толпы частично своими зажигательными речами (отец два раза слышал речи Троцкого), а частично массовыми расстрелами струсивших или бросивших свои подразделения красных командиров.

После этого отец в составе той же 11 армии участвовал в «освобождении от проклятых буржуев» Баку, Эривани и Тифлиса. В 1919 году он стал членом ВКП(б), принят ячейкой 32-й стрелковой дивизии, и закончил гражданскую войну командиром пулеметной роты.

После окончания войны отец, благодаря командирскому опыту, партийному стажу и некоторой грамотности, стал постоянным номенклатурным работником районного уровня, работая на разных хозяйственных должностях.

Мой старший брат Алексей закончил 10 классов, отслужил в армии, а вернувшись в станицу, стал деятельным комсомольцем и к началу войны был первым секретарем Ярославского райкома ВЛКСМ. 23 июня 1941 г. ушел в армию.

Средний брат Виктор 20 июня был на выпускном школьном вечере, а через два дня началась война. Последние два года в школе он был секретарем школьного комитета комсомола, то есть тоже был активным комсомольцем.

Из всего рассказанного вроде бы вытекает, что я должен был быть пропитан коммунистическим духом насквозь и, как выражался один опереточный персонаж, даже глуб-

же. Но этого не произошло. Я даже не поступил в комсомол в школе, куда меня усиленно тянули и дома, и в школе.

Я много читал, очень много. По сути дела, я прочел всю нашу Ярославскую районную библиотеку, и не только литературу художественную, но и политическую, и историческую. Меня очень интересовали события революции и гражданской войны; и об этом, с дополнениями из рассказов отца, я знал очень много. Лет с одиннадцати я регулярно читал газеты, центральные и местные, и следил за внутренними и международными событиями. Помню, как я передвигал красную нитку на карте Испании вслед за передвижением фронтов гражданской войны.

Грянул 1937 год. Прошло несколько просто оглушающих судебных процессов, где еще недавно великие пролетарские полководцы и бесстрашные борцы за дело рабочего класса и соратники Ленина превращались в негодяев и подлецов, продававших свою родину и свой народ за горсть сребреников, и достойных по этой причине самой лютой казни. Которая им, конечно, и обеспечивалась пролетарским правосудием с Вышинским и Ульрихом. Мое смятение увеличивалось и школьными событиями: чуть не каждый месяц нам приказывали замazyвать черной тушью портреты в учебниках истории, затем начали приказывать вырезать портреты из книг, а потом было просто велено сдать все учебники истории, суля страшные кары тому, кто не сдаст.

Я было сунулся с вопросами к отцу, но он хмуро оборвал меня и приказал ни с кем на эту тему даже не заговаривать.

Каток сталинских репрессий дошел уже и до нашей станицы. Первый секретарь райкома Хаатович был арестован, увезен в Армавир и там, по слухам, расстрелян в эту же ночь. Были арестованы председатель райисполкома Рябочкин, половина сотрудников аппарата исполкома, 13 из 19 председателей колхозов, оба директора МТС, почти весь персонал районной ветлечебницы и Бог его знает, кто еще. Позже в Ярославской был организован над ними показательный процесс, его транслировали по сети радио и громкоговорителями на улицах. Я тоже слушал и, будучи совсем мальчишкой, поражаюсь тем нелепостям, которые там произносились, преподносились как вражеские действия, направленные на подрыв Советской власти, а то и как реставрацию капитализма. Хорошо еще, что их не объявили японскими шпионами, но приговоры были суровыми: Рябочкин и несколько дру-

гих получили по 15 лет, остальные тоже немало.

Сгушались тучи над отцом. Он занимал в это время должность районного уполномоченного Комитета по заготовкам при Совнарком СССР, то есть был третьим лицом в районе и к тому же неподвластным райкому, что приводило к некоторым стычкам. Хаетовичу иногда хотелось подправить кое-какие цифры, чтобы район выглядел лучше, но отец не шел ни на какие подтасовки, и это, конечно, влияло на их отношения. Совсем другие отношения, вполне дружеские, были у отца с Рябочкиным, он бывал и у нас дома с женой Марьей Михайловной, которая преподавала у нас литературу.

Так вот, когда отца «разбирали» на партсобрании, его обвиняли в том, что он был «другом врага народа» (это за Рябочкина) и что они с Хаетовичем маскировались «враждой», чтобы им было сподручнее совместно проводить вражескую работу в пользу всемирного империализма. Одним словом, как говаривал мой дед: «Что сову пенюком, что сову об пенек».

Отца исключили из партии, и ожидалось худшее. Мать и отец не спали по ночам, и если где-либо поблизости слышалось тарактенье автомобиля, они вскакивали с постели и подходили к окнам: не за нами ли? За отцом так никто и не приехал. Почему это произошло после таких обвинений, никаких объяснений отец не давал, а на вопросы матери отвечал, что произошло чудо.

Что это было за чудо, я узнал много лет спустя, во время хрущевской оттепели, после разоблачения культа личности Сталина и начала процесса реабилитации сотен тысяч, а то и миллионов жертв сталинско-бериевского режима. Помогло же этому и то обстоятельство, что в это время вопросами поиска пострадавших и их реабилитации занимался в райкоме КПСС мой двоюродный брат Виктор Меркулов. Он изучал архивы, разыскивал уцелевших свидетелей, информация от которых тоже могла повлиять на ход расследования и решение о реабилитации.

Он и рассказал мне об этом чуде.

Вся районная верхушка была вызвана в Краснодар, за исключением, конечно, тех, кто уже был арестован и тех, кто уже был ликвидирован. Партийное и советское краевое руководство все уже было «врагами народа», кругом были новые люди, а один из секретарей крайкома вроде был привезен из Ставрополя, и никто его еще не знал в лицо. Процедура сортировки

«быть или не быть, вот в чем вопрос» была следующей: все толпились в приемной и в коридоре, в кабинет вызывали по одному, и там в течение пяти-десяти минут этот вопрос решался. У дверей кабинета стояли два «лба» из НКВД; каким-то образом они получали сигнал из кабинета, и у выходящего было две судьбы: или его эти два «лба» брали под руки и выводили в другие двери, или же они выходящего не трогали, и он свободно выходил в коридор и отправлялся на все четыре стороны.

Вызвали Рябочкина. Через несколько минут он вышел, чекисты взяли его под руки, он повернулся, проговорил: «Жора, скажи Марье Михайловне ...», — но его резко толкнули и вывели.

Следующим был отец. Зашел в кабинет, сидят трое: в середине новый секретарь крайкома, по бокам краевой прокурор и начальник краевого НКВД, на столе груда бумаг. Секретарь поднимает голову и с удивлением спрашивает: «А ты как сюда попал?»

Вот оно чудо! Партизан из того же отряда, что и отец, вместе воевали, вместе попали в плен к деникинцам, вместе были спасены, как они считали, самим Деникиным. Фамилии они оба не помнили, а в лицо друг друга узнали. Начальник НКВД что-то начал тому говорить, показывая на лежащие перед ними бумаги, но тот качнул головой и сказал: «Езжай домой, разберемся». В полной достоверности этого рассказа я не уверен, но другого у меня нет.

Через месяц или два, инструктор крайкома приехал в Ярославскую, было проведено партсобрание по рассмотрению жалобы отца. Это уже была пятая или даже десятая жалоба; я потому знаю, что я их все писал под диктовку отца, ибо почерк отца не смог бы разобрать ни один аптекарь. Эти жалобы знакомые отца или наши родственники тайком бросали в почтовые ящики железнодорожных поездов; отец опасался перехвата писем на нашей станичной почте. Ни на одну жалобу ответа не было. Особенно отец надеялся на помощь или хотя бы на ответ от Иосифа Апанасенко, которого считал своим другом и которому однажды крупно помог. Во время одной из партийных чисток отец был хотя и рядовым членом комиссии по чистке, но голос имел. Апанасенко был обвинен в партизанщине и невыполнении приказов (а за ним это водилось) и только голос отца спас его от исключения из партии. Апанасенко не ответил, хотя не исключено, что он письмо просто не получил. А возможно, он и сам в это время был под дамоч-

ловым мечом как очередная жертва. Ведь из его боевых товарищей, воевавших на Северном Кавказе, уже попали под топор очень многие: Левандовский, Жлоба, Ковтюх, если я не путаю. Скорее всего, и он чувствовал себя не очень уверенно, чтобы влезать в какие-то хлопоты по защите почти разоблаченного «врага народа».

Партсобрание было бурным, доносители-хулители-обвинители не сразу сложили оружие, но инструктор был неумолим: не надо слухов и сплетен, давайте факты. А фактов, кроме преферанса с врагом народа, не было.

Отца восстановили в партии, но с этого времени он замолчал, не рассказывал нам, своим детям, ничего, да и с другими людьми поступал так же.

Рассказал Виктор мне также, за что расстреляли Хаетовича. Он был эстонский еврей и эстонский коммунист. Компартия в Эстонии была запрещена, он был в подполье и руководил какой-то группой. Полиция раскрыла их группу, ему угрожал арест, он перешел границу, и его оставили в СССР. Человек он был опытный и грамотный, ему, естественно, хотелось должности повыше, но тогда существовало правило, по которому для назначения на пост первого секретаря райкома нужен был определенный стаж, которого ему не хватало. И он в той затертой, замызганной эстонской бумажке, которая должна была подтвердить партийный стаж, подправил одну цифру. За это и был расстрелян без суда. И жену свою обрек на мучительную смерть. В нашей станице до войны не было воров, и двери не запирались. Но одна воровка в станице все же была. Звали ее тетка Маруська, и она несколько раз попадалась то на одной курице, то на нескольких початках кукурузы. Ей давали три-четыре месяца. Когда началась война, она отбывала свой очередной срок, но быстро возвратилась и всем рассказывала, что была в одном лагере с женой Хаетовича. Их везли с Западной Украины, но немцы пересекли пути движения их эшелона. Тогда охрана распустила уголовниц, а политических загнали в несколько вагонов и сожгли.

Как же могли повлиять все эти события в стране, в станице, в семье, вся эта информация из газет, радио, рассказов отца и множества слухов на мировоззрение и миропонимание развитого, начитанного, склонного к анализу подростка? Стал ли я убежденным антисоветчиком, ярким врагом коммунистической идеи?

Нет, конечно. Для этого у меня просто не хватало знаний, не было

достаточного жизненного опыта. Я ничего не знал о ЧК, кроме того, что у чекистов чистые руки, холодная голова и горячее сердце. Я ничего не знал о методах и способах коллективизации и раскулачивания. Я пережил голод 1933 года, я видел валявшиеся на улицах станицы трупы людей, но я не представлял его масштабов, его причин и следствий. Я знал о существовании знаменитого людоедского закона от седьмого-восьмого, но я не мог даже представить количество жертв этого закона. А я ведь был «активным участником» применения этого закона. Нам, первоклашкам, выдали большие жестяные бляхи с надписью «Охрана урожая», и мы шайками человек по десять бегали по скошенным полям, а заведыв собиравшую колоски бабку, с дикими воплями окружали ее. Затем конные комсомольцы с такими же бляхами вели ее в станицу, и она шагала босыми ногами по стерне, зажата с двух сторон конями. Думаю, что даже Аль Капоне не провозжали столь торжественно.

Что же произошло со мной? Я просто перестал всему верить: и газетам, и радио, и художественным произведениям социалистического реализма, и выступлениям политиков — всему! Пытался что-то вычитать между строк, уловить какой-то потаенный смысл, но все это плохо мне удавалось — не хватало знания жизни.

Меня изрядно коробило и умеренное восхваление Сталина, приписываемые ему во всех аспектах жизни успехи, тем более что отец, рассказывая нам о гражданской войне, очень скромно оценивал роль Сталина в обороне Царицына.

Это недоверие к любому произнесенному или напечатанному слову сохранялось у меня и здесь, в казачьем эскадроне. Мы получали газеты «Казачья слава» и журнал «На казачьем посту»; в них публиковалось много материалов о советской жизни во всех ее аспектах, но я и им не здорово верил, то есть был чистым апостолом Фомой, который заявлял, что не поверит, если не вложит свои персты в раны Господни. Вот и я не мог нигде воочию увидеть эти самые «раны», то есть убедительные факты, доказывающие правдивость и истинность приводимых в газетах рассуждений и изложений.

И только в ГУЛАГе я увидел столько людей, столько этих самых фактов, что для такого количества «Господних ран» не хватит никаких перстов. Это была в своем подлинном виде Энциклопедия всей советской жизни в ее сталинском варианте.

Но это было потом.

Читатель уже, конечно, понял, что вступление в казачий эскадрон не было для меня какой-то трагедией. А было любопытно и познавательно.

Кроме того, мне страшно надоело пилить дрова.

11. БЕГ

Новый 1945 год ваш эскадрон встретил в городке Сулеев, расположенном километра в двадцати восточнее Петрокова, по-немецки Петрикау, по-польски Петркув. Сулеев стоит на реке Пилице, притоке Вислы; по этой реке немцы возводили линию укреплений, а делом этим, конечно же, занималась организация ТОДТ. Наш эскадрон нес свою привычную службу: охранял строящиеся объекты, доски, бревна, бетономешалки и так далее. Разместились казаки в зданиях извещетского завода, а унтер-офицерский состав — в нижнем этаже большого двухэтажного жилого дома, принадлежавшего местному зажиточному поляку, В одной из комнат нас было трое: вахмистр Петр, урядник Каплан, адыгеец и я, тоже уже ставший урядником. Жили мы дружно.

Руководила строительством ОТ, а рабочую силу поставляли три лагеря, вернее, один лагерь, разделенный проволокой на три части: советские военнопленные, евреи (говорили, что это венгерские евреи) и польская молодежь, парни и девушки 16-18 лет, которые сменялись через каждые две недели. Польская часть лагеря, хотя и имела ворота, вышки и прочие атрибуты, но никто их не охранял, а в проволочном ограждении, обращенном в сторону Пилицы, поляки проделали огромную дыру, через которую ходили все, в том числе и мы, направляясь купаться на Пилицу.

Тогда мы ничего не знали об Освенциме, Майданеке и прочих подобных местах, мы нигде не видели убийств и других способов уничтожения людей, но обращение немцев с евреями было жестоким, просто бесчеловечным. Вот простой пример: кончается рабочий день, наша группа подходит, чтобы принять объект под охрану, конвоиры начинают строить рабочих, но если с советскими пленными обращаются более или менее по-человечески, в крайнем случае покрикивают, то евреев бьют, толкают, травят собаками, страшно смотреть, и потом в лагере тоже можно было это видеть через проволоку, и не один раз.

Местность была лесистая, кое-где лес подступал вплотную к окраинам Сулеева. Однако никаких опасных событий не происходило:

поляки на нас не нападали, мы их не трогали. Более того, иногда были очень любопытные случаи. Так, однажды, в станционном буфете один изрядно подвыпивший «пан» рассказывал нам целых полчаса, как они следовали за нашим эскадронном от города Кельце, где мы выгузились с эшелона, до самого Сулеева по местности, где везде торчали знаменитые немецкие плакаты с надписью «Опасность банд. Проезд запрещен!» При этом они все время обсуждали вопрос: нападать или не нападать? Они нас не тронули.

Все вооруженные отряды в окрестных лесах принадлежали Армии Крайовой и подчинялись Лондонскому правительству, которое не очень-то дружило с СССР.

Каплан завел любовные шашни с дочкой хозяина нашего дома, хорошенькой Марысей, и мы с ним часто заходили к хозяевам во второй этаж. Там нередко мы встречались с ее родным дядей, который был лесничим и постоянно жил где-то в лесу. Не знаю, состоял ли он формально в АК, но что у него были с ними постоянные контакты (в лесу же живет), мы ничуть не сомневались. Несколько раз он спрашивал напрямую, на какого «дьябла» мы помогаем бошам. Мы отвечали, что мы не помогаем бошам, а боремся против большевиков, но это его не убеждало. Пару раз он прямо предложил перебежать в лес и обещал все это организовать и устроить.

Все это было до Варшавы. С августа 1944 года положение не только вблизи нашего расположения, но и во всей Польше круто изменилось. Если до этого большинство польского населения с нетерпением ждало прихода Красной Армии, то с началом Варшавского восстания настроение поляков стало откровенно враждебным.

Что бы ни утверждали советские и просоветские историки, в самой Польше в то время все было абсолютно ясным для всех. Лондонское польское правительство, зная, что советские войска вот-вот подойдут вплотную к Варшаве, сосредоточило в городе большинство боеспособных подразделений и даже направило туда несколько министров. Намерения были простыми: АК уничтожает немецкий гарнизон Варшавы и восстанавливает какой-то государственный порядок. Подходят советские войска, и теперь они вынуждены как-то сотрудничать с восстановленной государственной властью и имеющейся у этой власти вооруженной силой. И такое сотрудничество должно осуществляться на всей территории Польши, принятые для двух союзных госу-

дарств в борьбе с общим врагом.

Так планировали поляки, и вначале события происходили, с их точки зрения, вполне благополучно. 28 июля 1944 года советские войска форсировали Вислу южнее Варшавы и создали плацдарм на ее левом берегу. 31 июля 2-я танковая советская армия прорвалась к Праге — предместью Варшавы на правом берегу Вислы, а на другой день, 1 августа, началось восстание. За первые два дня отряды АК фактически уничтожили немецкий гарнизон Варшавы, и вот она радость — встреча двух армий, сражающихся против одного врага. Это было в мечтах и планах. Действительность была неожиданной и страшной. Советские войска остановились как вкопанные на всем протяжении фронта возле Варшавы. И немцы, пользуясь пассивностью советских войск, принялись усердно и систематически уничтожать бойцов АК и город Варшаву. 2 октября оставшиеся в живых бойцы АК сложили оружие. Прекрасный город Варшава представлял из себя груды развалин, заваленную трупами людей, лучших людей польского народа. Так, по крайней мере, считали поляки.

О том, чего добивались поляки, я уже говорил. Но, как говорится, одно думает гнедой, а другое — тот, кто его седлает. А седлал все события в то время в том регионе только один человек — Иосиф Сталин. Ему же вождю мирового пролетариата, вовсе ни к чему было иметь в Польше людей, наверняка не желавших помогать ему в построении мирового коммунизма. Тем более, что он уже заранее, буквально за несколько дней до начала восстания создал в Люблине Польский Комитет нацивального освобождения, в составе которого была, например, Ванда Василевская, по званию — полковой комиссар Красной Армии, и другие подобные ей липовые поляки. Была создана и Польская Армия, в составе которой едва ли было много настоящих поляков. Настоящие поляки были в Армии Андер-са и сражались в Италии, а здесь в Польскую Армию загоняли любых рязанцев и вологодцев, лишь бы фамилии их звучали наподобие Ковальских, Малиновских и прочих Перечертановских. Я в своей жизни встречал немало таких людей, служивших в Войске Польском и не знавших ни слова по-польски. Более того, расскажу прямо-таки анекдотический случай. Покупаю как-то еще в советское время, книгу рассказов польских писателей. И натываюсь на такой рассказ. Автор, просоветски настроенный поляк, заканчивает какие-то ускоренные

курсы артиллерийских офицеров, получает чин и направляется на службу в артиллерийский дивизион Войска Польского. Напоминаю — **ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО**. Прибывает он туда и оказывается единственным офицером в дивизионе, говорящим по-польски. В дивизионе офицеров — человек 25-30.

Вот тебе и польская армия!

Вот по всему этому и стояли советские танковые дивизии на берегу Вислы, ожидая, когда немцы добьют Армию Крайову.

И это знали все. Знали и немцы. Всем известно, какие жестокие расправы учиняли немцы над захваченными партизанами и вообще участниками Сопротивления в любой стране. На этот раз все было по-иному. Немцы отнеслись к сдавшимся повстанцам просто милостиво, многих разослали по рабочим польским лагерям, где они были без охраны, по крайней мере, видимой. Эта все было сделано для того, чтобы они рассказывали полякам о событиях в Варшаве. В Сулеев тоже привезли человек 5-6; с двумя из них я очень подробно беседовал. Я сейчас читаю в Советской Энциклопедии «Великая Отечественная война», сколько тысяч самолетов-вылетов сделала советская авиация, снабжая повстанцев всем необходимым. А мои собеседники утверждали, что за два месяца восстания Советы не сбросили ни одного патрона, ни одного сухаря. Некоторую помощь, хотя и совсем недостаточную, оказывали англичане, аж из самой Англии, на четырехмоторных бомбардировщиках.

Кому верить? Я склонен больше верить самим полякам, ведь в той же Энциклопедии я вижу столько всякой и разнообразной лжи по многим событиям, по многим личностям, и вообще по всему на свете.

Результат же этих и советских и немецких действий был один — ненависть всех, повторяю, всех поляков ко всему советскому. И после этого Сталин хотел построить в Польше социализм.

Даже наш приятель дядя-лесничий теперь говорил: «Если вы теперь заявитесь в любой отряд, а там узнают, что вы намереваетесь ждать красных, вас убьют в тот же день». Что касается просоветских партизанских отрядов АЛ (Армии Людовой), то что-то я о них не слышал. Возможно, эти отряды существовали только в советской и просоветской пропаганде.

Ноябрь, декабрь. Стало холодно, выпал снег. К тому же у нас появился особо проклятый объект. В глухом лесу начато строительство какого-то важного командного пункта, а это в шести километрах от

Сулеева. Каждый день в час ночи туда отправляется смена, а предыдущая возвращается в казармы.

Меня это все вроде бы не касалось: я был командиром пулеметчиков. У нас в эскадроне было четыре станковых пулемета Шварцкозе, правда, один из них неисправный. Это были неуклюжие, тяжелые окопные пулеметы времен первой мировой войны, с водяным охлаждением, на мощных треногах, с длинными пламегасителями.

Вообще, делать этим пулеметам было нечего, и пулеметчики ходили в обычные караулы. А я время от времени подменял урядников в разных местах.

Но дьявол в своих античеловеческих деяниях не дремлет, и я влез все-таки в чрезвычайно неприятное для меня дело.

Был у нас в эскадроне один казак по фамилии Антипов в возрасте под пятьдесят. Служил он сапожником, и было у него две пламенные страсти, а точнее две ненависти. Первая — он люто ненавидел Советскую власть, а вторая — так же, если не сильнее он ненавидел всех мало-мальских грамотных людей, считая их всех виновниками и малых, и больших бед на белом свете. И, соответственно, никогда не жалел по их адресу русских выражений во всем их многообразии, Я, естественно, попадал под его ярость, а так как я не имел привычки молчать, то это приводило к перебранкам и стычкам (без драк, конечно, потому что и он, и я не употребляли крепких напитков).

После одной из таких перепалок мне сказали, что разбушевавшийся казак пообещал четверть бимберу — польской самогонки тому, кто отправит меня на «проклятый» объект. Я немедленно передал это вахмистру Петру, который был не прочь «заработать» эту четверть, он немного, помялся, но я проявил настойчивость (ну, не осел?), и он согласился.

В двенадцать часов ночи я впервые веду смену на «проклятый» объект. Идем по извилистой тропинке в густом лесу, и я сразу же думаю, что если кому-то вздумается устроить на нас засаду, то нам всем здесь и гибель, некоторые меры все же принимаю: разбиваю наш отряд на три части: впереди мы двое, метров через десять шестеро, еще через десять последнее два. Так появляются хоть какие-то шансы кому-нибудь успеть занять оборону.

Доходим благополучно, нас окликают. Никаких паролей, узнаем друг друга по голосам. Урядник уходящей смены объясняет мне схему караула. Я расставляю своих, а те уходят.

Схема такая: три парных поста по приблизительно равнобедренному треугольнику со сторонами метров 70-80, внутри треугольника — готовый блиндаж, возле него — ручной пулемет с двумя пулеметчиками. Мое место в блиндаже с одним помощником; и мы с ним должны через каждые полчаса-час обходить парные посты.

После первого обхода и некоторых размышлений я пришел к такому выводу: если кто-то вздумает на нас напасть, защитить наши доски и железки мы не сможем. Хуже того, защитить мы не сможем и самих себя, что гораздо важнее. Нужны реформы, и они последовали незамедлительно. Треугольную конфигурацию я сохранил, только теперь сторона стала размером метров десять, так что часовые могли видеть друг друга и при необходимости даже разговаривать. И вместо двух на постах и возле пулемета я оставил по одному, и они могли менять друг друга. Теперь мы смогли бы в случае чего какое-то время продержаться.

Конечно, к утру, когда должна была подходить рабочая сила, а с ней всякое начальство, мы разместились по старой схеме и отработали, что все в порядке, а доски целы.

Хорошие идеи распространяются быстро.

12 января 1945 года советские войска начали одно из своих самых мощных наступлений на всем фронте, почти, как говорили поляки, «од жожа до жожа». А 15 января рано утром наш эскадрон двинулся из Сулеева. Конный взвод на конях, а мы пешком. До Петрокова добрались быстро, а дальше движение замедлилось: дороги были запружены движущимся транспортом всех типов и видов. Почти проехали Петроков и остановились снова: впереди пробка. Мы троим: Петр, Каплан и я прошли вперед с полкилометра, дошли до перекрестка и остановились, поджидая свою колонну. Но не дождалась.

Послышался грозный гул; с востока приближалась большая, штук в 20, группа советских пикирующих бомбардировщиков ПЕ-2. Все бросилась врассыпную, я перепрыгнул каменный каналчик шириной чуть меньше метра, подумал было, что хорошо укрыться в нем, но по нему текла вода, хотя и всего на пару сантиметров, но ложиться в воду в январе я не решился.

Во время войны по всей Европе возле дорог везде были вырыты щели для укрытия от воздушных налетов. Я добежал до такой щели, и хотя она была уже забита людьми, лег сверху. И сразу раздался вой первой бомбы. Щели эти роются

зигзагом, и так получалось, что я лежал на одном конце щели, а на другом точно в таком же положении лежал немец-майор. Мы оказались в роли наблюдателей, потому что те, нижние, видеть ничего не могли.

Интересная получалась картина. Мы с майором выкрикиваем: «Пикирует! Сбросил», и человеческая груда сжимается, мы с майором опускаемся и тоже оказываемся ниже уровня земли, то есть в укрытии. Потом грохот разрывов, свист пролетающих осколков, и мы начинаем потихоньку приподыматься над землей. И так — много раз. В нашу щель ни одна бомба не попала, иначе я не рассказывал бы эту историю.

Все имеет свой конец, самолеты отбомбились и уходят, все уцелевшие выбирают из своих укрытий. Я снова перепрыгнул через каналчик и вижу, что некоторые поднимаются и из него. Смерть страшнее, чем мокрая шинель.

Что творится на дороге! Все разбито, изуродовано, трупы убитых, крики раненых, куски разорванных тел людей и лошадей. Кругом кровь, кровь, кровь. Наша тройца собирается вместе: что делать? Неизвестно, что с нашим эскадром, досталось и ему или миновала его чаша сия?

Размышлять некогда: на небе с востока опять что-то гудит. В это время почти рядом с нами послышался рокот работающего двигателя, видим: несколько солдат завели уцелевший грузовик и вот-вот тронутся. Повторяю — размышлять некогда, мы забираемся в кузов автомобиля и поскорее от страшного, перекрестка. А там, через пару минут опять загрохотало.

Мы достаточно знали географию этого района Польши, чтобы быстро по дорожным указателям определить, что едем мы в сторону Лодзи, что было нам совершенно ни к чему. Если наш эскадрон еще цел, то движется он или в сторону Бреслау, или в сторону Глогау, где есть переправы через Одер. Поэтому в городе Пябьянице мы покинули автомобиль и двинулись пешком на Калиш, что более или менее отвечало, возможному движению эскадрона.

Итак, наш отряд: три человека, все начальники, вооружение — один автомат, две винтовки, три пистолета, продовольствия нет, средств транспорта нет, возможностей ночевать в открытом поле нет. Петр и Каплан в шинелях, я в теплой куртке, которая туда-сюда: можно сделать камуфляжной, можно белой. Но и в ней на голую землю или снег не ляжешь. Положение почти как наполеоновской армии, уходящей

из Москвы.

Движемся пешим порядком, расспрашивая поляков. Мы можем обойтись и без расспросов, но нам не хочется идти по хорошим автомобильным дорогам, памятуя Петроков и ПЕ-2. Поэтому мы и используем по возможности всякие боковые дороги, дорожки и тропинки. Поляки не сразу понимают, кто мы такие, а это мы им и не очень разъясняем. Просто мы с Капланом уже вполне сносно говорим польски, и это здорово помогает.

Прошли километров пятнадцать, начинает темнеть, пора подумать о ночлеге. Видим справа, в полкилометре от дороги, большую группу строений и направляемся туда. Крупный фольварк, конюшни, телятники, свинарники, мастерские, много людей, все — поляки. Перночевали, утром нас накормили, можно в путь, но у кого-то появляется идея: а не разжиться ли нам здесь транспортом? Находим управляющего — поляка, он рассказывает, что владелец всего этого, немец уехал позавчера, сказал, что вернется через неделю, строго приказал, чтобы все было в порядке, никаких потерь и убытков.

Мы в свою очередь разъясняем ему ситуацию, говорим, что немец не вернется ни через неделю, ни через сто недель, а через неделю здесь будут большевики, которые заберут все без разговоров, и отвечать будет не перед кем. А ему самому, если он хорошо служил немцам и не хочет за это получить от большевиков что-то страшное, лучше всего взять подводу и скрыться у каких-либо родичей в глухой деревне. А кроме того, он должен выдать нам пару лошадей и подводу.

Управляющий было слегка помялся, но я настроил ему расписку, что воинская часть № 1785/17 реквизирует подводу с лошадьми для военных надобностей, и он уступил. Каплан считался у нас лучшим специалистом по лошадям, и уже через час мы выезжали на подводе, запряженной парой великолепных лошадей и с тремя мешками овса.

Если управляющий не последовал нашему совету, он совершил большую глупость. Мы ему говорили о неделе. Разговор этот состоялся 16 января, а уже 19 января Красная Армия захватила Лодзь, а это от его фольварка не более 40-50 километров.

А мы несемся легкой рысью на Калиш. Кони — ясные соколы, спасибо Каплану. Если движение всего потока по шоссе кажется нам слишком медленным, то мы направо, через кювет, пахота, не пахота, нам все равно, находим какую-ни-

будь проселочную или полевою, и — вперед. Прикидываю, что наша средняя скорость раза в три выше той шоссейной скорости непрерывной разнотранспортной змеи.

Происходят и неожиданности. Едем вот так полевой дорогой, впереди шагает человек с винтовкой на ремне, и спина этого человека кажется нам знакомой. Догоняем, точно — Ленька, казак из нашего эскадрона, вернее бывший казак. Самый недисциплинированный, нередко под газом и на посту неаккуратный, короче говоря, грешный во всех отношениях. Его неоднократно наказывали и, наконец, из Сулеева куда-то отправили, по слухам, в лагерь военнопленных. И вот теперь он нам попался на глухой польской дороге.

Теперь наша группа вообще стала превращаться в подлинное войсковое подразделение — у нас появился первый рядовой.

Наша маневренность имела еще одну очень благоприятную сторону, она, во-первых, давала возможность вообще объезжать населенные пункты, где сильно замедлялось движение, а во-вторых — уменьшало опасность попасть под бомбежку, что уже однажды и произошло. Все немецкое население уходило на запад до последнего человека, оставляя дома, вещи, скот и всякие запасы. Это была уже территория не генерал-губернаторства, а районы, полностью включенные в состав рейха. Поляки здесь не имели никаких прав и только могли быть работниками у немцев, помещиков или полупомещиков. Жили немцы по нашим тогдашним понятиям очень богато. Дома, обстановка, мебель, ковры, посуда — все это просто поражало. Всякого тряпья, даже очень богатого, можно было набрать сколько угодно, но мы ничего не брали, зачем нам все это? Только в одном доме мы погрузили на подводу с десятков роскошных одеял, атласных и украшенных узорами из мелких перламутровых пуговиц, причем из настоящего перламутра. Для нас это было просто необходимостью, приходилось ночевать и в сараях, и в чистом поле. Хотя и жалко было иногда укладывать такую красоту на грязную солому.

Транспортную проблему мы решили. Настало время решить и продовольственную. Подъезжаем к вечеру к очередной усадьбе. Роскошный дом, метрах в ста — жалкие халупы поляков. Распрягаем, осматриваемся. Коровники, свинарники, живности всякой много. Решаем приступить к заготовкам.

Для начала посылаем Леньку за поляками. Вообще, если надо кого-то привести, то Ленька в таком деле

незаменим. Через десять минут трое мужиков-поляков перед нами. Объясняем: нужно нарезать трех свиной и к утру разделать и засолить. Половина мяса — ваша. Поляки не соглашаются, боятся наказаний со стороны немцев. Нужно сказать, что здесь, на территории Германии совсем другие поляки, чем в Генерал-губернаторстве; там — гордые, смелые, здесь — забитые и запуганные.

После некоторых переговоров они соглашаются заняться разделкой, если мы сами нарежем свиной. Ну, это не вопрос. Ленька идет в свинарник, несколько выстрелов, и «забирайте свиной и начинайте!»

Проходим мимо одной из запертых дверей, я спрашиваю поляка, что здесь, он отвечает: мука. Открываем дверь, действительно, штабель мешков с мукой. Когда на мой вопрос поляк отвечает, что их «кобеты» сами пекут хлеб, я отправляю с ним мешок с заданием напечь к утру сколько можно хлеба.

Работа закипела: поляки разделяют, режут, смолят соломой, солят, укладывают. А у нас — кто-то на посту, мы не ночуем без охраны.

— Пан офицер, а голову куда?

— Тащи домой. Вас трое, и голов три.

— Пан офицер, — это очередное постовому, — а кишки куда? А печенку?

— Все тащите домой.

И так далее. Конечно, мы бы не отказались от свежей колбаски, но дело это требует времени, да и работа эта женская, а женщин в нашем дружном коллективе не было.

К утру все было готово: на подводе два больших деревянных ящика с засоленным салом, один ящик со свежим мясом (январь все-таки) и мешок муки. Подошли две полячки, принесли двенадцать огромных как автомобильное колесо караванов с райским запахом и немедленно начали варить свежую свинину с луком. Все поляки сначала отказывались разделить с нами трапезу (мы — паны, они — рабы), но мы настояли, и пир удался на диво.

Подхожу к одной из полячек, которые пекли хлеб. Не молоденькая, лет тридцать, но красива как богиня. Полячки — самые красивые женщины на свете; это еще Пушкин знал, а я подтверждаю.

— Мука дома есть? — спрашиваю.

— Мало.

— Иди, скажи мужу, чтобы взял мешок муки и отнес домой.

Она заулыбалась и стала еще краше, хотя это, вроде, было и невозможно, подходит к мужу, разговор идет, она требует, он отказывается. Я подзываю Леньку, мы

забираем поляка, подводим к кладовке, поворачиваем спиной к кладовке, берем мешок, кладем ему на плечи и выводим за ворота.

— Скажи мужу, — говорю я красавице, — если он сбросит мешок на дороге, мы его убьем.

И они пошли.

Вот здесь у меня и появилась мысль о политической и экономической реформе. Мы знали, что при Польше здесь были крестьяне-единоличники, жили бедно, но корова была у каждого. Немцы забрали землю и отобрали коров, поляки стали батраками и без коров.

Реформу одобрили все, и через 20 минут Ленька организовал все: человек пятнадцать поляков стояли перед крыльцом нашего дворца, а с десятком женщин робко толпились возле ворот, не ожидая, видимо, ничего хорошего.

Я произнес речь по-польски.

— Я не вем, Панове, цо то бендзе с земье, але крову, хто хце, може отши-маць... и так далее в том смысле, чтобы они сейчас же разобрали коров по дворам, потому что немцы не вернутся, а Советы заберут все, и поляки опять останутся ни с чем. Женщины возле ворот оживились, заговорили, но мужики почти не среагировали: стоят и хмуро молчат. То есть, ясно обнаружилось четкое политическое размежевание: пани — за, паны — против. Тут снова включился Ленька, он взял ближайшего поляка за плечо и повел в коровник; и вот они выходят, поляк ведет корову за веревку, привязанную к рогам, а Ленька подталкивает прикладом, нет, не корову, а поляка.

— Доведи до дому, привяжи во дворе и скажи ему, что если выведет корову на улицу, мы его убьем, — кричит громко Леньке Петр порусски, но поляки понимают шутку, ухмыляются, не боятся.

После этого человек пять-шесть к радости женщин взяли по корове, и повели ко дворам уже безо всякого нажима.

Время нас поджимало, и закончить реколлективизацию полностью не удалось, хотя и часть муки мы успели раздать. Мы двинулись в путь, теперь уже достаточно обеспеченные продовольствием, к тому же перед самым отъездом нам погрузили на подводу бидон с молоком.

На следующий день, двигаясь в общем потоке, мы увидели впереди какой-то городок и, как всегда, свернули с асфальта, проехали небольшую рощу, нашли подходящую объездную проселочную дорогу и уже находились на одном уровне с центром города, как появилась большая группа советских самолетов и устроила настоящий ад в го-

роде, хорошо видный нам с возвышенности, по которой пролегла наша дорога. Грохот, дым и пламя закрыли весь город. Вовремя мы свернули. Вдруг видим: от города прямо по полю к нам мчится всадник. Главное — всадник в белой папахе. Мы замахали руками, даже стрелять вверх начали. Подъезжает он к нам. Разговор простой.

— Казак?

— Казак. А вы: кто?

— И мы казаки.

— А еда у вас есть?

— Есть, сколько хочешь.

— Можно, и я к вам? -Валяй.

И стало у нас конное разведывательное подразделение. Подъезжаем к Одеру. Мост в городе Глогау. По всей нашей нескончаемой колонне разговоры: на мосту строжайший контроль, всех задерживают, сортируют, а кого-то ловят и даже расстреливают. Нам все это ни к чему, мы сами по себе, и решаем, что и мост нам не здорово нужен, мы и по льду где угодно переберемся. А то засадят куда-нибудь в окопы. Не тут-то было. Оказывается, немецкие саперы круглосуточно взрывают лед на Одере. Интересно, зачем? Чтобы затруднить дальнейшее продвижение приближающихся советских войск или же исключить бесконтрольную переправу движущихся неорганизованной массы своих собственных солдат?

Пришлось все-таки через мост. Действительно, здесь сортировали строго, я бы даже сказал: жестоко. Мы с Петром подошли к вахмистру с орлом на груди, он посмотрел наши документы, спросил, сколько нас и махнул перчаткой: проезжайте, мол. Оборона Одера обошлась без нас.

К вечеру этого же дня нас ожидал еще один сюрприз. Едем мы это, не торопясь, тем более, что теперь не знаем, куда ехать. Но в смысле маршрута Господь нам помог. Видим, по обочине дороги шкандыбают своими кривыми ногами наш эскадронный командир ОТ-фюрер Кайзер. Сам шагает, а эскадрона близко нет. Подъехали, он страшно обрадовался. Мы посадили его на наше транспортное средство, и первым делом он указал нам маршрут. Он родом был из местности возле Вайсвассера, там жила его семья, а это от Глогау около ста километров. За два дня мы добрались до его родных мест. Город это или деревня, не знаю, в Германии они не очень отличаются. Мы поселились в школе, выпались, помылись, искупались (где-то Кайзер раздобыл нам сменное белье). Место глухое, здесь военных, наверно, еще в глаза не видели. Мальчишки за нами, особенно за кавали-

еристом, стайками ходят: вот, мол, отчаянные вояки. Пробыли мы здесь три дня, Кайзер откуда-то привез нам маршбефель на город Колин в Чехии, устроил нам всем прощальный обед с жареной картошкой и микроскопическими порциями шнапса, и мы двинулись в дальнейший поход, оставив хозяевам мешок муки, который мы так и не открыли, и с десяток килограммов сала, чему они страшно обрадовались, ибо с продовольствием в самой Германии было туговато.

Германия. Едем, кругом тихо, мирно, никакой войны не чувствуется. Дети играют, девушки по вечерам в каком-нибудь помещении танцуют, и мы иногда подключаемся. Каплан и я танцуем вальсы и танго по-настоящему, остальные из нашей шайки — так, чтобы при случае пощупать кое-кого, впрочем, безо всяких скандалов. Никакого, пренебрежения или снисходительности к «унтерменшам» (мы же славяне) не чувствуется.

Возможно, это в какой-то степени объясняется тем, что мы не заезжем в города, не желая нарваться на авиацию союзников, а в деревнях все попроще, в том числе девочки.

Плохо одно. По любой дороге через 5-7 километров обязательно кабачок, поесть в нем можно только по карточкам или талонам, которых у нас, конечно, нет. А вот пивом хоть залейся и без всяких карточек. Стоит оно копейки, уж не помню, то ли пятнадцать, то ли двадцать пфеннигов, но именно этих несчастных пфеннигов у нас и нет.

Пробуем реализовать наши замечательные атласные одеяла, но покупателей на них не находится.

Германия — не Польша. Это в Польше можно было продать все: хоть рваную шинель, хоть ботинки без подошвы за соответствующую, само собой, цену.

Здесь ничего продать невозможно, а что-либо военное — даже нечего и думать.

Наконец, одна толстая немка смилостивилась и поддалась на наши уговоры, но купить согласилась не одеяла, а только пуговицы. Мы всем отрядом далеко за полночь стригли эти проклятые пуговицы и утром отдали ей целую кастрюлю. Теперь на пиво хватало. Я до тех пор пиво даже не пробовал. Теперь мне понравилось темное бархатное. Все равно, больше одной кружки я не выпивал, а ребята пили и по 5-6 кружек сразу.

Пересекли границу протектората Чехия и Моравия. Тут сразу же, на первой же ночевке, едва не попали в переплет. На этот раз мы решили заночевать в усадьбе од-

ного чеха. Если хорошо понимаешь по-польски, то и с чехом разговаривать легко. Мы с хозяином порасуждали о том, о сем, он накормил нас горячим супом и молоком, и мы улеглись. Но спать пришлось недолго. После полуночи вдруг загремело, загрохотало так, что весь дом вздрагивал. Мы выскочили во двор, там уже стоял хозяин. А невдалеке, километрах в 10 — как раз в том направлении, куда мы собирались ехать вчера, творилось, нечто ужасное, там было море огня. Хозяин сказал, что там находится небольшой завод по производству искусственного горючего: из угля делали бензин. Скорее всего, бомбили именно этот завод.

На следующий день мы проезжали мимо этого скорбного места. Ничего не скажешь: чистая работа. Завод этот располагался не в населенном пункте, а в чистом зеленом озимом поле, километрах 2-х от дороги, по которой мы ехали.

От завода осталась только, совершенно бесформенная и плоская гряда развалин. А в радиусе около километра воронки лежали так густо, что ни травинки зелененькой видно не было. А дальше воронки, по нашему разумению, от полутонных бомб, располагались все реже и реже в зелени поля, а несколько воронок добрались и до нашей дороги; мы их объехали. И все это сделано ночью.

В Колине мы получили маршбефель на Прагу, и нам было приказано передвигаться дальше железнодорожным транспортом, а лошадей и подводу сдать на следующей станции. Мы выполнили эти указания наполовину: поехали дальше железной дорогой, а лошадей и подводу продали чехам и обеспечили себя продовольствием на долгое время.

В Праге мы получили направление на город Цветль в Австрии, куда надо было ехать через Вену.

Железнодорожный транспорт представлял в это время в Германии жалкое зрелище. Английские и американские самолеты гонялись буквально за каждым поездом, станции и мосты подвергались постоянным ударам с воздуха. Вагон, в котором мы ехали, не имел ни одного целого стекла, зато всяких непредусмотренных дыр было в нем предостаточно.

До Вены или, вернее, до нужного нам вокзала мы не доехали. Поезд остановился, было объявлено, что дальше он не пойдет, и мы двинулись пешком. Через пару километров дошли до моста, полюбовались величественным «голубым Дунаем» и едва сошли с моста, раздались сигналы воздушной тревоги. Искать стационарные бомбоубе-

Русские казаки в составе Германского Вермахта

жища, не зная города, было бессмысленно, но сразу справа за мостом был небольшой скверик, а в нем щели, туда мы и бросились.

Союзники бомбили с очень большой высоты, так что даже четырехмоторные бомбардировщики были едва заметны в небе. Первая тройка сделала поворот прямо над нами и, видя эти белые кривые полосы, мы решили, что целью будет именно наш мост через Дунай. Помня же тот бензиновый заводик, уже предвидели свой конец. Однако, поворот этот обозначал поворот всей армады и больше ничего. Я сначала считал самолеты, досчитал до двухсот и бросил. Видно, было штук триста; и они громили промышленный район Вены на левом берегу Дуная, то есть, откуда мы пришли.

Бомбардировка закончилась, мы прошли по улицам Вены, разыскивая нужный нам вокзал Франца Иосифа, нашли его и к вечеру уже ехали дальше. До Цветля прямые поезда не ходили, пришлось пересест на другой. Тут меня подводит память, я не помню, была ли это узкоколейка, только помню маленькие, сильно раскачивающиеся вагончики, и как мы переезжали пропасти по узеньким мостикам без боковых ферм и даже без перил. Страшно было даже глянуть вниз.

Позже мне пришлось наблюдать со дна такой пропасти, как далеко вверх на высоченных каменных опорах как будто тонкой ниточкой висел мост, а по нему шел игрушечный поезд.

Мы прибыли в Цветль, возле которого располагался 5-й Запасной казачий полк, который собирал, формировал и направлял пополнения 15-му казачьему кавалерийскому корпусу.

12. 15-й КАЗАЧИЙ КОРПУС

Я прибыл в 15-й казачий кавалерийский корпус, и все события моей ближайшей жизни связаны с этим войсковым соединением. Что же это было такое - 15-й корпус? Надо дать читателю ясное понятие об этом, и тут у меня полное расстройство в мыслях. Об этом корпусе можно написать множество книг, и за рубежом их немало издано. А можно дать небольшую справку для тех читателей, которые, зная много чего о Великой Отечественной войне, до сих пор и представить себе не могут, что могло существовать крупное воинское соединение, насчитывающее к концу войны 25 тысяч бойцов, состоящее почти полностью из советских граждан и сражающихся с оружием в руках против советских войск и их коммунистических иноземных

помощников и соратников.

С началом войны сразу обнаружилось, что множество советских граждан не горело желанием сражаться за советскую власть. Это обстоятельство не один раз отмечал в своих приказах Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин, указывая, что бойцы и командиры Красной Армии не проявляют нужной стойкости и толпами сдаются в плен.

Таким образом, многомиллионные цифры находившихся в немецком плену советских военнослужащих объясняются не только талантами германских фельдмаршалов и высокими боевыми качествами вермахта, но и нежеланием советских людей проливать кровь за призрачные идеи социализма, который, как утверждал Сталин, уже был построен в СССР.

Более того, среди тех, кто не хотел воевать за Советы, обнаружилось немало таких, которые желали бороться против Советов, и не только в полиции или в городских управах, но и с оружием в руках на фронтовых позициях. Так, командир полка Красной Армии — донской казак майор Иван Кононов перешел с крупной группой подчиненных командиров и бойцов на сторону немцев и сразу же организовал вооруженный отряд для действий на фронте. И это был не единственный случай.

И гражданское население городов и сел Советского Союза нередко поначалу встречало, особенно на Украине, входящие немецкие войска весьма дружелюбно, иногда даже с цветами и хлебом-солью, считая, что это событие является началом долгожданного освобождения от большевиков и их «вождя и учителя всех народов». И, думается, правы те историки Второй Мировой войны, которые утверждают, что если бы немцы, выполняя политическую стратегию германского нацистского руководства и ослепленные своими успехами в военных действиях в Европе, не начали сразу и немедленно проявлять свою звериную и бесчеловечную сущность в презрении ко всему не немецкому, результаты Второй мировой войны были бы другими.

Особый разговор о казачестве. Сейчас идут споры о том, что такое казачество: сословие или народность, а то и вовсе некое новое определение «этническая общность», хотя никто толком не знает, что сие означает. В эти споры я сейчас включаться не буду, только скажу, что как казачество ни называй, а оно сыграло важнейшую роль в истории России. Есть историки, которые считают, что без казачества не было бы и России. Конечно, имеет-

ся в виду не теперешняя общипанная Россия. Возможно, в этих утверждениях и есть некоторое преувеличение, но были Ермак, Поярков, Хабаров, Атласов, Дежнев и многие, ныне безвестные казачьи головы и атаманы, и именно они, а не царские воеводы и стольники, раздвинули пределы России до вод Тихого океана и Северных льдов, а затем стали на охрану новых рубежей державы.

Нет необходимости рассказывать о деяниях казаков на службе Российской державе в многочисленных русско-турецких войнах, в русско-прусской, русско-шведской, Отечественной войне 1812 года и других событиях, где требовались высокое воинское мастерство, доблесть и чувство неистребимого боевого товарищества. Сам Наполеон Бонапарт позавидовал российскому императору Александру 1 в том, что тот имеет у себя таких замечательных воинов как казаки.

В пламенных событиях 1917 года, когда русская армия под влиянием военных неудач и большевистской пропаганды стремительно разваливалась, только казачьи части, абсолютно не зная дезертирства, сохранили воинское устройство и в порядке возвращались домой. Только малая часть казаков пришла с фронта «обольшевичеными», подавляющее большинство казаков не приняла идей большевистской пропаганды и поэтому все оказались на «белой» стороне в разгоревшейся гражданской войне. По сути дела, во всех белых армиях главной военной силой были казаки.

Эти обстоятельства, а возможно, и просто страх перед большим количеством людей сплоченных и свободолюбивых, вызвали у большевистских руководителей яростную ненависть к казачеству. Так было принято решение о «рассказачивании», то есть о ликвидации казачества численностью в несколько миллионов человек, как чего-то особенного и хоть чуть-чуть самостоятельного. Руководство этим процессом возглавляли такие вожди как В. Ленин, Л. Троцкий и Я. Свердлов. Выше этих людей в тогдашней иерархии коммунистической власти в России не было. А заканчивал эту живодерскую «работу» уже Иосиф Сталин.

«Рассказачивание» заключалось как в прямом физическом уничтожении казаков путем массовых расстрелов, производимых ЧК, ЧОНами и многочисленными ревкомами, так и реквизициями, высылками целых станиц и заменой казачьего населения привозимыми «бедняками» из центральной России, а позже принудительной коллективизацией,

раскулачиванием, голо-домором 1933 года, причем, процесс выселения и переселения контролировался в свое время лично Лениным.

Все эти намерения были выполнены большевистской властью с завидной настойчивостью и беспримерной жестокостью. Казачество всех существовавших войск было практически уничтожено. Во время моего детства в нашей станице само слово «казак» не употреблялось.

Казачество, как я уже сказал, было уничтожено, но казачий дух уцелел, он тлел в душах многих людей и ждал своего часа, чтобы разгореться сильно и ярко. И дождался.

Практически с первых дней войны начали создаваться группы и отряды казаков, решительно настроенных на вооруженную борьбу против Советской власти, причем происходило это не по немецкой инициативе, а в первое время и без их поддержки. Однако, вскоре убедившись в абсолютной надежности казаков и в высокой эффективности их действий в боевой обстановке, немецкое фронтовое командование стало оказывать казакам всемерную помощь оружием и снаряжением, что сразу же привело к укрупнению казачьих отрядов и созданию уже настоящих воинских частей.

Указывая на высокую эффективность действий казаков, приведу один пример. В феврале 1942 года в районе Смоленска немецкие войска окружили прорвавшийся в глубокий тыл кавалерийский корпус Красной Армии под командованием генерала Белова и приступили к его уничтожению. Принимавший участие в этой операции 600-й казачий батальон численностью в 2000 казаков (немцы никак не хотели именовать его полком) под командованием майора И. Кононова взял в плен 700 красноармейцев и командиров, захватил более тысячи лошадей, 23 орудия, 5 танков и много другого военного имущества. Многие ли из хваленых немецких танковых дивизий могли совершить такое за несколько дней боев.

С вступлением немецких войск в типично казачьи области Дона, Кубани и Терека в 1942 году начался бурный рост численности казачьих частей, причем этот процесс активно поддерживался фронтовыми немецкими офицерами, включая такие фигуры как генерал-полковник, позднее фельдмаршал фон Клейст, командир корпуса генерал Шенкендорф и многие другие. Этому способствовала репутация казаков как отличных воинов и непримиримых борцов против большевиков в гражданской войне.

В высших сферах германского

руководства этот процесс одобрения не находил. Наиболее сильными его противниками были глава так называемого «Министерства восточных территорий» Альфред Розенберг по причине своих расистских убеждений и высший вождь СС и руководитель Имперского управления безопасности Генрих Гиммлер, считавший, что ни один человек не немецкого происхождения не должен иметь доступа к оружию.

Однако, Берлин далеко, а фронт близко, и летом 1942 года в боевых действиях принимало участие уже 6 или 7 казачьих полков и большое количество отдельных батальонов, сотен и других мелких казачьих групп, как на участках группы армий «ЦЕНТР», так и на Северном Кавказе. Успешный опыт применения казачьих частей на фронте и в антипартизанских операциях, а общее количество казаков в них превысило 20 тысяч, привело к тому, что встал вопрос об организации крупного казачьего соединения, однако только после Сталинграда, когда у высшего германского руководства поубавилось высокомерия и самоуверенности, в апреле 1943 года было принято решение о создании 1-й казачьей дивизии.

Формирование дивизии производилось на учебном полигоне возле города Млава в Польше. Дело было нелегкое. Даже такие крупные отряды как батальон Кононова или полк Юнгшульца, достаточно многочисленные и хорошо организованные и вооруженные, требовали переформирования в стандартно оформленные полки, а из прибывавших мелких боевых групп и партий из лагерей военнопленных необходимо такие же полки создавать заново.

Сразу же возникла проблема командного состава. Старших офицеров среди казаков почти не было, а из приезжающих казаков-белоземляков в строевую службу мало кто подходил по причине преклонного возраста и двадцатилетнего отрыва от воинской службы. Назначались немецкие офицеры, что не очень-то нравилось казакам.

Здесь необходимо отметить еще одно важное обстоятельство. К этому времени германским командованием было создано несколько так называемых «легионов» из советских граждан нерусских национальностей: азербайджанских, армянских, грузинских, туркестанских и т.д. Воинские части этих легионов не превышали батальона (позже были попытки формирования тюркской дивизии), возглавлялись немецкими офицерами и, хотя часть командного состава и была из легионеров, но порядки были такие,

что, скажем, немецкий фельдфебель имел больше власти, чем тот же грузинский капитан.

В некоторых казачьих отрядах, прибывавших в Млаву, были такие же порядки, но теперь, в дивизии, немецкие офицеры, стремящиеся их сохранить, из дивизии безжалостно изгонялись. Внедрялись служебные отношения исключительно на основе подчиненности и чиновничества, и теперь тот же немец-вахмистр тянулся в струнку перед казаком-лейтенантом и козырял как миленький. Пресекалась даже подача строевых команд на немецком языке, что, безусловно, практиковалось во всяческих легионах.

Сформированная дивизия состояла из шести полков:

- 1-й Донской полк,
- 2-й Сибирский полк,
- 3-й Кубанский полк,
- 4-й Кубанский полк,
- 5-й Донской полк,
- 6-й Терский полк.

5-й Донской полк возглавил подполковник Иван Никитович Кононов, получивший к тому времени уже известность, как среди казаков, так и в кругах немецкого командования. Командирами остальных полков были назначены немецкие офицеры, среди которых были и выходцы из Прибалтики, в совершенстве владеющие русским языком, что, конечно, немало способствовало их авторитету среди казаков. Командирами дивизионов были в большинстве также немцы, а эскадронами и взводами командовали преимущественно казаки. Только в 5-м Донском полку, у Кононова, все офицеры были только казаками, ни одного немецкого офицера в полку не было.

Командиром дивизии был назначен только что произведенный в генерал-майоры Гельмут фон Паннвиц, блестящий кавалерист и офицер редкой отваги. К этому времени за действия на Восточном фронте он был награжден Рыцарским крестом с дубовыми листьями, наградой очень высокой, которую в сравнении с советской наградной системой можно приравнять (условно, конечно) с дважды Героем Советского Союза.

По-русски он не говорил, но знал польский язык, и для украиноговорящих казаков-кубанцев проблем в общении с ним не было. В решении тех проблем между казаками и немцами, о которых я говорил раньше, его несомненная заслуга.

К началу сентября 1943 года комплектование дивизии было закончено, численность ее составляла более 18 тысяч бойцов. Что это были за люди, и какими путями шли они в дивизию?

Много было добровольцев, настоящих, убежденных и бескомпромиссных противников большевизма; большинство из них не служило в Красной Армии. Когда началась война, я был страшно удивлен тем, что некоторые мои знакомые по школе ребята, как постарше на год-два, так и мои ровесники, а мне было 16 лет, ушли в леса (наша станица предгорная, лесов вблизи сколько угодно), а потом при вступлении на Кубань немецкой армии поступали в добровольческие казачьи формирования. Значительная часть казаков прибыла из центров сосредоточения казачьих беженцев, ушедших вместе с отступающими немецкими войсками на запад и организованных в конце 1943 года в так называемый Казачий Стан под командованием Походного атамана полковника С. Павлова.

И все же основным источником для формирования 1-й казачьей дивизии были лагеря советских военнопленных. Шли они в дивизию по разным мотивам. Многие абсолютно добровольно и осознанно, стремясь вступить в борьбу с оружием в руках, многие — полудобровольно (читатель помнит, как я попал в казачью часть), многие — лишь бы выбраться из-под колючей проволоки немецких лагерей, хотя в 1943 году условия были в них совсем не такие, как в 1941. Были и просоветски настроенные люди, которые, получив свободу и оружие, надеялись при случае перебежать к советским войскам или партизанам. Таких было немного: за все время существования дивизии-корпуса дезертировало 250 человек, бш случай, когда в Югославии перешел к титовцам целый взвод во главе с лейтенантом. Один такой случай произошел на моих глазах, о чем я расскажу в свое время.

Каким был состав дивизии по национальным признакам? В дивизии были, хотя и в незначительном количестве северокавказцы: адыгейцы, кабардинцы, карачаевцы, осетины. Я не служил в отделе кадров казачьих формирований и не могу назвать точные цифры, но по моей приближенной оценке в дивизии-корпусе было процентов десять-пятнадцать не природных казаков, а жителей, русских людей — выходцев из традиционных казачьих областей. Выходцев из других частей России, по-моему, не было. Во всяком случае, мне не приходилось встречать казаков из Рязани, Пензы или Вологды.

Никакой дискриминации по отношению к горцам и вот таким казакам-неказакам не было. Отношения были абсолютно боевые —

Казак из добровольческих частей вермахта

товарищеские, истинно казачьи. Это понятно — по извечной казачьей традиции человек, попавший в казачье войско, уже становился законным казаком. Иногда слышались разговоры от старых эмигрантов, что необходимо таких казаков приписывать к конкретным станицам соответствующих войск, но где теперь были эти станицы?

Дивизия была готова, и встал вопрос о ее боевом применении. Направлять кавалерийскую дивизию на Восточный фронт, где имело место постоянное массовое применение танков (только что закончилось Курское сражение, где произошли самые крупные в истории человечества танковые битвы), было призвано нецелесообразным. Дивизия получила приказ о направлении ее во Францию, где ожидалась высадка англо-американских войск, но такое решение вызвало решительные возражения со стороны старших казачьих офицеров. Кононов на совещании командного состава дивизии прямо заявил, что англичане и американцы не являются врагами казаков, и ожидать от казаков какого-то усердия в боях против них бессмысленно. Присутствовавший на совещании П.Н. Краснов поддержал казачьих офицеров.

Приказ был изменен, дивизия направлялась в Югославию для борьбы против коммунистических партизан Тито, и в сентябре начала погрузку в железнодорожные эшелоны. Учебно-запасной казачий полк остался в селе Моково, недалеко от Млавы.

Прибыв на Балканы, казаки попали в бурлящий огненный котел.

После военного поражения Югославии все соседние государства урвали от нее немалые территориальные куски, а Хорватия стала самостоятельным независимым государством под руководством своего фюрера Анте Павелича. Политические противоречия смешались с давней национальной враждой, все это сплелось в неразрешимый кровавый клубок: все воевали против всех, но явной победы никто одержать не мог. Постепенно все большую силу приобретали коммунистические отряды Тито, активно поддерживаемые как Советским Союзом, так и англичанами, так что в оружии и военном снаряжении недостатка они не испытывали.

В приказе фон Паннвица говорилось: «Наш час настал! Наша борьба направлена на уничтожение большевизма! За свободу казачества!»

Так что отдыхать казакам не пришлось. Буквально с первых дней подразделения дивизии включились в боевые действия против партизан Тито. Хотя к этому времени называть их партизанами вряд ли было правильно: у Тито уже были сформированы бригады, дивизии, корпуса, прекрасны организованные и вооруженные, которые действовали на огромной площади, предпринимая неожиданные нападения на гарнизоны и коммуникации германских войск. Работы казакам хватало: бригада туда, бригада сюда, полк туда, полк сюда, и любой эскадрон поднимался по тревоге, молниеносно седлал коней и мчался туда, где совершалось нападение, где внезапно возник бой, а иногда и на выручку окруженных и подвергавшихся опасности собственных подразделений.

Территория боевых действий была для дивизии огромной: Хорватия, Сербия, Босния, Буковар, Винковци, Пакрав, Добой, Карловац, Сисак, Бихач, Костаиница — это далеко не полный перечень пунктов, в которых подразделения дивизии проводили военные операции. Действия казаков были весьма успешными; с одной стороны это объясняется высокими боевыми качествами и отвагой казаков, а с другой — тем, что в условиях горно-лесистой местности, слабо обеспеченной автомобильными дорогами, затруднявшей действия немецких моторизованных частей, отряды опытных хорошо вооруженных всадников были гораздо более приспособлены для боевых действий, как в обороне от внезапных нападений, так и при преследовании разгромленного противника. Бои были нелегкие, и на казачьем кладбище в Сисаке постоян-

но добавлялись новые ряды казачьих могил.

В августе 1944 г. генерал фон Паннвиц и полковник фон Шульц были вызваны в резиденцию Генриха Гиммлера в Восточной Пруссии.

Все рассказы об этом событии в советской печати о том, что с этого момента сам фон Паннвиц и все казаки стали эсэсовцами, являются стопроцентной ложью. Гиммлер вызывал фон Паннвица не как рейхсфюрер СС, а как командующий армией резерва, только что назначенный на эту должность вместо генерал-полковника Фромма, арестованного, а впоследствии и казненного по обвинению в причастности к заговору фон Штауфенберга и покушению на Гитлера 20 июля 1944 года. В обязанности Гиммлера входило теперь обеспечение пополнения действующих воинских частей и формирование новых.

На этом совещании было принято решение о развертывании 1-й казачьей дивизии в казачий корпус. Причин такого решения было три: во-первых, казаки очень хорошо проявили себя в боях, во-вторых, по всей Европе, в особенности в Польше и Франции, было разбросано много казачьих подразделений, состав которых был пригоден для пополнения корпуса, в-третьих, людские резервы самой Германии после Сталинграда и Курска были практически исчерпаны, и многие соединения уже не могли получать необходимых для достижения штатной численности пополнений, а мальчишки росли слишком медленно.

Предусматривалось иметь в составе корпуса три дивизии: две кавалерийских и одну пехотную (пластунскую). Командиром пластунской дивизии должен быть казачий офицер. Рассматривалась кандидатура генерала Андрея Шкуро, но окончательно остановились на кандидатуре полковника Ивана Кононова, командира 5-го Донского полка, наиболее отличившегося в боях, хотя и не всегда соблюдавшего дисциплину и правила цивилизованной войны.

Уже в сентябре, несмотря на отсутствие формального приказа о формировании корпуса, было начато усиление дивизии и повышение ее боевой мощи: дивизия получила тяжелые минометы, 105 мм гаубицы, зенитные орудия, начали прибывать казаки из Франции, где уже происходили бои с вышедшими англо-американскими войсками в Нормандии. 5-й Западный казачий полк был переведен из Франции в Австрию.

Тем временем дивизия находи-

лась почти в непрерывных боях, в журнале боевых действий появляются новые названия: Баня Лука, Нова Градишка, Оккучани, Копривница, Клоштар, Джорджевац. Бои происходили с неизменным успехом. Многие казаки получали боевые награды, в том числе и железные кресты 2-го и 1-го классов, что до этого времени для немцев не допускалось.

Время идет, военное положение Германии ухудшается, с открытием второго фронта становится почти безнадежным, казаки чувствовали приближение конца войны, разглагольствования Геббельса о чудо-оружии никого не убеждали, однако никакого уныния и упадка боевого духа не наблюдалось. Какая-то фатальная надежда продолжала оставаться в душах казаков.

В феврале 1945 года появился приказ о присвоении казачьему соединению наименования 15-го казачьего кавалерийского корпуса и назначении его командиром генерал-лейтенанта Гельмута фон Паннвица.

К этому времени реорганизация дивизии частично уже была выполнена: две бригады бывшей дивизии превратились в дивизии, для формирования пластунской дивизии необходимого количества казаков не было, поэтому была создана пластунская бригада из 7-го и 8-го пластунских полков и конного резведдивизиона. Командиром бригады был назначен полковник Кононов. Он не хотел расставаться со своим 5-м Донским полком, которым командовал более двух лет, и этот полк вошел в бригаду вместо 7-го Пластунского, а вся бригада получила наименование Кононовской.

А во вторую дивизию в качестве компенсации за выведенный из ее состава 5-й Донской полк были включены два отдельных дивизиона.

Был ли сформирован 7-й полк, я не знаю. Во время моих скитаний в Хорватии, Австрии, затем в проверочно-фильтрационном лагере и многих лагунках ГУЛАГа я встречал казаков из всех полков 1-й казачьей дивизии и 8-го Пластунского полка, а казаков из 7-го полка мне встречать не приходилось.

Встречается информация о том, что вместе с нашим корпусом или даже в его составе действовал калмыцкий полк. Но калмыков я тоже не встречал.

И вот, как я уже рассказывал, в первых числах февраля 1945 года я прибыл в 5-й Запасной казачий полк 15-го казачьего корпуса.

(Окончание следует)

Вольфганг Акунов

БРОНЯ КРЕПКА И ТАНКИ НАШИ БЫСТРЫ

Венок на могилу полковника Пайпера

Шел второй день «Арденнского прорыва» — последнего германского наступления на Западном фронте. Утро этого 17 декабря 1944 г. здесь, на западных склонах Бельгийских Арденн, выдалось сырым и туманным. Шел мелкий, холодный дождь, принесенный с Атлантики порывистым северным ветром. К южной окраине небольшого городка Мальмеди подходил полносоставный американский бронеполк, состоявший из 27 новейших танков «Шерман», 26 стволов полевой и противотанковой артиллерии и 200 солдат и офицеров. Кварталы города, смутно проступавшие сквозь пелену тяжелого утреннего тумана, казалось, были уже совсем близко. Американские танкисты, высунувшись по пояс из башен, весело переговаривались через ларингофоны. И вдруг...

Что-то очень большое и одновременно быстрое промелькнуло в просвете тумана и на колонну, на ходу поворачивая длинный хобот башенного орудия, выскочил из-под склона оврага немецкий средний танк «Пантера» с «крестом святого Николая» на броне. Хрустнул раздавленный гусеницей «Пантеры» лафет головного американского орудия. Она стремительно перемахнула через две следующие, теперь, вблизи, уже не опасные противотанковые пушки. Косо, почти на ходу, с каким-то хохочущим надрывом, выплюнув дымно-красный сноп огня, ударило орудие «Пантеры» — и сразу же рванул боекомплект на головном американском «Шермане». Мертвенно клюнув стволом, «Шерман» мгновенно превратился в ярко пылающий факел. Откуда-то сбоку, из тумана, вынырнули еще два немецких танка и, круто развернувшись,

ударил из пулеметов по американской орудийной прислуге. Вспыхнули, так и не успев приготовиться к бою, еще два новехоньких «Шермана», а остальные, грузно ломая строй, испуганным стадом аризонских быков, ринулись вниз по пологому, долгому склону, трусливо подставляя шипящим на лету снарядам немецких «Пантер» свои угловатые пепельные

бока...

Разгром был полный. На поле танкового боя, продолжавшегося не более четверти часа, остались 16 сгоревших «Шерманов» и тела 70 (по иным сведениям — 71) убитых американцев. Вся ствольная артиллерийская батарея была полностью уничтожена. При этом немцы не потеряли ни единого человека. Успех германского танкового удара под Мальмеди мог бы войти в анналы мировой военной науки, как одна из самых быстрых и результативных тактических танковых операций II мировой войны. Мог бы, но не вошел. Тому имелось несколько причин.

Во-первых, немецкий план сбросить англо-американских «союзников» в Атлантический океан, откуда они приплыли, потерпел неудачу. После настойчивых просьб Рузвельта и Черчилля «спасти рядового Райана» Сталин бросил в массированное наступление советские войска трех центральных фронтов, что заставило командование германского вермахта перебросить наиболее боеспособные части с Западного фронта на Восточный. Немецкое наступление в Арденнах было остановлено — англо-американцы оказались спасены.

Во-вторых, блестящая победа под Мальмеди была одержана войсками СС, которые, по-видимому, еще до вынесения соответствующего приговора Нюрнбергского международного трибунала, было негласно решено считать, вместе со всеми СС, преступной организацией — *хотя с таким же успехом можно было бы считать советские войска НКВД, сражавшиеся на фронтах, ответственными за все преступления, совершенные палачами НКВД в сталинских лагерях и застенках, только из-за того, что они носили одинаковую форму!*

В-третьих, командование американских экспедиционных сил, презрев все правила офицерской чести, не пожелало перед лицом Истории признать свои войска столь быстро и бесславно разгромленными при Мальмеди. Уничтожение, в течение всего лишь четверти часа, целого бронеполка силами всего лишь 5 немецких средних танков, можно было объяснить только двумя причинами:

1) полной бездарностью американского военного руководства (но этого американцы, понятное

дело, признать не могли — «честь мундира» не позволяла!);

2) превосходной моральной и боевой подготовкой противника (но признание этого факта, конечно же, нанесло бы удар по боевому духу армии США, особой стойкостью не отличавшейся — тому примером служат ее компании во Вьетнаме, Сомали, Ираке и т.п.).

Впрочем, закрыв глаза на правду, можно было попытаться найти (а говоря точнее — измыслить) и четвертую причину случившемуся. И англо-американские мудрецы пошли по этому четвертому пути.

Через несколько дней после стабилизации фронта в Арденнах радиостанция британских Королевских ВВС передала информационную сводку (разумеется, не сообщив, что переданная ею информация поступила отнюдь не от войсковой разведки, с поля боя, а с прямо противоположной стороны — из-за океана, от спецслужб США!). В сводке сообщалось, что немцы, с целью создать впечатление о разгроме американских войск под Мальмеди, перебили несколько сотен пленных американских солдат, якобы специально привезенных заранее с этой целью в район Мальмеди из Германии.

Так была спасена «честь американского мундира». Но этим дело не кончилось.

По окончании войны в разделенной на оккупационные зоны Германии началась форменная охота за военными служащими танковой дивизии СС «Лейб-Штандарт Адольф Гитлера» (хотя в бою под Мальмеди участвовали лишь 5 танков «Пантера» из состава 1-го танкового полка, входившего в состав этой дивизии). В нарушение всех международных конвенций об отношении к бывшим военным служащим капитулировавших военных держав, солдат и офицеров 1-й танковой дивизии СС арестовывали и подвергали тюремному заключению уже после их фактического разоружения и, конечно, значительно позднее совершения самого юридического акта безоговорочной капитуляции Германии. Более 1100 младших офицеров и солдат танковой дивизии «Лейб-

Немецкий танк Т-VI Тигр

Штандарт Адольф Гитлер» были заключены в тюрьму г. Швебиш-Галль, где из них усердно выбивали «добровольные признания» в не совершенных ими преступлениях при помощи поистине средневековых пыток (например, забивания под ногти железных гвоздей с последующим накаливанием этих гвоздей добела в пламени газовой горелки, и т.п.). Заключенные в Швебиш-Галле подвергались и многочисленным моральным издевательствам и унижениям. Самым «безобидным» из них было требование американских «следователей», чтобы заключенные немецкие солдаты регулярно справляли естественные надобности на специально разостланную в камере карту «третьего рейха», а затем спали на ней, свернувшись клубком и имитируя своей позой и движениями повадки собаки. Американские военные следователи никогда особо не миндальничали с военнопленными. Совсем недавно нам показывали по телевидению интервью с вьетнамским офицером-инвалидом, которому американские тюремщики, пытаясь склонить его к сотрудничеству, отпилили по кускам обе ноги — разумеется, без наркоза! То и дело мы узнаем похожие новости из американских военных тюрем в оккупированном Ираке. Но это так, к слову.

Команду «следователей» в мундирах армии США возглавляли полковник Розенфельд и старший лейтенант Перль. Последний страдал тяжелой формой паранойи с

садистскими наклонностями. Кстати, позднее, уже по возвращении Перля в США, он был приговорен американским судом к 16 годам тюремного заключения за зверское избиение собственной невесты, которой он в порыве садистской страсти переломал все (!) пальцы на обеих руках! Но это так, к слову.

Несмотря на все это, американским «запечных дел мастерам» удалось выбить «добровольные признания» лишь из немногих заключенных, а именно — 18-летних солдат. Применявшиеся к заключенным пытки привели к нескольким случаям самоубийств и умственного помешательства. Достаточно сказать, что назначенная впоследствии для пересмотра всех дел американская сенатская комиссия установила 139 случаев одних только неизлечимых повреждений половых органов у допрашивавшихся «с пристрастием» немецких заключенных.

«Процесс Мальмеди» начался в мае 1946 г. в лагере Дахау под руководством «юридического советника армии США», того же полковника Розенфельда, хотя в составе суда было и несколько американских генералов. Суд отклонил (не называя причины) показания взятого в плен немцами американского полковника Мак Гауна, являвшегося непосредственным свидетелем боевых действий 1-го танкового полка дивизии СС «Лейб-Штандарт Адольф Гитлер» и утверждавшего, что все 70 аме-

риканских военнослужащих были убиты под Мальмеди в бою, а не расстреляны немцами «задним числом». Вмешите с тем, подобная непонятная «глухота» к показаниям свидетеля-очевидца ничуть не помешала американской военной Фемиде принять на веру устное голословное заявление обер-садиста Перля, что во время следствия он, якобы, и пальцем не тронул ни одного из заключенных.

В качестве главного обвиняемого на «процессе Мальмеди» проходил штандартенфюрер СС (подполковник войск СС) Йоахим Пайпер — один из храбрейших германских офицеров времен II мировой войны, награжденный Железными крестами II и I класса и Рыцарским крестом Железного креста с дубовыми листьями, командир танкового полка в 30 лет. Благородство Пайпера не раз на протяжении процесса приводило американских судей в полное замешательство. С самого начала судебного разбирательства полковник Пайпер¹ взял на себя единоличную ответственность за недоказанную «вину» всех чинов своего танкового полка — при условии сохранения жизни его бывшим подчиненным. Суд, жаждавший крови, отклонил это предложение.

Чтобы лучше понять личность этого немецкого солдата, небезынтересно будет привести следующую выдержку из протокола допроса полковника Пайпера, опубликованного в американском журнале «Political Science quarterly» за июнь 1956 г.):

Вопрос: Принимали ли Вы, проходя службу в войсках СС, участие в репрессиях против гражданского населения?

Пайпер: Нет, не принимал. Регулярные войска СС составляли наиболее боеспособную часть германской армии, мы принимали участие почти что исключительно в наступательных операциях, направленных на прорыв неприятельской обороны либо же на стабилиза-

цию линии фронта при натиске на позиции наших войск.

Вопрос: Но Вы, конечно, знали о том, что войска СС используются для репрессий против мирного населения?

Пайпер: Повторяю, что за четыре года службы мне ни разу не приходилось слышать об использовании в этих целях регулярных частей СС. Офицеры СС иногда принимали участие в подобных акциях, в качестве командиров специально сформированных, по большей части из состава тыловых батальонов и румынских войск, команд. Регулярные же части СС решали боевые задачи.

Вопрос: Неужели Вы, *воюя в составе частей СС* национал-социалистической Германии, не понимали, что *совершаете уголовное наказуемое деяние?* (курсив наш — В.А.)².

Пайпер: Я всегда считал и считаю, что, вступив в годы войны в СС, я лишь выполнял свой долг перед германским государством и свой долг немца перед германской нацией. Штандартенфюрера СС Карла Пайпера можно обвинять в чем угодно (например, в «слепом фанатизме» и пр.), но только не в отсутствии национального достоинства, солдатской честности и человеческой чести.

16 июля 1946 г. суд вынес приговоры 73 обвиняемым. 43 обвиняемых были приговорены к смертной казни. Приговоренных к электрическому стулу спасло лишь энергичное вмешательство американского защитника обвиняемых на процессе, военного юриста подполковника Эверетта. Возмущенный до глубины души столь драконовским приговором, Эверетт, с помощью нескольких сенаторов, дошел до Федерального Суда США. В результате специального расследования материалов дела сенатской комиссией совместно с комиссией Федерального Суда США, ни один из смертных приговоров не был приведен в исполнение, и, в конечном счете, все приговорен-

ные были, по прошествии нескольких лет, отпущены на свободу. Главный обвинитель на «процессе Мальмеди», американский подполковник Эллис, требовавший в 1946 г. смертного приговора для Йоахима Пайпера, спустя 20 лет написал Пайперу письмо, в котором попытался объяснить свои действия в ходе процесса «соображениями воинской дисциплины» (словечко «политкорректность» тогда еще не вошло в употребление). При этом Эллис отмечал, что «всегда считал полковника Пайпера достойным джентльменом» и не сомневался, что «приговор будет в конце концов отменен». Интересно, что через 20 лет напишут Милошевичу, Караджичу, Младичу и Саддаму Хусейну их «собственные» обвинители?

К сожалению, полковник Эллис ошибся. «Занитересованная сторона» не упускала Пайпера из виду и после освобождения, ожидая удобного случая для отправления своего собственного «правосудия» и вынесения своего собственного «приговора». Уже через 30 лет после «процесса Мальмеди» Йоахим Пайпер был зверски убит и сожжен в доме своей сестры на юге Франции, где он провел последние годы жизни. Когда представители французской криминальной полиции осматривали обугленный труп бывшего штандартенфюрера Пайпера, они ужаснулись, хотя по долгу службы повидали многое. В глазницы Пайпера были глубоко вбиты Железный и Рыцарский кресты, которые полковник всегда держал при себе. Убийцы и мотивы преступления так и остались невыясненными...

¹ На момент боя под Мальмеди Йоахим Пайпер имел чин оберштурмбанфюрера (подполковника войск СС).

² Заметьте: Йоахим Пайпер служил в войсках СС **до** признания их частью преступной организации Нюрнбергским трибуналом!

НАШИ КНИГИ

менного правительства Русской республики, редактора газеты «Эра России» и журнала «Наследие предков» Владимира Юрьевича Попова рассказывает о становлении русского национально-освободительного движения в России 1990-2002 гг. Рекомендуются для всех политически активных русских людей, интересующихся современностью, каковой её видят непосредственные участники важнейших событий. Книга носит автобиографический характер и несёт в себе важнейшее качество — искренность.

«РУССКАЯ РЕСПУБЛИКА. Сборник документов и статей». Спецвыпуск журнала «Наследие предков» №2/2003. 44 стр., 25 руб.

Брошюра посвящена организационным документам Русской республики и публицистическим статьям В.Попова, А.Широпаева, Е.Рогачева, В.Кривога.

В сборнике публикуются документы: Манифест о восстановлении русской государственности, Постановление №1, Постановление №2, Постановление №3, Обращение к

них русов, основателей русского государства, об истории противостояния русского, нордического, норманнского начала основателей династии рюриковичей с азиатским, византийским, хазарским влиянием на территории России. С принятием христианства на Русь хлынули греческие миссионеры, уже давно породившиеся с азиатами. Татаро-монгольское нашествие серьёзно повлияло на расовый состав Руси. Большая часть потомков нордических русов полегла в битвах с азиатскими ордами. Московское государство уже не было однородным по расовому составу. Азиатский элемент постоянно усиливался и во время Ивана Грозного стал доминирующим.

Деятельность Ивана Грозного вообще ещё не оценена по заслугам. Именно при нём нордическая Русь закончилась и появилась евразийская Россия, чему способствовали новые территориальные приобретения на востоке с преимущественно татарским населением и уничтожение

Г. Л. Бельский, В.Ю.Попов. «ПУТИН И ЕГО КОМАНДА». Сборник статей. Спецвыпуск журнала «Наследие предков» №1/2002. 32 стр., — 25 руб.

В сборник вошли статьи, опубликованные в газете «Эра России» в 2001 году и получившие широкий резонанс: «Нострадамус о Путине», «Перепись населения России закончится «Страшным Судом»», «Паутина Путина», «Тайная причина терактов в Америке» написанные В.Поповым и «Чекистский ренессанс», «Антихрист-style», «Банкет в кругу крыс» Г.Бельского. Сборник раскрывает оккультные и политические корни такого явления, как «путиномания» среди политической верхушки России. Показана связь режима РФ с международными криминальными сектами.

В.Ю.Попов. ВОЗВРАЩЕНИЕ РУСИ (На пути к русскому государству). «Наследие предков». Москва. 2003. 320 стр. — 150 руб.

Книга Верховного правителя Русской республики, председателя Вре-

русскому народу, краткая биография председателя КОМУЧ В.Ю.Попова, и статьи: «Нам нужна Русская республика», «Как нам обустроить Россию и покончить с внутренним врагом?», «Где кончается Россия и начинается Русь», «Создадим Русское государство», «Власть в Русской республике», «Кто против Русской республики?», «Русская республика или смерть!», «За свободу и независимость Русского народа!», «1 декабря — решающий день!», «РОССИЯ: ПЕРЕЗАГРУЗКА. Круглый стол по проблеме создания Русской республики».

А.А.Широпаев. «ТЮРЬМА НАРОДА». М.: «НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ», 160 стр., 70 руб.

Эта книга — продолжение векового спора о происхождении древ-

древних русских аристократических родов. Впрочем на Иване Грозном династия рюриковичей прервалась и началась на Руси Смута. Вплоть до воцарения на российском престоле немецких по-крови государей Россия была азиатским государством и по форме правления и по расовому составу правящего слоя.

Казалось бы немецкое правление в России пресекло азиатское господство, но во время правления Екатерины II в России появилось новое опасное инородческое племя — евреи. Именно их деятельность изменила баланс сил к началу XX века. С большевистской революцией последовал реванш азиатчины, которому во многом способствовал братоубийственный конфликт между Россией, во главе которой была немецкая аристократия, и Германией. Первая мировая война ознаменовалась многочисленными немецкими